

ГЕЛИЙ КОРЖЕВ:

художник
больной совести

С. 80

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

-Тся, -ться И ТОТАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

С КАЖДЫМ ГОДОМ ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ АКЦИИ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ» растет. В этом году его писали сотни тысяч людей в 732 городах мира. И даже незрячие впервые получили возможность проверить свою грамотность. Акция эта – не только народная в узком смысле этого слова: каждый год к ней, рискуя, возможно, репутацией (ведь стыдно написать диктант плохо), присоединяется некоторое число чиновников – члены региональных правительств, к примеру.

Так, в Якутске в этом году на диктант потянулись работники местного Следственного комитета. В связи с этим велик, наверное, соблазн вообще сделать тест на умение грамотно писать по-русски для чиновников обязательным, учитывая оценки за него в ходе регулярной аттестации служащих. Возможно, мы к этому и придем. Пока же обременять Тотальный диктант бюрократической «обязаловкой» не стоит, дабы не «спугнуть» вдохновение широких народных масс.

В дни, когда пишется Тотальный диктант, а потом в каждом городе обнаруживаются десятки людей (если город крупный), написавших этот довольно сложный текст идеально, как-то отступают на второй план нехорошие, но широко распространенные мысли насчет уровня нашего образования вообще и уровня грамотности в частности. Не все так плохо, оказывается. Хотя могло быть и получше, конечно. В этом году, в общем, подтвердились тенденции прошлых лет. Радует то, что, судя по результатам написания диктанта, основная масса людей довольно неплохо усвоили правила русского языка, входящие в школьную программу. Типичная «засада», как говорят обычно в таких случаях школьники

и студенты, это в написании *-тся* и *-ться* и употреблении приставок *пре-* и *при-*.

Что же касается общего уровня грамотности, то наша страна в этом году по-прежнему входит в первую двадцатку по его уровню: согласно опросу Всемирного банка, уровень грамотности почти 100 процентов, а 54 процента занятого населения в России имеют высшее образование (на уровне колледжа, если пользоваться универсальной шкалой). Мы вновь обогнали по этим показателям Америку. Но надо все же правила употребления *-тся* и *-ться* выучить. **Н**

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-нального фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Удачный старт
09 В Греции есть всё.
Даже кадеты
11 «Янтарные перья»
Латвии

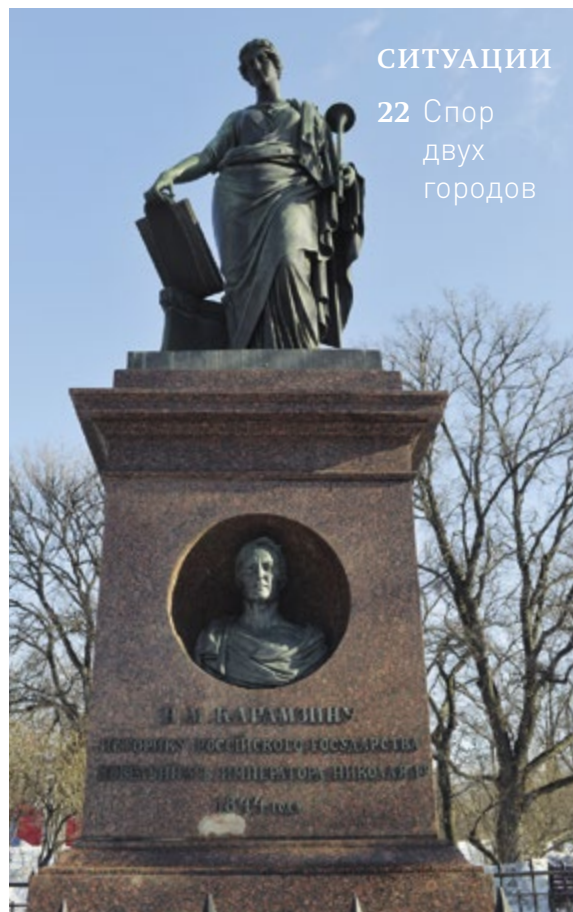
РУССКИЙ ЯЗЫК

- 14 Живая филология

ИНТЕРВЬЮ

- 18 Меж двух берегов

СИТУАЦИИ

- 22 Спор
двух
городов

ИСТОРИЯ

- 30 Крайний кавалер

- 38 Свидетели
апокалипсиса

- 46 Московский пророк

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 52 Унесенные ветром

НАСЛЕДИЕ

- 60 Сказочник Страны Советов

- 70 «Золушки»
на эстраде

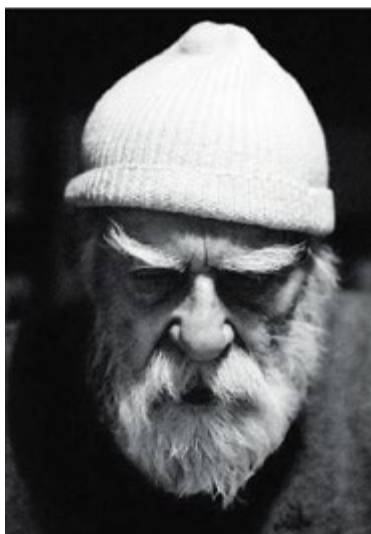
ПАМЯТЬ СЕРДЦА

АНАТОЛИЙ ГАРИНИН/РИА НОВОСТИ

76 Другая сторона войны

КУЛЬТУРА

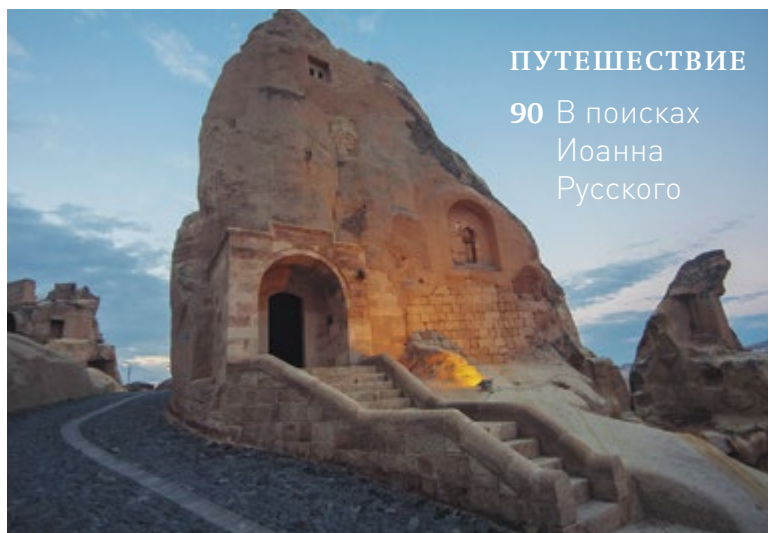

80 Возвращение титана

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

86 Против течения

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 В поисках
Иоанна
Русского

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Виктор ГАВРИКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Владимир ТИХОМИРОВ
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра БУРОГО

УДАЧНЫЙ СТАРТ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В МОСКВЕ ЗАВЕРШИЛСЯ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ – 2016». НА НЕГО СЪЕХАЛИСЬ МОЛОДЫЕ ПЕДАГОГИ СО ВСЕХ РЕГИОНОВ НАШЕЙ СТРАНЫ. ЛУЧШИЕ ИЗ НИХ ПОЛУЧИЛИ НАГРАДЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ЭНтузиасты из Ассоциации лучших школ решили провести конкурс для молодых учителей. Нашли спонсоров, пригласили журналистов и в разгар бархатного сезона поехали в Анапу. Здесь в октябре 2006 года состоялся первый финал конкурса «Педагогический дебют». В нем принимали участие 14 человек. Число корреспондентов, освещавших мероприятие, в несколько раз превышало число участников. Окрыленные победители вернулись домой, поделились своими впечатлениями, и заработало сарафанное радио. Конкурс быстро стал популярным. В 2011 году в Омске впервые провели областные состязания молодых педагогов. Победивших направили в Москву бороться за звание лучших в стране. Их примеру последовали другие регионы, и конкурс стал всероссийским. Он проводится в два этапа. Первый – заочный, второй, финальный –

очный. И если в первом конкурсе участвовали 25 человек, то через десять лет свои работы прислали 306 молодых специалистов. Из них на финальные состязания в Москву приехали 84 учителя из 35 субъектов Российской Федерации.

Увеличилось и количество номинаций. К первоначальной номинации «Молодые учителя» постепенно добавились еще четыре – «Молодые педагоги-психологи», «Молодые педагоги дополнительного образования», «Молодые управленцы»

Награждение победителей конкурса проходило в Малом зале Государственной думы

Победителей конкурса поздравил председатель комитета Государственной думы по образованию Вячеслав Никонов

и «Молодые руководители дошкольных образовательных организаций». Церемония награждения теперь проводится в Государственной думе. В этом году жюри выбрало 16 победителей. Награды им вручал председатель комитета Государственной думы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов.

– Учитель – это самая благородная и нужная профессия, которую должен ценить каждый человек. От наших родителей и учителей зависит то, какими мы станем, – сказал он. Участники, соревновавшиеся в номинациях «Молодой учитель», «Молодые психологи-педагоги» и «Молодые педагоги дополнительного образования», проводили конкурсные уроки по своему предмету и занятия по разработанным ими, авторским программам.

Вот уже четвертый год конкурс проходит на базе московской гимназии №1518, и ее ученики ждут его с не меньшим нетерпением, чем участники. Конечно, молодые учителя волнуются, но школьники очень доброжелательно относятся к ним, помогают и болеют за них.

– Меня поразил высокий уровень подготовки московских детей, с ними было очень просто и легко работать, – рассказывает Константин Зеленский, учитель истории и обществоведения из гимназии №13 Магадана. – Все задания они делали в два-три раза быстрее того времени, которое я запланировал. Мне приходилось по ходу перестраиваться, импровизировать и придумывать дополнительные задачи. Константин сменил успешную карьеру госслужащего на живую работу с детьми в школе и ни разу не пожалел об этом. Дети хоть и разные, считает он, но в чем-то и одинаковые. Везде есть те, кто не хочет заниматься и учить скучные уроки, всем им интересно что-то новое и интересное. У московских педагогов значительно больше возможностей, чем у их провинциальных коллег. Они лучше технически

оснащены, им доступны новые технологии, близко расположены многие культурные и исторические памятники и источники информации. Большой выбор ресурсов для повышения квалификации.

– Но, несмотря ни на что, я знаю, что все зависит от меня, – говорит Константин. – С каким настроением я войду в класс, так и пройдет урок. Приду грустным, вялым, злым, и дети будут реагировать соответственно. А если веселым, активным, позитивным, то и занятия пройдут живо, интересно, и ученики будут работать увлеченно. Я люблю петь по утрам и танцевать по вечерам, и это позволяет мне всегда быть в тонусе.

Константин увлекается велоспортом и мечтает быть директором школы. В этот раз ему не удалось стать лауреатом, но он не унывает и собирается победить в следующем году.

Обладательница специального приза комитета Государственной думы по образованию Александра Кожевникова на своем конкурсном уроке рассказывала третьеклассникам о временах глаголов. Она работает учителем начальных классов в Шutilовской сельской школе в Нижегородской области. Александра с детства мечтала стать педагогом, учила своих кукол и подруг.

– Мне нравится, как малыши смотрят на меня горящими глазами и затаив дыхание слушают. Сельские дети отличаются от городских. Они добрые, любвеобиль-

ные, открытые, более спокойные и уравновешенные. Жизнь в селе неторопливая. Нам не надо куда спешить, но это не значит, что мы отстаем от цивилизации, мы их учим всему.

Александра стала участником программы поддержки молодых специалистов, по которой ей построили дом площадью 65 квадратных метров, где она и живет с мужем и двухлетней дочкой. Также ей подарили машину, и Александра с трудом, но научилась ее водить и теперь ездит на ней за 30 километров из соседнего села в свою школу. В ней занимаются 64 ученика. Так как школьников мало, педагоги одновременно, в одном помещении проводят уроки для двух классов – первого и третьего, второго и четвертого. Это сложно.

– Я считаю, что в таких малокомплектных школах, как наша, необходим методист, который будет заниматься различной документа-

Победители конкурса в Малом зале Государственной думы

Награду Алексею Глинскому, победителю конкурса из Владивостока, вручала директор департамента государственной политики в сфере общего образования Минобрнауки РФ Анастасия Зырянова

цией, – говорит Александра. – Это разгрузит учителя и даст ему возможность более тщательно готовиться к урокам.

Детям тоже тяжело учиться в таких условиях. Им сложно сосредоточиться на своем задании, не отвлекаться на то, что объясняет педагог ученикам другого класса на соседнем ряду, не слушать их ответы и не смотреть не предназначенные им демонстрационные материалы и мультимедийные ролики. Это вредит не только учебе, но и здоровью школьников.

Конкурсная презентация Александры Кожевниковой и была посвящена организации работы учителя в таких классах. Она разработала методику, которая позволяет не только оптимизировать учебный процесс, но и сохранить здоровье детей.

В номинации «Молодой учитель» участвовал 51 человек. Лучшими стали Леонид Дедюха, учитель физики гимназии №11 из Новосибирска, Кристина Маркина, учитель английского языка Лингвистической гимназии из Ульяновска, Елена Смирнова, учитель французского языка гимназии №3 из Самары, Айтуган Тагиров, учитель начальных классов лицея №1 из села Большеустьинское Республики Башкортостан, Иван Меньшиков, учитель математики школы №480, и Ксения Уткина, учитель русского языка и литературы школы №543 из Санкт-Петербурга.

В категории «Молодые педагоги дополнительного образования» победили Алексей Глинский, молодой специалист из владивостокского детского лагеря «Океан», и Алексей Романчук из санкт-петербургского детского морского центра «Юный моряк». А в категории «Молодые педагоги-психологи» – Виталий Веселов из лицея №369 Санкт-Петербурга, Мадина Оздоева из гимназии №1 Назрани, Республика Ингушетия, и Анастасия Руднева, сотрудник детского лагеря «Артек» из Гурзуфа, Республика Крым. В финал конкурса вышел 131 человек, но у некоторых из них не было возможности приехать в Москву.

Причины в основном финансовые. – Вы не представляете, какие материалы прислали саратовские учителя. Лучшие за все время существования конкурса, – рассказывает Ирина Боровикова, исполни-

тельный директор некоммерческого партнерства «Ассоциация лучших школ». – Все члены жюри – а каждую работу смотрят по три эксперта из разных регионов – были в восторге и единогласны в своем выборе. Там были такие интересные и талантливые находки! Очень обидно, что пятеро из саратовских финалистов не смогли участвовать в очном этапе.

Но двое специалистов из Саратовской области все же приехали и не оставили никаких шансов на победу своим коллегам из других регионов. Галина Кириак из города Энгельса и Елена Аванян из города Пугачева стали лучшими в номинации «Молодые руководители дошкольных образовательных организаций». Елена Аванян работала в Бугуруслане Оренбургской области, организовала там свой детский сад. Потом вышла замуж и переехала в Саратовскую область. Сейчас трудится заместителем заведующего по воспитательной работе в «Центре развития ребенка – детском саду «Росток». Увлекается шахматами и участвует в различных турнирах. На конкурсе Елена рассказывала о «внедрении в работу дошкольных учреждений системных обновлений». Окружающий мир постоянно меняется, Интернет стал частью нашей жизни, компьютеры, смартфоны и другие гаджеты устаревают с невероятной скоростью, их мощность и возможности постоянно растут, появляются другие «плоды» достижений науки

и техники. Соответственно, должны меняться методы и приемы образования, в том числе дошкольного.

– Дети изменились по сравнению с их сверстниками середины и конца XX века, у которых не было ни компьютеров, ни сотовых телефонов. Сейчас они быстрее схватывают материал и адаптируются к окружающей действительности. В плане новых технологий дошкольники порой более развиты, чем их воспитатели, – считает Елена Аванян. – Значит, педагоги должны думать по-другому, быть мотивированными, творческими и самостоятельными людьми, уметь работать в команде. Елена считает, что необходимо отойти от обучения детей в форме заучивания фактов. Все навыки и знания они должны усваивать через игру. Через нее же надо научить детей добывать информацию, понимать ее и применять на практике. Конкурсанты, состязавшиеся в номинации «Молодые управленцы»,

Председатель комитета Государственной думы РФ по образованию Вячеслав Никонов с коллегами

Награду Мадине Оздоевой, педагогу-психологу из Назрани, вручал ректор МГППУ Виталий Рубцов

делали пятиминутный ролик, в котором презентовали себя, свою работу, организацию и коллектив. Им также давали творческое задание. За три минуты они должны были найти выход из предложенной проблемной ситуации. Например, как поступить, если твою организацию приглашают на митинг, который идет вразрез с твоими убеждениями. Руководитель должен принять мудрое решение, чтобы не подвести ни себя, ни коллектив, ни начальство.

Свои способности и навыки продемонстрировали 17 молодых руководителей. Лучшими стали Екатерина Белоцерковская из школы №69 Екатеринбурга, Олег Рогель из школы №39 города Троицка Челябинской области и Алексей Турчин из гимназии №24 имени И.А. Крылова Санкт-Петербурга.

Кстати, Олег Рогель уже второй раз участвует в конкурсе, в прошлом году он не смог стать лауреатом. А для Алексея Турчина это состязание третье. Первый раз он победил в номинации «Молодые учителя», второй раз состязался в категории «Молодые управленцы», но безуспешно.

В качестве приза все победители получили сертификаты на бесплатную пятидневную стажировку в Санкт-Петербурге.

Еще десятирых участников, соревновавшихся в номинации «Молодой учитель», жюри отметило специальными дипломами. Двоих специалистов в категории «Молодые управленцы» наградили ценными подарками и путевками в десятидневную Летнюю интерактивную школу в Феодосии. Члены жюри считают, что уровень участников повышается с каждым годом. Расширяется и количество регионов.

Молодые люди общаются между собой, узнают друг от друга много нового. Обсуждают проблемы, беспокоящие их, например низкие зарплаты, множество бумаг, которые им приходится заполнять, необходимость разделения труда учителя и труда классного руководителя, отсутствие возможностей повышения квалификации. Конкурсанты встречались с известными специалистами в области педагогики. Они познакомили их со своими методиками, поделились профессиональными секретами.

Самое главное, как считает Ирина Боровикова, это «послевкусие» конкурса, то, что происходит после него. Молодые люди возвращаются домой, полные энтузиазма и планов на будущее. И они знают, как их воплощать.

– Были случаи, когда приезжали учителя, которые собирались уйти из школы, – говорит она. – Помню двух девушек из Омска и молодого человека из Санкт-Петербурга. Они стали лауреатами и, самое важное, передумали менять профессию. Конкурс дал им хороший «пинок». Они все реализовались как специалисты и сейчас занимают высокие должности.

Три года назад участники «Педагогического дебюта», не захотев расставаться, организовали Межрегиональный клуб молодых педагогов. Они приезжают в Москву и в рамках конкурса проводят различные мероприятия, устраивают творческие вечера, дают мастер-классы для своих коллег.

Нередко молодые люди оканчивают педагогический вуз только потому, что он близко от их дома. Потом идут преподавать в школу, так как других мест работы в их городке нет, и дальше уныло тянут свою лямку. Попав на конкурс, они видят, какими воодушевленными приезжают учителя из других регионов, и загораются тоже. У них появляется интерес к профессии, и, вернувшись домой, они трудятся уже с удовольствием.

– Уважение к профессии учителя – это то, что отличает высокоразвитые страны от развивающихся, – сказал Вячеслав Никонов, поздравляя номинантов конкурса «Педагогический дебют – 2016». – Современный мир – это мир интеллекта и высоких технологий, в котором образовательный, человеческий капитал решает все. Сейчас в этом зале я вижу одухотворенные, красивые, целеустремленные лица молодых педагогов, которые сделали этот абсолютно правильный, хотя и непростой выбор. Я знаю о профессии педагога не понаслышке. Это серьезный и во многом подвижнический труд. Но это самый благодарный труд, который очень нужен и нашим детям, и всем нам, и нашей стране. 🇷🇺

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Оркестр
Московского
музыкального
кадетского
корпуса

В ГРЕЦИИ ЕСТЬ ВСЁ. ДАЖЕ КАДЕТЫ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ [ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА]

В ТОМ, ЧТО В ГРЕЦИИ ЕСТЬ ВСЁ, ВКЛЮЧАЯ ИХ КОЛЛЕГ, УБЕДИЛИСЬ РОССИЙСКИЕ КАДЕТЫ ВО ВРЕМЯ ДРУЖЕСКОГО ВИЗИТА В АПРЕЛЕ 2016 ГОДА.

ДОВОДИЛОСЬ ЧИТАТЬ, что в конце XVIII века в Петербурге открылась Гимназия для чужестранных единоверцев, которую в просторечии называли Греческой гимназией или Греческим корпусом. Дети из иностранных право-

славных семей, в подавляющем большинстве греки, окончив это уникальное учебное заведение, переходили для дальнейшего воспитания и образования в Морской шляхетный кадетский корпус. В общей сложности его окончили 120 воспитанников корпуса Грече-

Солисты
Елизавета
Бондаренко
и Кирилл
Королев
из Московского
объединенного
морского
корпуса Героев
Севастополя

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ского. Семь человек стали генералами русской армии, пять – адмиралами русского флота.

Наличие в современной Греции собственного кадетского корпуса для подавляющего большинства из нас, согласимся, новость. И весьма неожиданная. В России привыкли думать, что пусть кадетство – изобретение не русское, а прусское, но сегодня кадет водится, преимущественно, в нашей стране. Однако выяснилось, что еще в 1845 году в Греции был учрежден Морской кадетский корпус, который за полтора века работы вырос в Греческую военно-морскую академию кадет. Между прочим, с 2013 года его возглавляет женщина.

7 апреля 2016 года возможность узнать про греческих кадет подробнее представилась российским кадетам в Никосии, столице Республики Кипр, где прошел торжественный вечер, посвященный перекрестному Году России и Греции, объявленному президентами двух стран – Владимиром Путиным и Прокописом Павлопулосом в январе этого года. В муниципальном театре Строволоса прошел концерт с участием артистов Греции и России под названием «Греция–Кипр–Россия: культурно-исторические связи, глубоко укорененные в вековой истории». По приглашению Российского культурного центра в концерте приняли участие кадеты образовательных учреждений России. Программу подготовила Ассоциация российского кадетства. После приличествующего случаю исполнения национальных гимнов оркестром Московского музыкального кадетского корпуса и выступлений послов России и Греции, а также архиепископа Кипрского Хризостома II российские кадеты выходили на театральную сцену с не-

Фойе
муниципального
театра
Строволоса

Руководитель
Ассоциации
российского
кадетства
Николай Антипов
передает
штангарт
«Юные таланты
Отчизны» в дар
президенту
Кипра

ИЗ АРХИВА АВТОРА

столь официальным настроением. Лауреаты Всероссийского кадетского фестиваля «Юные таланты Отчизны» Елизавета Бондаренко и Кирилл Королев из Московского объединенного морского корпуса Героев Севастополя и Никита Немаков из Московского Президентского кадетского училища имени М.А. Шолохова спели популярные у нас в стране песни, в том числе знаменитую «Смуглянку». А московские кадеты-музыканты подняли публику «Преображенским маршем» и – куда без нее! – народной «Калинкой». В рамках вечера председатель правления Ассоциации российского кадетства Николай Антипов выразил благодарность организаторам встречи – руководителю Рос-

Глава адвокатского бюро
господин Василиадис
с представителями Кипрской
православной церкви

сийского центра науки и культуры на Кипре Юрию Зайцеву и представителю кипрской стороны господину Василиадису. Штангарт Ассоциации был передан для вручения президенту Республики Кипр господину Анастасиадису.

Резонно уточнить, почему российские кадеты отмечали День России и Греции на Кипре. Ведь это же разные страны. Но ментально и исторически Греция и Кипр связаны столь же крепко, как, например, Россия и Белоруссия. Этнические греки составляют 80 процентов населения страны. А русское население – еще 3. Соображение прагматическое: российские кадеты носят официальную военную форму. И получить визу на гостеприимный Кипр им проще, чем в страны Шенгена. Наконец, вернемся в стены петербургского Греческого корпуса. При наборе первых кадет-единоверцев в документах подчеркивалось, что греческие мальчики привезены с разных островов и городов Архипелага – так в XVIII веке в России называли греческие острова в Эгейском море. Кипр лежит восточнее, но во время Первой Архипелагской экспедиции графа Алексея Орлова два русских фрегата «Святой Николай» и «Слава», шебека «Забияка» и несколько кораблей сопровождения с десантом под общей командой будущего адмирала Войновича получили приказ – идти на Кипр.

ИЗ АРХИВА АВТОРА

«ЯНТАРНЫЕ ПЕРЬЯ» ЛАТВИИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ПОСОЛЬСТВЕ РОССИИ В ЛАТВИИ ПОДВЕЛИ ИТОГИ КОНКУРСА ЖУРНАЛИСТСКОГО МАСТЕРСТВА «ЯНТАРНОЕ ПЕРО – 2015», КОТОРЫЙ ПРОВОДИТСЯ В ЭТОЙ СТРАНЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА С 2006 ГОДА. НА КОНКУРС БЫЛО ПРИСЛАНО 20 РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЛАТВИЙСКИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ. ХОТЯ НЕСКОЛЬКИМИ ГОДАМИ РАНЕЕ БОЛЕЕ 100 ЖУРНАЛИСТОВ СТРЕМИЛОСЬ ЗАВОЕВАТЬ В ПРЕСТИЖНОМ ПОСОЛЬСКОМ КОНКУРСЕ ПРИЗОВЫЕ МЕСТА. ВИДИМО, ТЕМА ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТВИЕЙ, РАДИ КОТОРОЙ КОГДА-ТО И БЫЛ ЗАДУМАН ЯНТАРНЫЙ КОНКУРС, НЫНЧЕ НЕ «В ТРЕНДЕ». ДА И НЕБЕЗОПАСНО СТАНОВИТСЯ СЕГОДНЯ В ИНЫХ СТРАНАХ ЛЮБИТЬ РОССИЮ...

З А МИНУВШИЕ ОДИН-надцать лет десятки ярких русских журналистов стали обладателями почетного звания «Янтарного пера» Латвии, подкрепленного памятным дипломом, изящной статуэткой и денежной премией. Жюри, состоящее из главных редакторов, руководителей радио и телеканалов, председателя Союза журналистов Латвии и мэтров латвийской журналистики, в течение года выбирало лучшие публикации, телевизионные сюжеты, радиоэфир. Победителями конкурса в разные годы были не только профессиональные журналисты, но и, например, историки, выступающие в прессе с рассказами о своих исследованиях. Так, среди отмеченных «Янтарным пером» в номинации «За лучшее журналистское документальное расследование» в свое время был рижский историк Игорь Гусев, написавший цикл статей о пребывании Петра I в Латвии, которые потом – при поддержке фонда «Русский мир» – были изданы отдельной книгой. Лауреатом «Янтарного пера» был и военный историк Юрий Мелконов, энтузиаст фортификационного дела, издающий в Латвии военно-исторический журнал «Балтфорт». А в 2012 году специальным призом посла России была награждена главный редактор еженедельника «Суббота» Ольга Авдевич – за проект «Возвращение буквы Ё». Кстати, в том

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

же году «Янтарные перья» получили и многие латышские журналисты, принимавшие участие в конкурсе. Победителем в номинации «За лучший материал по вопросам экономического сотрудничества» в 2012 году стал, например, ведущий службы новостей телеканала ЛНТ Карлис Кристапсонс за репортаж о специальной рыбной продукции из Лиепаи, сделанной для российских космонавтов. Победительницей конкурса в том же году стала и латышская журналистка Ливия Думиня, отмеченная «Янтарным пером» за цикл публикаций

Профессиональный конкурс «Янтарное перо» среди журналистов Латвии проводится с 2006 года

о развитии социокультурных связей между Россией и Латвией...

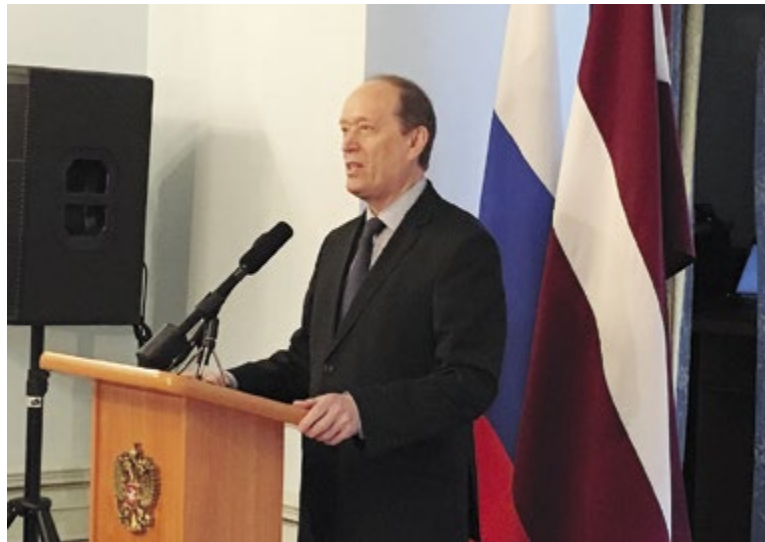
Но в прошедшем году газетных публикаций и телерепортажей, рассказывающих о достижениях в сфере двусторонних отношений, в латышских СМИ практически не было. Как и достойных и честных аналитических публикаций, касающихся современной России, ее культурной жизни или перспектив международного сотрудничества. Что неудивительно в условиях той оголтелой антироссийской информационной кампании, в которую Прибалтийские страны включились с присущей им старательностью. Апофеозом стал комментарий о катастрофе российского пассажирского лайнера А321, разбившегося над Синаем 31 октября 2015 года, который был написан известной латвийской журналисткой Байбой Страутмане в социальной сети Twitter: «Не знаю, мне одной кажется, что, в отличие от других авиакатастроф, гибель 224 россиян не вызывает ту же бурю эмоций? И это только вопрос!» Справедливости ради надо сказать, что эти русофобские слова вроде бы образованной мамы двух детей вызвали негодование многих латышей. Не в меру разошедшуюся журналистку осудили даже депутаты-националисты, назвавшие ее чувства «нечеловеческими»... О реакции русскоязычных жителей Латвии, наверное, можно и не говорить. Если в двух словах, то почти классика: шок и ярость.

Но я для того упоминаю этот случай, чтобы была более понятна сегодняшняя атмосфера ненависти ко всему русскому в стране, где депутат Сейма из Нацобъединения (к слову, совсем еще молодой человек лет двадцати пяти) может публично оскорбить посла соседнего государства и выступить с призывами «вышвырнуть его из Латвии». И все сходит ему с рук. Если же кто-то рискнет сказать хоть слово в защиту русскоязычных сограждан, а уж тем более – неграждан, или просто выразит сомнение в правдивости антироссийских информационных потоков, его тут же обвинят в предательстве интересов Отечества. Ситуацию накалили и рассматривающиеся в Сейме Латвии в срочном порядке одиоз-

ные поправки к Уголовному кодексу, которые предусматривают уголовную ответственность «за антигосударственные действия в формате гибридной и информационной войны» и за «призывы к изменению государственного строя». Конечно, всем понятно, что законопроект направлен в первую очередь против нацменьшинств и общественных организаций, выступающих в защиту их прав. Но, образно выражаясь, «во второй очереди» – представители титульной нации, не замеченные в прорусских симпатиях, но выступающие с критикой в адрес властей, прежде всего журналисты латышских СМИ – они тоже ощутили опасность новых драконовских мер. В местной прессе появились негативные оценки скандальных поправок, которые многие эксперты сравнивают с печально знаменитой 58-й статьей СССР в редакции 1926 года (ответственность за контрреволюционную деятельность). Разница лишь в том, что в Латвии за эти преступления не предусмотрена смертная казнь. Пока еще есть слабая надежда, что под общественным давлением слуги народа все же одумаются и не примут откровенно тоталитарные поправки, грозящие длительным тюремным сроком даже за малейшую критику власти или высказывания, которые не совпадают с идеологической линией правящих партий... Открывая церемонию награждения победителей конкурса «Янтарное перо – 2015», посол России в Латвии Александр Вешняков отметил, что, несмотря на периоды спада и напряжения в российско-латвийских отношениях, главная цель конкурса оставалась неизменной – способствовать участию СМИ в формировании добрососедских отношений между нашими странами. В этом году жюри определило победителей в четырех номинациях. Среди победителей – московский корреспондент рижского журнала «Открытый город» Алексей Стефанов, автор интервью с президентом РСПП А.Н. Шохиним «Мы хотели бы видеть Латвию лоббистом универсальных правил игры в ЕС» и интервью с российским адвокатом и ресторатором А.Л. Раппопортом «По ночам мне снятся латвий-

Посол РФ в Латвии Александр Вешняков призвал представителей СМИ активнее участвовать в формировании добрососедских отношений между нашими странами

Главный редактор еженедельника «МК-Латвия» Маргита Спранцмане и историк Александр Ржавин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ские сырники...». Приз «За лучший материал о российско-латвийском сотрудничестве в сфере культуры» получил журналист интернет-портала OperaNews.ru Александр Малнач за интервью с музыкальным руководителем и главным дирижером Новосибирского театра оперы и балета А. Рубикисом «О бедном «Тангейзере» замолвите слово». Молодой историк Александр Ржавин, которого в стране хорошо знают как человека, много сделавшего для увековечивания имен русских воинов, погибших на территории Латвии в военные годы, также стал обладателем «Янтарного пера». Приз Александр заслужил за лучший материал, опубликованный на интернет-портале «МК-Латвия». «Мне очень приятно, что моя статья «Названные именами латвийцев» была замечена и отмечена», – рассказал историк журналу «Русский мир.ru». – В мире существует не так уж мало мест,

названных в честь наших земляков. Их имена оказались на карте во многом благодаря тому, что Россию и Латвию связывает общая история. Как мы можем не гордиться тем фактом, что город Екатеринбург назван в честь супруги Петра I Марты Савронской, она же – императрица Екатерина Алексеевна! Единственная латвийка, которая совершила головокружительную карьеру от крестьянки до императрицы... На окраине Казани есть поселок и железнодорожная станция Юдино, названные в честь погибшего здесь героя Гражданской войны, латышского красного стрелка Яниса Юдиньша. В Болгарии есть поселок Тотлебен. Он назван в честь нашего земляка – знаменитого фортификатора XIX века, выдающегося русского генерала остзейского происхождения Франца Эдуарда Тотлебена, он же – Эдуард Иванович Тотлебен. Я надеюсь, что собранный мною материал будет первым кирпичиком для увековечивания памяти героя и у нас в Латвии».

Коллектив газеты «МК-Латвия» также был отмечен «Янтарным пером», премией и специальным призом – путевкой в юрмальский санаторий «Янтарный берег» – за серию публикаций, которые посол России отнес к гражданской журналистике. Дело в том, что благодаря вмешательству газеты, заметившей серьезные недоработки в новых правилах Рижской думы, в соответствии с которыми граждане РФ и третьих стран, проживающие на территории Латвии, должны были бы платить по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Виктор Авотиньш в недавнем интервью одному интернет-порталу высказал явно крамольную, с точки зрения властей, мысль о том, что латыши заслужили бы больше уважения, если бы не пытались в отместку за советское время винить в нем нынешних русских детей. Комментируя новые попытки перевода образования в Латвии полностью на государственный язык, он подверг критике власть за неверный подход к нацменьшинствам. По его мнению, латвийское образование, при правильном подходе, могло бы дополниться заинтересованным отношением нацменьшинств. Но оно дополнилось лишь тем печальным результатом, который дала не основанная ни на научном, ни на методологическом подходе билингвальная система. «При нынешнем билингвальном образовании получится народ совсем не того качества, как мог бы получиться при обучении на родном языке и при должном усиленном изучении латышского, – написал Виктор Авотиньш в статье «Не надо мстить русским детям за Советский Союз». – В этом случае мы имели бы более качественный результат. Потому что ничего бы не навязывалось. Мы, латыши, заслужили бы, наверное, некое уважение, будучи искренними и честными по отношению к людям других национальностей. А не пытались бы, в отместку за советское время, винить в нем и русский язык, и нынешних русских детей». Получая «Янтраное перо» из рук посла России и принимая поздравления от коллег, в своем ответном слове Виктор Авотиньш сказал: «Мне посчастливилось узнать Россию не только по книгам русских писателей или телепрограммам. Мои представления о ней намного шире и глубже. Потому я уверен, Латвия будет в наибольшей безопасности, находясь рядом с сильной Россией. Хочу заверить, что я не буду торчать в окопах «гибридной войны» с той или иной стороны. Для меня лучше возвыситься над этими окопами, пусть уж на меня нападают эти люди, которые посланы, чтобы запудрить всем нам мозги. И мне все равно, на каком языке они это делают – на латышском или на русском!»

вышенный налог на недвижимость в Риге, Дума Риги, оперативно отреагировав на критику, внесла изменения в новые правила. Справедливость была восстановлена! А главный редактор «МК-Латвии» Маргита Спранцмане, которая ранее уже была обладателем «Янтраного пера», получила личную благодарность от российского посла и от тысяч своих читателей. Минувший год был посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. По мнению жюри конкурса, наиболее полно эту тему отразили журналисты русского радио «Балтком» в рамках проведенного информационного марафона «Одна дата или две?», который длился 8 и 9 мая. Как рассказала руководитель информационной службы радио «Балтком» Наталья Михайлова, идею марафона подали известные журналисты Ирина Литвинова и Андрей Яковлев, ставшие авторами сборника воспоминаний об отцах и дедах, он вышел под названием «Папина война». Для участия в радиомарафоне журналисты пригласили на радио известных латвийских политиков, деятелей культуры, учителей, общественных активистов. И отдельно хочется сказать об одном, пожалуй, самом мужественном номинанте журналистского конкурса, удостоенного специаль-

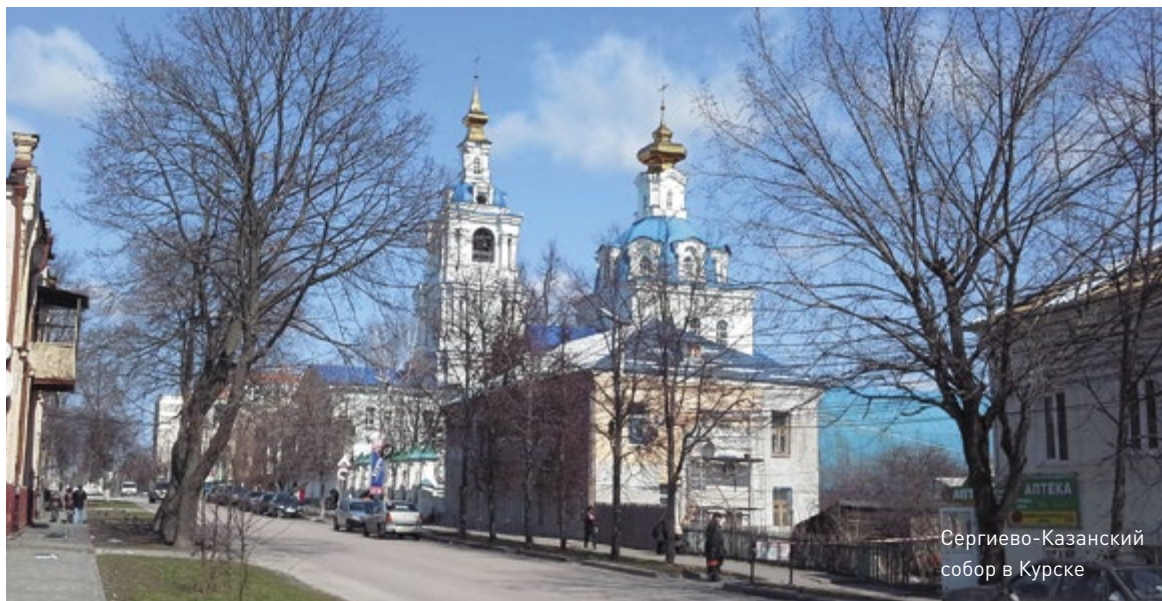
ного приза за его гражданскую позицию, – это обозреватель газеты Neatkarīgā Rīta Avīze («Независимая утренняя газета») Виктор Авотиньш, один из основателей Народного фронта Латвии. Публицист, поэт, переводчик. И один из тех немногих честных латышских журналистов, которые осмеливаются сегодня не только критиковать политику правящих властей, но и выступать в защиту прав своих русскоязычных сограждан. Если не на страницах своих изданий, то хотя бы в блогах в социальных сетях или участвуя в публичных дискуссиях на разных площадках. Так,

Традиционное фото «Янтраных перьев» Латвии с российским послом

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Латышский публицист и переводчик Виктор Авотиньш в своих публикациях призывает не мстить русским детям за Советский Союз

Сергиево-Казанский
собор в Курске

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЖИВАЯ ФИЛОЛОГИЯ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ ПРОШЕЛ
2–8 АПРЕЛЯ В КУРСКЕ. КУРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОЧТИ НА НЕДЕЛЮ СТАЛ ХОЗЯИНОМ
СОСТЯЗАНИЙ.

В ПРЕДЫДУЩИЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА ОЛИМПИАДУ проводила столичная Высшая школа экономики; в этом году на конкурсе победила заявка Курского государственного университета. Половину членов жюри составили куряне – сотрудники кафедры литературоведения университета и школьные учителя. А вторую половину – часть команды, которая работала на олимпиаде в 2014–2015 годах, во главе с председателем жюри, профессором Высшей школы экономики Еленой Пенской.

ОЛИМПИЙСКИЙ КУРСК

Курск встретил гостей пронзительным ветром и холодом, но через день все-таки выглянуло солнце. И оказалось, что из нового корпуса Курского университета город виден как на ладони – звенящий колоколами и сияющий куполами старых церквей, блестящий стеклом новых зданий и ушедший в землю толстыми стенами старых купеческих домов, со всеми его горами-пригорками и оврагами, с чистыми, по-советски монументальными проспектами, с вихрями пыли по деревенским улочкам, с огромными торговыми комплексами и стихийными рынками.

Университет стоит в самом центре города, в нем два корпуса: один старинный, раньше принадлежавший Мариинской женской гимназии, второй новый, девятиэтажный – это чуть ли не самое высокое здание в городе. В университете очень зелено: ректор запретил в зданиях искусственные цветы, и повсюду стоят живые цветы. А на верхнем этаже нового корпуса – выставка картин местного художника Ерофеева.

Университет воспринял испытание олимпиадой стоически: охранники были приветливы, волонтеры деловиты, а проректоры и сотрудники кафедры литературоведения, на чьи плечи легла основная организационная нагрузка, улыбались, даже когда начинали дымиться.

На олимпиаду
съехались
школьники
со всей страны

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЧТО НУЖНО СОВРЕМЕННОМУ ФИЛОЛОГУ

Олимпиада по литературе раньше состояла из двух аналитических туров, а третий представлял собой так называемую «угадайку»: проверку знания фактов. В последние три года задания изменились. «Сохранив аналитику как главный стержень, мы расширили спектр заданий, потому что и спектр возможностей филологу жизнь предлагает шире, – объясняет нововведения председатель Центральной предметно-методической комиссии Сергей Волков. – Сейчас олимпиада проходит в три тура. Первый – аналитический. Это прямая филологическая работа: мы хотим понять, как будущий филолог понимает, что написал автор, вступает с ним в диалог, высказывается в ответ. Второй тур – творческий. Сейчас человек с филологическим образованием востребован во множестве профессий: филолога могут попросить написать статью для популярного журнала, рецензию на фильм, краткий анонс какого-то литературного события. Наша задача – выяснить, как участники олимпиады могут использовать свои филологические навыки для решения самых разных задач. Задания этого тура – разные: один раз нужно было написать предисловие к сборнику стихов, в другой раз – заявку на научную конференцию. В этом году – попробовать себя в роли рецензента кино и текстолога, восстанавливающего текст по черновику. Третий тур – устный. Филолог должен уметь говорить: его могут приглашать на радио и телевидение, он может участвовать в публичных диспутах и общественно важных дискуссиях. Так что три тура испытаний – это чистая филология, прикладная филология и коммуникация филолога с обществом».

«Все олимпиады в нынешнем их состоянии ориентированы на поиск и поддержку талантливых детей, – говорит председатель жюри Елена Пенская. – Наверное, неизбежно складывается так, что вся олимпийская механика все больше срастается со спортивными соревнованиями. Олимпиады стали спортом. Со всеми сопутствующими обстоятельствами – конкуренцией, привилегиями, поощрениями победителей. В этих жестких условиях современной образовательной системы нам хотелось бы, чтобы олимпиада по литературе сохраняла свое живое бескорыстное «человеческое» начало. Наш поиск и отбор совсем не связан с выявлением тех, кто обязательно потом станет филологом. Хотя среди победителей немало тех, кто явно владеет вполне серьезными профессиональными навыками. Мы ищем тех, кто умеет нестандартно мыслить, у кого есть вкус, понимание текста, владение словом. Наши ребята – это в первую очередь думающие страстные читатели, способные свободно и незаштампованно рассуждать. К этому стоит добавить еще и сильные стороны «бойца», умеющего выдержать дистанцию, достойно пройти все три тура – а они разные. В них надо проявить себя многосторонне. Нужны и аналитические, и творческие навыки. Ну и еще умение сосредоточиться

Идет письменный тур олимпиады

и проявить себя не только в письменной форме, но и в устной. А это далеко не у всех получается. Но в целом, наверное, все-таки необходимы кругозор и культура – не только читательская. Литературная олимпиада – это ведь в первую очередь необходимость принимать решения в нестандартной ситуации меняющихся неожиданных задач».

В первом туре можно выбрать для анализа стихи или прозу. Обычно для анализа берутся не хрестоматийные тексты, а менее известные – иногда тексты авторов, хорошо известных только филологам или очень внимательным читателям, так что еще одна цель такого задания – расширить читательский кругозор школьников. В этом году, например, среди предложенных текстов был рассказ Рида Грачева и стихотворение Павла Когана. Очень часто выбранные тексты изобилуют литературными реминисценциями, которые участникам олимпиады предстоит узнать и прокомментировать. Тексты оказались довольно сложными: скажем, далеко не все одиннадцатиклассники поняли, о чем речь в предложенном им рассказе Татьяны Толстой «Белые стены», и их трактовки оказались слишком упрощенными, прямолинейными,

Один из участников

нравоучительными – в духе морализаторских текстов из пособий к ЕГЭ по русскому языку.

Задания творческого тура в этом году оказались непростыми: сопоставить фрагмент экранизации классического произведения с его текстом, первое; и второе – по черновику стихотворения догадаться, кто его автор и о чем шла речь в стихотворении, реконструировать несколько строчек и написать эссе о художественном мире этого автора. Десятый класс, например, получил вот такой черновик (специально сконструированный составителями заданий):

.....тоскливую песню.....
 Ванюха
 горемычнойю.....
 Безобразная
 Урожай детинушка
 нена[нрзб]ыйуныый
 в солдаты
 Тяжелый крест земля.

Некоторые сразу догадались: Некрасов! А другие подумали о Есенине («урожай», «песня», «земля» – значит, про деревню) или Твардовском («солдат», «земля» – значит, про войну), а то и Симонове.

И эссе о стилистике – это тоже, оказывается, очень трудно: рассказ о поэтике, стилистике, художественном мире автора – совсем не то, что сочинение «Некрасов как певец горя народного». Вечером после каждого тура происходит разбор заданий: члены жюри рассказывают старшеклассникам о прочитанных работах, о том, что удалось лучше или хуже... Иногда, впрочем, разговор этим не ограничивался: как только выдаются лишние пятнадцать минут, кто-нибудь непременно спросит не только «а можно ли было трактовать этот текст вот так?», но и «в чем смысл жизни?». А десятиклассники настолько не хотели прекращать серьезный вечерний разговор с профессором Санкт-Петербургского государственного университета Игорем Сухих, что уже запротестовали сопровождающие: и не то чтобы «караул устал», а просто им надо было собрать все свои классы и проводить в гостиницу.

Председатель
 жюри Елена
 Пенская

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Любимый тур членов жюри – устный. До сих пор жюри приходилось иметь дело только с текстами – по сути, с тетрадками, где то прилежным девичьим почерком, то закорючками, а то и вовсе таинственной клинописью неизвестные школьники анализировали стихи и прозу. А теперь авторы этих текстов появились сами: серьезные или смеющиеся, спокойные и нервные – кто-то в смешной шляпе, кто-то с плюшевым зверем в руках. На устном туре можно было выбрать один из двух вопросов и произнести по этому поводу небольшую речь, уложившись в три минуты. Скажем, одиннадцатиклассники могли выступить в роли комментатора на телевидении, рассказав о своем взгляде на будущее художественной литературы. А десятиклассники – обсудить, следует ли убрать из программы десятого класса «Войну и мир».

«Устный тур, как мне кажется, самый интересный, – говорит член жюри, руководитель ОП «Филология» НИУ ВШЭ из Нижнего Новгорода Мария Гельфонд. – Те, чьи работы ты несколько дней читал до этого, вдруг оказываются перед глазами. За три минуты плюс пара минут на вопросы они должны рассказать что-то очень важное. И тут становится ясно – насколько же они разные. Есть те, кто, не отрывая глаз от тетради с домашней заготовкой, уверенно вещает про патриотизм, страшную деградацию, русскую классику как спасение и современную литературу как катастрофу. Вопросов им лучше не задавать, но по условиям – приходится. В ответах все повторяется сначала. А есть те, с которыми можно интересно, серьезно и совсем не на равных (какое там «на равных», если они на голову выше и на три умней!) говорить о повторах у Манделштама и сюжетах у Джойса. Рассуждать о том, не стоит ли за-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

менить в школе «Войну и мир» «Хаджи Муратом». Подхватывать на полуслове цитаты. И с удивлением обнаруживать, что у двери уже ждет следующий, потому что вместо положенных пяти минут вы проговорили пятнадцать...».

Самое скучное на устном туре – это именно банальность, попытка угадать, что понравится членам жюри, и сказать что-то заведомо очень правильное, для верности вызубренное наизусть. И узенький круг интересов: «Что вы любите читать?» – «Мне очень нравятся произведения школьной программы...».

А самое лучшее – это возможность научиться чему-то у детей. И это не такая уж редкость: от участников устного тура, бывает, узнаешь и новые поэтические имена, и слышишь изложение оригинальных литературоведческих концепций, и встречаешь новый взгляд на хорошо известные тексты...

Жюри за работой. Мария Гельфонд (Нижний Новгород) и Сергей Романов (Курск)

Победители и призеры олимпиады после вручения наград. В центре – Олег Ларионов (Санкт-Петербург), абсолютный победитель олимпиады

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Последний день – самый трудный: показ работ и апелляция. Показ работ появился совсем недавно и позволил резко снизить количество апелляций. Каждому участнику важно посмотреть на свою работу, разобраться в критериях, по которым ее оценивали, узнать, почему она набрала не так много баллов, как хотелось бы. Здесь бывают и литературоведческие споры, и слезы; кому-то беседы с членом жюри достаточно, а кто-то идет на апелляцию: иногда один балл решает, войдет человек в число призеров или нет, а призерство дает возможность поступить без экзаменов в хороший вуз. Поэтому одиннадцатиклассники сражаются за каждый балл.

Наконец результаты объявлены. Как обычно, хорошо выступила сборная Москвы – в этом году в команде было 60 человек, и более половины из них стали победителями и призерами олимпиады. Но и те регионы, которые раньше не присылали ни одного представителя – никто не набрал нужного количества баллов на региональном туре, – в этом году получили возможность прислать своих победителей даже в том случае, если они не набрали достаточно баллов. Надо сказать, часть регионов решительно не желает посылать своих школьников на олимпиады и оплачивать им поездки. Но в некоторых случаях школьники, которых несколько лет подряд не выпускали на заключительный этап, в этом году приехали и сразу попали в число призеров.

Абсолютный победитель олимпиады – одиннадцатиклассник Олег Ларионов из Петербурга, он набрал больше всего баллов. Среди победителей и призеров не только жители двух столиц, но и представители еще 33 субъектов Федерации. Однако сакраментальное «главное не победа, главное – участие» применительно к этой олимпиаде особенно верно. «Мне кажется, очень важно, что дети попадают в новую среду сильных сверстников, открывают для себя новые горизонты во всех смыслах – и в географическом, и в содержательном, – говорит Елена Пенская. – Многие признаются, что олимпиада – очень мощный умственный и эмоциональный заряд, который стимулирует рост и внутреннее движение. Ну и еще замечательно, что почти целую неделю, не отвлекаясь ни на что, можно погрузиться в литературу».

Олимпиада по литературе – это не только возможность льготного поступления в вуз, но и особая среда, и профессорские лекции, и непосредственное общение с членами жюри, и возможность выйти за пределы школьной программы – это живая среда коллег, которым интересно то же самое, что и тебе, – одна из самых дорогих возможностей в мире. Именно поэтому члены жюри старательно освобождают эту весеннюю неделю в своем расписании – ради этой живой филологической жизни.

А Курск тем временем, отдышавшись, принимает олимпиаду по русскому языку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО У. БРУМФИЛДОМ

МЕЖ ДВУХ БЕРЕГОВ

БЕСЕДОВАЛ

ВИКТОР ГАВРИКОВ

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ ЗА ОКЕАНОМ, НО УЖЕ БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ ЖИВЕТ НА ДВЕ СТРАНЫ. ТАМ, В США, – ДОМ И КАФЕДРА, ЗДЕСЬ, В РОССИИ, – ТОЛСТОЙ, ДОСТОЕВСКИЙ И АРХИТЕКТУРА РУССКОГО СЕВЕРА.

В НАЧАЛЕ 1970-Х ГОДОВ УИЛЬЯМ БРУМФИЛД впервые приехал в Советский Союз – на стажировку в Ленинградский, а затем в Московский университет. Но решающую роль в будущем молодого слависта сыграли не питерские тупики Достоевского и философия Толстого, а фотоаппарат, купленный перед поездкой в Москву. Фотографирование архитектурных объектов Русского Севера захватило исследователя. Сейчас он говорит, что в вечном споре между Москвой и Петербургом он обязательно отдал бы предпочтение Вологде.

– Все началось с русской литературы. Я родился и вырос на юге Америки, в краях, где происходит действие романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». В буквальном смысле я вырос на этой земле, и там было очень много сложных проблем, – рассказывает Уильям Брумфилд. – И когда я открыл для себя Толстого, а потом и Достоевского, это было как бальзам на душу: я понял – другой народ сталкивается с такими же сложными вопросами о войне, страданиях, справедливости. С этого началось! Но сначала я чувствовал переплетение на основе Американского Юга.

– А *потом*?

– Когда я поступил в Университет Джонса Хопкинса – это частный исследовательский университет в Балтиморе, штат Мэриленд, – то сначала, как все, хотел стать врачом. Но на самом деле мне это было не очень интересно. В том же университете преподавал русский язык очень скромный доцент, и я потихоньку с ним работал, стал изучать русский язык.

– Для чего вы стали изучать русский язык?

– Хотел создать собственное умственное пространство на основе любви к русской литературе. Стал заниматься русским языком, и первым моим упражнением был перевод пушкинского «Евгения Онегина» на английский язык. У Пушкина такой чистый и прозрачный русский язык, что я стал его переводить, хотя и с большим трудом. Занялся грамматикой и в итоге перевел весь роман в стихах на английский. Это был, конечно, весьма примитивный перевод, но как учебное задание он был сделан. Потом я все-таки решил написать дипломную работу по русской литературе. Для этого пришлось перейти в другой

УИЛЬЯМ БРУМФИЛД

университет. И очень удачно получилось: решил поступить в аспирантуру либо в Гарвард, либо в Беркли. И я, слава богу, выбрал Калифорнийский университет Беркли. Этот университет оказался просто идиллией для меня: там были такие корифеи, как Глеб Петрович Струве, сын известного русского политика Петра Струве, было много других умных людей, которые блестяще знали русскую культуру, а вот отдел славистики был небольшой. Там можно было общаться с самыми известными славистами. Так что я продолжал заниматься русским языком и русской литературой.

– А каким вы запомнили Струве?

– Знаете, он такой... корифей. Когда я вернулся из первой моей поездки в Советский Союз, которая состоялась летом 1970 года, то по просьбе Департамента по славистике осенью того же года устроил небольшую лекцию – чтобы поделиться впечатлениями. Показывал свои, как позже оказалось, хорошие диапозитивы фотографий той поездки, некоторые из них до сих пор публикуются. Струве сидел в первом ряду. Я был удивлен тем, что Россия открыла во мне вот этот дар – дар фотографирования. На фотографиях были памятники Петербурга, Павловска, Москвы. Струве

Вологда, улица Предтеченская, дом 42. Конец XIX века

подошел ко мне и сказал: «Молодой человек, вы вернули часть моей культуры». Понимаете, в то время он не мог вернуться в Россию, он был в опале. И в этот момент я понял, что моя работа имеет духовную силу.

– Что вы хотите этим сказать?

– Через фотографию люди воспринимают не только среду, но и культуру. Таким образом, встреча со Струве послужила тому, что я сразу же подал прошение о возвращении в Россию в следующем году сроком на один год.

– Не страшно было в первый раз ехать в СССР?

– Это был официальный обмен учеными и преподавателями. Нет, страшно не было. Перед отъездом я заболел и очень боялся, что не сумею выздороветь до отъезда. Но хороший врач меня вылечил, и я через Нью-Йорк, рейсом PanAm вылетел в Россию. Что это было за приключение, я понял в первый же день пребывания в стране. В то время еще не была облагорожена территория вокруг Шереметьева, и по пути в город вокруг аэропорта шумели березовые рощи. А вот уже в МГУ, где мы жили, нас принимали очень вежливо и на высоком уровне. До сих пор я вспоминаю первую поездку как какое-то благо.

– Какой тогда вы запомнили Москву?

– Сталинские башни, высотка МГУ, Парк культуры... И там были фотографии на стендах: «Студенты Беркли протестуют против вьетнамской войны». Это было сложное время. Но я понял, общаясь с русскими коллегами, что люди есть люди и на человеческом уровне можно говорить без страха, обид и напряжения.

– В гости ходили в семьи? Попробовали русскую водку?

– В гости ходил, а вот выпивал, по-видимому, намного меньше, чем другие. Похоже, знание языка не позволило мне общаться с русскими коллегами на равных. Была у нас преподаватель, которая устраивала экскурсии по городу. У нее был распечатанный список объектов для просмотра, в нем значилось много церквей, что было нетипично для Советской России, в которой тогда процветал атеизм. Иной раз я был единственным участником ее прогулок. И вот с этих памятников из ее списка, можно сказать, и начался мой интерес к архитектуре.

ПРЕДОСТАВЛЕНО У. БРУМФИЛДОМ

ПРОФЕССОР УИЛЬЯМ КРАФТ БРУМФИЛД

(WILLIAM CRAFT BRUMFIELD), член Национального гуманитарного центра в 1992–1993 годах, в настоящее время – профессор славистики Университета Тулейн в Новом Орлеане. Тема его докторской диссертации – «Радикальная русская литература 60-х годов XIX века». Преподавал в университетах штатов Висконсин, Массачусетс и Виргиния. Свободно говорит по-русски. Постоянно ездит в Россию с 1970 года. Опубликовал десятки статей о литературе и истории архитектуры России. Выставки его фотографий «Русское искусство деревянного зодчества» и «Потерянная Россия» прошли в РФ, США, Канаде и Франции. В 2002 году за работы в области русской архитектуры был избран членом Российской академии архитектуры и строительных наук. Лауреат премии Дмитрия Лихачева.

УИЛЬЯМ БРУМФИЛД

– Чем вы фотографировали?

– Была у меня тогда широкоформатная камера Копика, я купил ее перед самой поездкой. Сейчас – Nikon. И от пленки я уже ушел примерно лет десять назад – меньше работы для архива.

– Вы начали знакомство с русской литературой с Толстого и Достоевского. Предпочтения не изменились?

– Тогда это была «Война и мир», сейчас – «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы». Но в последнее время я все больше ценю Гоголя. По-моему, он совершенно бесстрашный человек. Его «Мертвые души» – это произведение на уровне Данте и Гомера. В вопросах провинциальной жизни персонажей он гораздо более компетентен, нежели Толстой и Достоевский. Я вижу его восприятие провинциальной жизни довольно глубоким и во многом неотрицательным. Хотя в то время я его совсем не читал. В прошлом году я был в Оптиной пустыни, по благословению был даже в скиту, и сумел почувствовать ауру места «Братьев Карамазовых». Оптина пустынь – живая связь времен.

– А вы сами в Бога верите?

– Да. Я – протестант. В последние годы гораздо чаще бываю в православных храмах, нежели в протестантских, но все-таки я протестант, эта вера досталась мне от мамы. Это очень личное.

– В этом году исполняется 150 лет роману Достоевского «Преступление и наказание». Насколько для вас это важное произведение?

– Возможно, это первое произведение Достоевского, которое я прочитал в молодости. Тогда этот роман произвел на меня сильное впечатление. И до сих пор я беседую о нем со студентами. Это важный шаг в творчестве Достоевского и понимании Санкт-Петербурга как города. В 1971–1972 годах я жил в Петербурге и стажировался в ЛГУ. Так что для меня этот роман и восприятие Петербурга – связанные вещи. «Преступление и наказание» ярко представляет сложные вопросы о роли Санкт-Петербурга в русской судьбе и русской истории. Для Достоевского Петербург – не простое дело. Пушкин пишет: «Люблю тебя, Петра творенье...», а Достоевский потом сказал: а я – не люблю! У Достоевского двойственное отношение к Петербургу. Ведь

Вологда,

улица Маяковского,
дом 4. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО У БРУМФИЛДОМ

Петр Великий в некоторой степени разрушил патриархальный уклад жизни России.

– А чем, на ваш взгляд, Петербург отличается от Москвы?

– Петербург более доступен для искусствоведа и вообще человека, который интересуется культурой. В этом городе, как ни странно, легче ориентироваться. Хотя Достоевский, например, всегда жаловался, что там очень много тупиков. А Москва – это огромные пространства.

– Что вы думаете о новом поколении славистов?

– Старое поколение постепенно уходит, новых не так много. В основном они не очень хорошо знают Россию. Нечасто бывают в России. Хорошо, что они занимаются русской культурой и русской литературой. Но для многих русская культура и русская литература – то, что можно изучать издали, не бывая в России, чтобы понять и схватить смысл. «Лучше не бывать в России», – говорят они. Я говорю: бывать в России необходимо. Пока я не вижу страсти к изучению Русского мира. Для меня это немного искаженное толкование вопроса.

– Кого бы слависты нового поколения могли изучать?

– Кроме Андрея Битова, которого уже кое-где начинают изучать, никого нет.

– Помимо того что вы – славист, вы еще и историк, не так ли?

– Для меня история наших стран навсегда связана с мировой историей. Здесь и Американский Юг, и Гражданская

УИЛЬЯМ БРУМФИЛД

война в России, и Вторая мировая война, и многое другое. В этих глобальных вопросах и исторических частностях, которые происходили с нашими странами, есть много общего.

Ферапонтово
Кирилловского
района Вологод-
ской области.
Деревянный мост

– **Что для вас Россия?**

– Здесь что-то есть: и суровые географические и климатические условия, и характер народа. Для меня самое удивительное – как держался народ в годы Великой Отечественной войны. На самом деле Россия спасла мир от страшного зла. До сих пор остается много неразрешенных сложных вопросов, но факт остается фактом. Когда я читал роман Толстого «Война и мир», я думал не только об Американском Юге, но и о Второй мировой войне. Так что Россия – это почти мистическая духовная сила в центре, где православная вера играет огромную роль. Помимо этого в русской культуре присутствуют огромные пласты других религий, которые участвуют в этом процессе. Эта духовная сила отражается в литературе, и для меня все это – Россия.

– **В нашей истории, даже и новейшей, огромное количество каких-то смысловых изломов и трагедий. Например, революция. Что вы думаете по этому поводу?**

– Знаете, Первая мировая война и последовавшая за ней революция – величайшая трагедия России: был патриотический подъем, а вот сплочение произошло не вокруг царя, а вокруг большевиков. Затем опять подъем, потом трагедия на этом огромном пространстве. И сначала все думали, что система развалится. Нет. Она не только выстояла, но и спасла мир. Как у Гоголя: Россия – птица тройка, стоишь и смотришь в изумлении.

Вологодская
башня и стены
Нового Города

– **А вы себя в России считаете посторонним? Или все-таки уже русским?**

– Русский взгляд на мир мне близок. Я многое понимаю, но предпочитаю слушать, хоть и не всегда мне это приятно. Многие американские коллеги по разным причинам очень редко ездят в Россию. Они не чувствуют страну.

– **А помните ли вы свою первую поездку по Русскому Северу?**

– Север был закрыт, особенно для Запада. Первая поездка – это Кижы летом 1988 года. В 90-е годы я много перемещался между Петербургом и Москвой и видел не только Кижы, мы останавливались подле Кириллова на Шексне. Кирилло-Белозерский монастырь я видел в 1991–1993 годах. Я поехал туда специально после выхода моей главной книги, «История русской архитектуры», там немного есть о Соловках и Сольвычегодске. Но я сделал исключение, обычно я пишу только о том, что я сам вижу. В то время я там не был, но не включить эти места в книгу не мог – это фундаментальный труд. И только позже, при помощи своих российских друзей, особенно директора Государственного института искусствознания Алексея Ильича Комеча, я стал ездить в Петрозаводск, Вологду и Архангельск. Но в основном в Вологду и Архангельск для научной и съемочной работы. Настоящая работа началась в 1995 году.

– **Вы когда на Север приезжаете, испытываете дискомфорт от бытовой неустроенности?**

– По-разному бывает. Помню, когда я первый раз приехал на Север, иду по деревне, а за мной – стайка детей по пятам. Так и ходили. Сейчас во многих местах меня уже знают.

– **В своих статьях и работах вы говорите о том, что часть архитектурного наследия России утеряна. Что нужно сделать для сохранения того, что осталось?**

– Я не вмешиваюсь в политику, не подписываю никаких петиций, пусть россияне сами решают эти проблемы. Но моя работа во многом зависит от состояния наследия, и одновременно она показывает, в каком состоянии оно находится: реставрируется либо приходит в упадок. Это своеобразный мониторинг. Например, сейчас на сайте департамента культуры Вологодской области более 30 тысяч моих фотографий. Этот сайт существует как ресурс для любого человека, который интересуется сохранением памятников.

– **Насколько сейчас тема русского наследия и русской культуры актуальна для американских ученых?**

– Есть группа молодых ученых, интересующихся не только архитектурой, но и проблемами сохранения культурной среды. В основном же американские слависты по стране не ездят, культуру регионов не знают, ограничивая себя Москвой и Петербургом. А вот культуру Русского Севера знают крайне мало.

– **Есть место на Севере, которое особенно запомнилось, куда вам хочется все время возвращаться?**

– Да, есть. Это Вологда, ее Софийский собор. Вологда – исключительно интересное место. И еще Соловки, на которых я давно не был. ☸

Н. М. КАРАМЗИНУ
ИСТОРИКУ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПОВЕЛЕНИЕМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
1844 ГОДА

СПОР ДВУХ ГОРОДОВ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

...СОЛНЕЧНЫМ УТРОМ 23 АВГУСТА 1845 ГОДА В СИМБИРСКЕ ОТКРЫВАЛИ ПАМЯТНИК НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ, СОЗДАННЫЙ СКУЛЬПТОРОМ САМУИЛОМ ГАЛЬБЕРГОМ. МЕСТО ДЛЯ ПАМЯТНИКА, СРЕДСТВА НА СООРУЖЕНИЕ КОТОРОГО СОБИРАЛИСЬ ПО ОБЩЕИМПЕРСКОЙ ПОДПИСКЕ, БЫЛО ВЫБРАНО ЛИЧНО НИКОЛАЕМ I.

ПОСЛЕ ЗАУПОКОЙНОЙ литургии в кафедральном соборе, где собралось дворянство, купечество, простые обыватели, воспитанники гимназии и духовной семинарии, народ хлынул на новую площадь, где и был установлен монумент. Пелена, скрывавшая памятник, упала, и собравшиеся увидели бюст историка и надпись, выполненную накладными позолоченными буквами: «Н.М. Карамзину историк Российской империи повелением императора Николая I-го 1844 год». С трех сторон памятник украшали барельефы, а венчала его статуя музы Клио. Этот день в Симбирске (ныне – Ульяновск. – Прим. ред.) завершился в Дворянском собрании, где проходил торжественный обед, на котором звучали многочисленные тосты во славу императора, Отчизны, Карамзина и местного дворянства. Речь известного историка Михаила Погодина на обеде была встречена восторженно. Свидетель праздника, поэт Николай Языков писал Гоголю в Рим, что Погодин сказал «Похвальное слово Карамзину» «при громе рукоплесканий всего симбирского дворянства!» Автор двухтомной биографии русского историографа, которая будет опубликована в 1866 году,

произносил «Похвальное слово Карамзину» с большим чувством. Он, конечно, отметил, что Николай Михайлович был уроженцем Симбирской губернии. Но когда стих гром аплодисментов, московского оратора обступили симбирские помещики, которые стали убеждать Погодина, что историограф родился не в Симбирской губернии, а в Михайловке – оренбургском имении Карамзиных. Многие из них знали Карамзина лично, кто-то охотился еще с его батюшкой. Им ли не знать! Погодин смутился: «Постойте, господа, как же так?» Он считал, что Карамзин сам ответил на вопрос о месте своего рождения в автобиографической справке, составленной в 1805 году. В ней он писал, что «надворный советник Николай Михайлов Карамзин родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии». Карамзин, правда, не указал, где именно в Симбирской губернии он родился, но в этом ли дело... «Из Оренбурга он!» – настаивали захмелевшие от вина дворяне. Красный от досады историк разводил руками и повторял: «Помилуйте, господа, сам Карамзин указал...» И еще много лет об этом афронте Погодина судачили на уездных балах и в дворянских клубах за вистом и бостоном...

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ СРАЖЕНИЯ

Вернувшись в Москву, Погодин в некотором смятении готовил для своего журнала «Москвитянин» статью «Николай Михайлович Карамзин». А тут еще пришло письмо из Симбирской губернии от Натальи Дмитриевой, сестры баснописца Ивана Дмитриева – ближайшего друга Карамзина. Родная тетка Дмитриевых, Евдокия Гавриловна Дмитриева (в замужестве Карамзина. – Прим. авт.), приходилась мачехой знаменитому историографу.

В письме сообщалось, что историограф родился в селе Михайловке Оренбургского уезда. «Что может быть вернее моей справки о родине Николая Михайловича от его родного брата. У него в книге записано рождение целого их семейства, кто где родился. Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож. В Карамзинке (теперь Знаменское, Симбирская губерния) родился меньшой его брат, сын моей тетки, Александр, а от первой жены дети все родились в Оренбургской губернии. Отец мой всегда смеялся, говоря своему племяннику: братья твои родились в Оренбургской губернии, кругом башкир, и ни который не похож на башкира, а особенно Николай (у которого белизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черен, как азиатец». В очередном номере «Москвитянина» вконец растерявшийся Погодин опубликовал подборку материалов под заглавием «Несколько дополнительных замечаний к первой статье о Карамзине». В нее было включено письмо племянницы Карамзина – Надежды Ознобишиной, урожденной Филосововой. Она писала Погодину, что Карамзин родился в сельце Карам-

зинке, в 30 верстах от Симбирска. Также было опубликовано письмо поэта Николая Языкова, сообщавшего, что «по сказанию брата историографа, еще здравствующего Александра Михайловича», Карамзин родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде. Подборку противоречащих друг другу писем Погодин резюмировал так: «Представляем Симбирску отстаивать свои права, если может». Отстаивать права Симбирск не стал, о чем сейчас говорят в городе на Волге как о большой ошибке...

В том же, 1845 году, когда в Симбирске был открыт памятник историографу, Погодин на средства, собранные симбирскими дворянами, опубликовал в Москве «Похвальное слово Карамзину», текст которого отличался от того «Слова», которое он произнес в губернском городе. Цензор вычеркнул из публикации упоминание об Александре Ивановиче Тургеневе, брат которого был связан с декабристами и скрывался за границей. А сам Погодин в опубликованном тексте деликатно умолчал о месте рождения Карамзина. Но об обстоятельствах открытия памятника и возникшем споре он написал родственнику баснописца Ивану Дмитриеву, Михаилу Дмитриеву. Именно этот человек спустя одиннадцать лет решил разобраться в этой запутанной ситуации.

В 1857 году Михаил Дмитриев в «Московских ведомостях» опубликовал «вернейшее известие», в котором просил принять «за окончательное решение о месте рождения нашего историографа» деревню Карамзинку Симбирской губернии. «Оренбургская деревня, которую считали местом рождения Карамзина, именуется Преображенское, она же и Михайловка, тогда еще не была заселена: тут была в 1765 году степь», – писал он.

Новый спор возник накануне столетия со дня рождения Николая Карамзина. Академик Петербургской Академии наук Петр Пекарский, основательно порывшись в столичных архивах, подгото-

Так выглядел зал Симбирского Дворянского собрания, где историк Михаил Петрович Погодин произнес «Похвальное слово Карамзину», с чего и начался спор между двумя городами. Ульяновский художник Сергей Худяков изобразил помещение в тот период с фотографии, сделанной, когда в нем располагалась домовая церковь учебного заведения

вил статью «Старинное известие об имении Карамзиных: село Михайловское–Преображенское». Она была опубликована в примечаниях к книге «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву», изданной в 1866 году в Петербурге. Пекарский, доказывая, что Михайловка–Преображенское в Оренбургской губернии было основано еще в 1750-е годы, предоставил в доказательство старые географические карты. Дошлый академик разыскал даже сведения о том, что соседом Карамзиных был помещик Александр Кудрявцев, который к тому же являлся крестным отцом Николая Михайловича.

Тот же Пекарский, отстаивавший «оренбургскую версию» рождения Карамзина, утверждал, что Погодин ошибся и в годе рождения историографа: он считал, что Карамзин родился в 1765 году, а Пекарский стоял за 1766-й. На специальном заседании в Академии наук Пекарский сделал доклад о месте и годе рождения историографа. Но, как оказалось, точку в этой истории ставить рано. И по сей день между историками двух областей – Ульяновской и Оренбургской – продолжается спор о месте рождения Карамзина, который возник в зале Дворянского собрания Симбирской губернии еще в 1845 году...

ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ

Это здание, построенное в 1790 году по проекту губернского архитектора Тоскани, стоит и поныне. В 40-е годы XIX века оно перестраивалось, но тот зал, где Погодин читал «Похвальное слово», сохранился. После того как в 1847 году Дворянское собрание переехало в новое здание, в старом разместилось училище, а в том самом зале открыли домовую церковь. В советское время ее, конечно, закрыли. А теперь зал превратился в спортивную площадку. Когда мы вошли, здесь играли в баскетбол. По залу, азартно вопя, носились дети, не обращая внимания на прекрасный вид, открывающийся из окон на сквер и памятник Карамзину. В классной комнате, что напротив зала, висит картина Сергея Худякова, благодаря которой можно понять, как выглядел этот самый зал в 1845 году. «Стены, окна – все как тогда, когда Погодин произносил свою речь, не предполагая, в какую войну она выльется», – говорит сопровождающая нас симбирский историк Елена Беспалова. Правда, она предполагает, что спор между симбирскими помещиками и Погодиным разгорелся днем ранее, потому что никто бы не посмел шуметь во время торжественного обеда в присутствии всей знати губернии.

По ее мнению, помещики атаковали Погодина во время репетиции его выступления, которая проходила вечером накануне в этом же зале. А уж молва потом приукрасила инцидент...

Елена Беспалова – убежденная сторонница версии симбирского происхождения Карамзина, недавние публикации на эту тему оренбургского исследователя Сергея Колычева ее не убедили. Колычев, как и Пекарский в свое время, опроверг слова Михаила Дмитриева о том, что оренбургской деревни не существовало на момент рождения Карамзина, и спустя более 150 лет возобновил исторический спор. Хотя, в принципе, он и не прекращался. Спор этот давно переместился на страницы энциклопедий, которые по-разному указывали место рождения автора

«Бедной Лизы» и «Писем русского путешественника». Энциклопедия Брокгауза и Ефрона называет Симбирск. Большая советская – Оренбург. Многочисленные литературные справочники тоже указывают разные места рождения Карамзина.

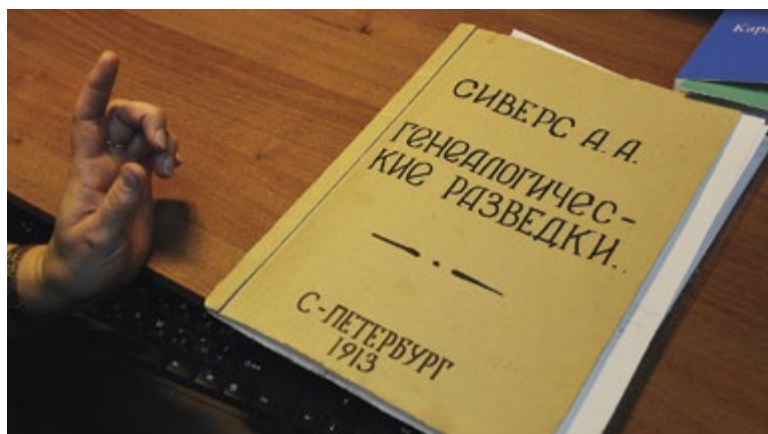
Но в прошлом году Ульяновск занервничал не на шутку. Исследовательница из Оренбурга Елена Мишанина опубликовала новые данные, которые говорили в пользу версии рождения Карамзина на Оренбургской земле. В Интернете появились публикации с громкими заголовками «Битва за Карамзина», «Ульяновск теряет Карамзина» и т.д. Интерес к ним подогревал и тот факт, что в декабре 2016 года страна будет отмечать 250-летие со дня рождения великого русского историографа. В Ульяновске всерьез стали

Исследовательница Елена Мишанина извлекла из недр архивов неопровержимые, по ее мнению, доказательства оренбургского происхождения российского историографа...

подозревать Оренбург в намерении «отобрать» Карамзина.

Конечно, точку в споре двух городов могли бы поставить метрические записи о рождении и крещении историографа. Но система регистрации младенцев в Российской империи в XVIII веке не была идеальной. Соответствующие записи заносились обычно сначала в местные приходские (или черновые) книги, а затем сведения копировались в консисторские (беловые) книги. Данные симбирских приходских книг дублировались в беловых книгах Казанской духовной консистории. Но, увы, Казань была разорена и сожжена войском Емельяна Пугачева в 1774 году. В подобных случаях, когда бумаги, подтверждавшие родословную, были утеряны, дворянство можно было подтвердить свидетельскими показаниями.

Уже живя в Москве, Николай Михайлович Карамзин таким образом подтвердил свое дворянское происхождение, оформив словесные документы и герб. Позже то же самое сделал и его младший брат – Федор Михайлович. Так в 1808 году появился документ, подписанный несколькими дворянами, которые свидетельствуют о родстве братьев Николая и Федора Карамзиных, последний из которых постоянно жил в Оренбуржье. Документ этот был опубликован в книге исследователя российских родословных Александра Сиверса «Генеалогические разведки», изданной в 1913 году. Сегодня эта книга – раритет. Каким-то чудом копия книги Сиверса попала в Оренбург в 1990-е годы по межбиблиотечному абонементу. Сотрудница оренбургского Института степи Уральского отделения РАН Елена Мишанина помнит, что книгу прислали на микроплёнке и распечатанные с нее листочки читали под лупой. В институте помимо своей основной специализации, связанной с землепользованием и землевлладением, она занималась историей дворянских поместий и незаметно для себя увлеклась историей дворянских родов.

Разрабатывать эту версию она начала с малоизвестной и забытой книги

СПОР ОРЕНБУРГА
И УЛЬЯНОВСКА

Каждый февраль в Оренбургской области организуется поход на снегоходах «Золотое кольцо Аксаковского Поволжья», который проходит по всем известным литературным местам. Елена Мишанина участвует в этих экспедициях как специалист по дворянским усадьбам и родословным. В феврале 2015 года Елена вместе с краеведом Сергеем Колычевым снова побывали в Преображенке (после 1917 года Преображенское, бывшее село Михайловку, именуют «Преображенка». – Прим. авт.). Годом ранее здесь по инициативе Мишаниной и Колычева открыли мемориальную доску Карамзину.

Тогда-то Елена Мишанина подумала, что все надежды Оренбурга на право называться малой родиной известного русского историографа может оправдать документ, опубликованный в книге Сиверса и подтверждающий родство между Николаем Карамзиным и его братом Федором. Ведь дети, рожденные в одной губернии, не могли подтвердить свое родство с помощью свидетельства дворян другой губернии. Следовательно, сделала вывод Мишанина, если удастся доказать, что дворяне, подписавшие тот документ, жили в Оренбуржье, это будет значить, что Николай Михайлович появился на свет именно здесь.

«Особое свидетельство дворян» Елена разыскала в мае 2015 года в фонде Самарского дворянского депутатского собрания в деле «О внесении герба рода Карамзиных в общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Елена Мишанина приступила к анализу имен людей, подписавших документ. Увы, в бумагах не были указаны ни звания, ни должности, ни отчества свидетелей. Нужно было найти их следы в куче пыльных архивных дел, так что она изучила в Оренбургском архиве все послужные и формулярные списки. При этом она помнила и о последних аргументах свое-

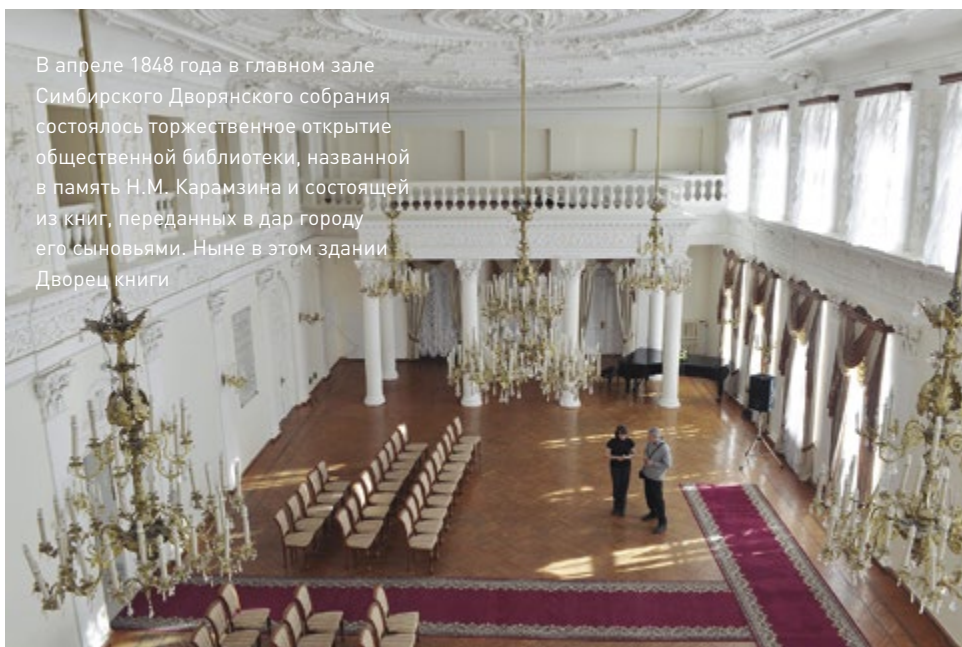
Копия с портрета Н.М. Карамзина кисти А.Г. Венецианова (автор копии неизвестен) в экспозиции мемориального музея «Карамзинская общественная библиотека» при Дворце книги Ульяновска

го коллеги Колычева. Дополнительно к новым, найденным им картам, из которых явствует, что село Михайловка, ставшее позже Преображенкой, существовало до рождения историографа (помните письмо Михаила Дмитриева, из-за которого ульяновцы считают, что в годы рождения Карамзина такого села в Оренбуржье еще не было? – Прим. авт.), Колычев раскопал еще одно доказательство. Он разыскал незаконнорожденно-

го из рода Карамзиных, который тоже поддерживал версию оренбургского происхождения основателя русского сентиментализма. Им оказался житель Бузулука Константин Евлентьев – внебрачный сын Федора Карамзина и, соответственно, племянник Николая Михайловича. В 1852 году Евлентьев выступил с заявлением, что Карамзин родился в Оренбуржье.

В итоге работы в архиве Елена Мишанина сделала вывод: подписавшие «Особое свидетельство» люди были оренбургскими, а не симбирскими дворянами: губернский прокурор, межевой прокурор, судья уголовного суда, судья совестного суда. К тому же они оказались помещиками, чьи владения находились в нескольких верстах от Преображенки – родового гнезда Карамзиных в Оренбуржье. И Мишанина сделала окончательный вывод. Если бы Карамзин родился в Симбирской губернии, то и документ бы подписывали симбирские помещики. Как могли подписать его оренбургские помещики, если бы они не знали, что Николай и Федор – братья?

Федор жил постоянно в Оренбуржье, а Николай, после детских лет, проведенных здесь, приезжал в Михайловку–Преображенку предположительно

В апреле 1848 года в главном зале Симбирского Дворянского собрания состоялось торжественное открытие общественной библиотеки, названной в память Н.М. Карамзина и состоящей из книг, переданных в дар городу его сыновьями. Ныне в этом здании Дворец книги

ДОКУМЕНТЫ И АРГУМЕНТЫ

Однако есть факт, игнорировать который невозможно. Николай Михайлович Карамзин сам указал местом своего рождения Симбирскую губернию – с этим спорить трудно. «Побывав в Европе, Карамзин оценил роль рекламы, – рассуждает Елена Мишанина. – Он понимал, что его имя переживет века. И заботился об этом. Его фраза, что он родился в Симбирской губернии, подтверждает, возможно, то, что ему было это выгодно. В то время Симбирск глухой угол, а уж Оренбург – такая глушь!» Но это – лишь версия...

Еще при жизни историографа, 22 декабря 1825 года, дворяне Симбирской губернии постановили поместить портреты баснописца Ивана Ивановича Дмитриева и Николая Михайловича Карамзина в зале Дворянского собрания, дабы почтить своих знаменитых земляков. Об этом решении Карамзину лично сообщил предводитель дворянства Симбирской губернии князь Михаил Баратаев. Позже о визите к Карамзину он рассказывал министру внутренних дел Дмитрию Блудову – одному из инициаторов установки памятника Карамзину в Симбирске: «В 1826 году был почтен личным явлением и искреннейшей благодарностью дворянству и пожатием руки незабвенного к общему всех прискорбию готовящегося уже вступить в небесное свое отечество». В Ульяновске считают, что факт встречи Баратаева с Карамзиным и их рукопожатие подтверждают согласие историографа с решением дворян поместить портрет Николая Михайловича в Дворянском собрании как уроженца Симбирской губернии. Не последовало никаких возражений и со стороны родственников и близких друзей Карамзина, когда после кончины историографа Николай Греч в мае 1826 года опубликовал в «Северной пчеле» некролог, в котором утверждалось, что Николай Михайлович родился в Симбирской губернии...

всего один раз – после Отечественной войны 1812 года. А в Оренбурге историограф и вовсе не бывал.

«Думаю, «Особое свидетельство» – это документ, который ставит крест на «симбирской версии», – говорит Елена.

Когда новые данные, найденные Мишаниной, появились на сайте департамента культуры Оренбургской области, спор о месте рождения Карамзина вспыхнул с новой силой. Если доказательства Колычева в Ульяновске проигнорировали, то на заявление Мишаниной живо откликнулись. Началась горячая полемика.

Кстати, Мишаниной удалось уже в третий раз – после найденных Пекарским и Колычевым карт – опровергнуть слова Михаила Дмитриева о том, что деревни в Оренбуржье, где мог родиться будущий историограф, в 1766 году еще не было. Она разыскала в архивах документ, свидетельствующий, что село Преображенка к 1766 году уже существовало. Этот пока не опубликованный документ датируется 16 марта 1753 года, то есть он появился за тринадцать лет до рождения историографа. Подписана бумага его отцом –

Карамзиным Михаилом Егоровичем.

Как известно, крестным отцом историографа называют соседа Карамзиных Александра Кудрявцева. В Ульяновске считают, что он жил рядом с селом Знаменским, под Симбирском. Мишанина установила, что рядом с Преображенкой было село Березовка-Кудрявцево, в котором тоже жил майор в отставке Александр Кудрявцев. Правда, в данном случае отчества двух Кудрявцевых не совпадают: симбирский Кудрявцев – Алексеевич, а оренбургский – Иванович. Этим крестным интересовался еще историк Михаил Погодин, о чем есть запись в его бумагах, хранящихся в Российской государственной библиотеке. О Кудрявцеве Погодину рассказали симбирские помещики во время того самого инцидента с «Похвальным словом» в 1845 году. Факт получил общую известность, когда в Ульяновске были опубликованы письма Карамзина к братьям Александру и Василию. Составитель сборника писем и упомянул в примечаниях о крестном Карамзина – Кудрявцеве, о котором узнал из черновиков Погодина.

В этом здании симбирской гимназии до 1847 года находилось Дворянское собрание. Когда в 1845 году открывали памятник Карамзину, то выслушать «Похвальное слово» историографу и принять участие в торжественном обеде гости собрались за этими окнами

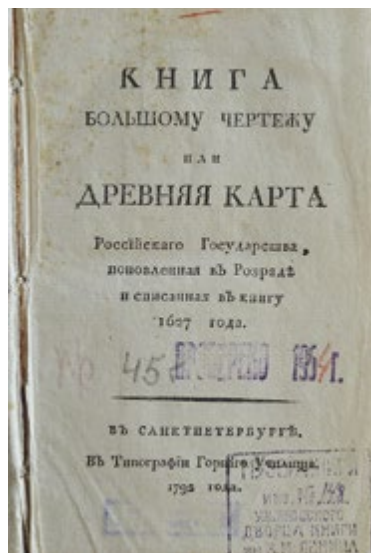

В Ульяновске считают, что располагают достаточным количеством доказательств того, что Карамзин является их земляком. Да, письмо Михаила Дмитриева ульяновские историки «сняли с повестки дня», признав, что Дмитриев был не прав. Зато на новые документы оренбуржцев у них появились свои новые документы. «Исследование документа из книги Сиверса ничего о месте рождения историографа не говорит, – считает Елена Беспалова. – А у нас помимо общеизвестных есть новое прямое доказательство рождения Карамзина в Симбирской губернии».

Под общеизвестным доказательством о месте рождения Карамзина историк подразумевает собственноручно написанную историографом автобиографическую записку, составленную им в 1805 году для митрополита Евгения (в миру – Евфимий Алексеевич Болховитинов. – Прим. ред.), работавшего над книгой «Новый опыт исторического словаря о российских писателях».

А новый документ-аргумент Елена Беспалова совсем недавно разыскала в московских архивах. Называется он «Краткая записка о городах для путеше-

ника из Царского Села на Восток России» и составлен 15 августа 1824 года. Все буквы в слове «путешественник» – заглавные. Это дает основание утверждать, что речь идет о высочайшей особе. «Правда, – отмечает Елена Беспалова, – эта записка в архивных описях значилась как анонимная, без указания автора. Но, изучив не одну сотню собственноручно написанных Карамзинным писем, могу смело подтвердить его авторство». Чуть позже Беспалова нашла подтверждение авторства в неопубликованной переписке Константина Сербиновича с Михаилом Погодиным.

У заведующей научно-исследовательским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Елены Беспаловой много веских аргументов, чтобы защитить симбирское происхождение Н.М. Карамзина. Главный из них – собственные слова писателя

По бережно хранящимся в музее книгам из библиотеки Карамзина, на которых остались личные пометы историографа, можно узнать круг его интересов

В 1865 году Погодин готовил свой труд, который назывался «Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников». И он обращался за содействием к Сербиновичу, поскольку тот в течение восьми последних лет жизни историографа был его близким помощником. Сербинович писал Погодину об этой записке, объясняя, что она готовилась для императора Александра Павловича. В этом же письме Погодину он сообщал, что обращался за содействием к семейству Карамзина, но записку родственники не нашли. И вот спустя почти 150 лет Елена Беспалова ее обнаружила. В записке перечисляются 30 городов, через которые лежал путь Александра I на восток России. О каждом городе Карамзин давал общие сведения. Рассказывая о Симбирске, автор записки написал, что там он родился и провел детские годы, там имел свое поместье его прадед – царский стольник, а также дед-полковник. «Почему мы не должны верить собственным запискам Карамзина? – спрашивает Елена Беспалова. – Тем более что все эти документы можно и сейчас изучить? Разве этого мало?» Но как же быть с письмом Натальи Дмитриевны Михаилу Погодину о том, что Николай Михайлович родился в Оренбуржье? «Да, на него любят ссылаться сторонники «оренбургской версии», – говорит Елена Беспалова. – Кстати, само это письмо не найдено до сих пор! Зато обнаружено другое письмо Натальи Ивановны Погодину, датированное 21 декабря 1845 года. В нем она пишет: «Вам нужно знать о месте рождения <...> Николая Михайловича Карамзина. Очень было мне приятно выполнить Ваше желание. Немедленно справилась с его родным вместе и моим братом Александром Михайловичем Карамзиным (брат Николая Михайловича Карамзина и кузен Дмитриевой. – Прим. авт.). Вот вам достоверное извещение, что этот гений ума и всех достоинств родился

не в Симбирске, а в Оренбургской губернии в селе Михайловке, а мы симбиряки хотели похвалиться этим и присвоили памятник его себе».

В Ульяновске бытует версия, что вообще-то спор о месте рождения Николая Михайловича начался в XIX веке не из-за поиска истины, а из-за борьбы за одно из имений Карамзиных. Даже спустя более 150 лет ульяновских историков настораживает некая прямодушная откровенность письма, которая наводит на мысль об умышленности сделанного в нем признания.

Главными заинтересованными лицами в интриге, которая вылилась в столь длительный спор, ульяновцы считают Александра Михайловича Карамзина и Наталью Ивановну Дмитриеву. История была для того времени обычная. Сентиментальная. Василий Михайлович, старший брат Карамзина, который владел Знаменским в Симбирской губернии, имел внебрачную дочь Ольгу, вышедшую замуж за Дмитрия Ниротморцева. Василий Михайлович так сильно любил Ольгу, что в завещании имение отписал ей. Еще при жизни своего брата-историографа Василий предполагал, что братья будут выступать против этого его решения. И они, конечно, были против... Судебные процессы между Александром Михайловичем и незаконнорожденной дочерью старшего брата, Ольгой Васильевной Ниротморцевой, наделали много шума. Письмо Натальи Дмитриевы, в котором она пишет Погодину, что историограф родился в Оренбуржье, могло быть продиктовано хитроумной интригой. Не очень лестно некоторые современники отзываются о нравственном облике и Александра Михайловича Карамзина.

Но где тут правда – поди разбери спустя почти два века! Однако, как считают в Ульяновске–Симбирске, подученные перечисленными лицами местные дворяне и смутили тогда Михаила Погодина своими замечаниями.

Копия с портрета старшего брата историографа, Василия Михайловича Карамзина, кисти его внебрачной дочери Ольги, в замужестве Ниротморцевой. Автор копии Борис Клевогин. Хранится в экспозиции мемориального музея «Карамзинская общественная библиотека» при Дворце книги Ульяновска

НОВЫЕ БИТВЫ

...Сегодня село Знаменское (оно же Карамзинка) существует фактически лишь на карте. Летом там живут дачники, а зимует всего один человек. Почитателей основателя русского сентиментализма предпочитают туда не возить. Смотреть нечего. Прах Василия Михайловича Карамзина и его дочери Ольги из Знаменского вместе с остатками надгробных плит несколько лет назад перенесли на кладбище Покровского монастыря в Ульяновске. Дом Карамзиных, где он мог родиться, в городе тоже не сохранился. Зато в Оренбуржье село Преображенка (Михайловка) полно людей. Когда прошлым летом Елена Мишанина приехала туда вместе с Сергеем Колычевым, то глава поселковой администрации организовал встречу с жителями в клубе. После рассказа о Карамзине старожилы нашли место, где стояла церковь, разыскали крест с этой церкви, показали старое кладбище с остатками склепа Карамзиных. Жители провели несколько субботников и привели в порядок место,

где стояла усадьба, нашли даже колодец, из которого черпали воду для засолки карамзинских огурцов. Их Федор Михайлович посылал знаменитому брату-писателю в Москву. Карамзин в письмах сообщал, что оренбургские огурцы лучше, чем те, которые ему шлют из Заволжья. Так что сейчас в Преображенке думают, не наладить ли им производство «карамзинских соленых огурцов».

Имя русского историографа объединило усилия людей, и в селе организовали православный приход. А один мальчик из Преображенки, наслушавшись разговоров о Карамзине, поступил на исторический факультет. Но, пожалуй, вот и все выгоды, которые принесли Елене Мишаниной найденные ею документы. Все исследования она проводила за свой счет и в свободное от работы время. Ничей заказ (в чем ее подозревали) она не выполняла и на место проведения главных торжеств, связанных с Карамзиным, влиять не собиралась.

«Я даже благодарна Елене Мишаниной за то, что она нас расшевелила, – говорит Елена Беспалова. – А то мы были в благодушном состоянии, в полной уверенности, что этому давнему спору пришел конец. А тут пришлось работать, искать новые неопровержимые доказательства, что Карамзин действительно наш, симбирский уроженец». Спор, кстати, будет продолжен. В конце нынешнего года, как обещают в Ульяновске, Елену Мишанину пригласят на научную конференцию, приуроченную к торжествам по случаю 250-летия рождения Карамзина. И кто знает, какие новые доказательства оренбуржцы привезут с собой? Ведь обе стороны продолжают активно исследовать фонды российских архивов, поднимая клубы пыли не меньшие, чем две армии перед сражением. И, наверное, это самая лучшая война из всех, какие могут быть...

«Жизнь есть обман, – писал Николай Михайлович Карамзин, – счастлив тот, кто обманывается приятнейшим образом».

Генерал Н.Н. Юденич.
Портрет работы
художника
М. Мизернюка.
1916 год

ПЕРВЫЕ ПРОВОКАЦИИ

10 августа германские крейсера – линейный «Гебен» и легкий «Бреслау» – вошли в Дарданеллы. 35-й султан из правившей династии Османов Мехмед V Решид еще цеплялся за объявленный его державой нейтралитет. А согласно международным правилам в этом случае пропустить немецкие боевые корабли в Черное море не мог. Но правил он, скорее, формально. Хотя Турция и считалась самодержавной монархией, а султан по совместительству числился халифом всех правоверных мусульман, в Константинополе правила партия «Единение и прогресс». Те самые «младотурки» во главе с Энвер-пашой, занимавшим в 1914 году пост первого заместителя главнокомандующего. А по факту – главнокомандующего турецкой армии, так как эту должность по традиции занимал бессильный Мехмед. Энвер-паша «продал» нужное ему и его коллегам решение, и 16 августа «Гебен» и «Бреслау» уже встали на константинопольском рейде. А сие означало, что в Черное море в любой момент могут вторгнуться два современных, прекрасно вооруженных корабля противника, один из которых, «Гебен», стоил целой эскадры. Уловка, с помощью которой турки решили скрыть факт нарушения ими международного права, насколько наивна, настолько и цинична. Крейсера были переименованы в «Явуз султан Селим» и «Мидилли» и подняли турецкие военно-морские флаги. Притом экипажи имели стопроцентный германский офицерский состав, а командиром отряда был адмирал Вильгельм Сушон, в сентябре получивший должность главнокомандующего турецких ВМС. К слову, это был уже не первый слу-

чай, когда с началом войны «нейтральная» Порта проявила благосклонное отношение к появлению в Черном море кораблей из стана противников России. В самом начале августа переговоры по этому поводу велись между австрийским и турецким командованием.

Пограничные наряды и казацкие разезды, снующие вдоль границы, докладывали в Тифлис об активизации частей 3-й турецкой армии, сконцентрированной вдоль 700-километровой линии разделения от персидского озера Урмия до черноморского берега чуть южнее Батуми. В турецких газетах все чаще и резче вспоминали о понесенных военных обидах от русских в течение последних веков. Армянские, аджарские и азербайджанские торговцы сообщали, что появляться подданным русской империи на базарах южного соседа стало небезопасно. А 29 октября случилась открытая провокация. Германские и турецкие корабли обстреляли главные русские порты на Черном море – Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск, а также поставили минное заграждение в Керченском проливе. Вылазка оказалась совсем не безобидной. На подходе к главной базе Черноморского флота был потоплен минный заградитель «Прут», на борту которого находилась половина минного запаса флота. Погибло 23 матроса и офицера, среди них корабельный священник иеромонах Антоний. Он отказался покинуть горящий и тонущий корабль. В Одессе была потоплена канонерская лодка «Донец» и повреждена такая же лодка «Кубанец». Сильно пострадал Новороссийск, где сгорело нефтехранилище и ряд других крупных объектов. Столб дыма над городом был виден на 80 миль от берега и выглядел будто след от проснувшегося вулкана. После этого хорошо спланированного рейда, в котором приняли участие семь крупных боевых кораблей Порту и Германии, стало очевидно – турки «нарываются» и войны не избежать.

КРАЙНИЙ КАВАЛЕР

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ 1 НОЯБРЯ 1914 ГОДА, КОГДА РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ ИМПЕРИИ ОСМАНСКОЙ. ДЛЯ КОМАНДУЮЩЕГО ШТАБОМ ОТДЕЛЬНОЙ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА НИКОЛАЯ ЮДЕНИЧА НЕОЖИДАННОСТЬЮ ТАКОЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ НЕ СТАЛО.

К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ НА КАВКАЗЕ Николай Николаевич готовился загодя, как и положено хорошему штабному начальнику. А ведь непосредственно перед войной он занимал должность начштаба Кавказского округа. Мыслящие и опытные русские офицеры прекрасно понимали, что рано или поздно Турция окажется на стороне Тройственного союза. Впрочем, это должны были понимать и те офицеры, что были далеки от мучительного процесса размышлений, анализа и оценок. Равно как и все мирные жители русского Кавказа. Иначе как было объяснить и другим, и самому себе факты, отнюдь не являвшиеся достоянием только военной разведки.

Окончание. Начало см.: «Русский мир.ru» №4 2016 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МАСШТАБНЫЙ ПРОЕКТ

Вот о чем точно не ведали жители Кавказа и подавляющее большинство строевых офицеров и солдат Русской армии, так это о подписанных еще 3 августа 1914-го документах между великим визирем Халим-пашой, Энвер-пашой и германским послом в Турции Хансом фон Вангенхаймом. В одной бумаге турки обещали вступить в войну против России, в случае если та втянется в конфликт с Австро-Венгрией из-за Сербии, а империю Габсбургов поддержит империя Гогенцоллернов. Вторая бумага – конвенция, согласно которой армия Порты переходила под внешнее управление... Кого бы вы думали? Разумеется, германского генералитета. Как раз в эти дни одна европейская страна за другой объявляли о вступлении в войну. 1 августа в отношении России это сделали немцы, 5-го – австро-венгры. Но уж наместник Кавказа граф Илларион Воронцов-Дашков и его помощник, генерал от инфантерии Александр Мышлавский, скорее всего, о тайных соглашениях знали. В связи с чем неизбежен вопрос: если с начала войны видели, что турки агрессивны, почему не возразили Ставке главнокомандующего в Ба-

рановичах, когда там, уповав на спокойствие в Кавказском регионе, чуть ли не вдвое ослабили стоящую здесь армию? Особенно – почему смолчал пользовавшийся значительным авторитетом при дворе граф Илларион Иванович? Возраст помешал вникнуть в ситуацию? Все ж таки 77 лет исполнилось в мае 1914-го...

Не стоит спорить с тем, что однозначно оценивал надвигающиеся события и начальник штаба армии. Тем более что подчиненных он подбирать умел, и в разведывательном отделе штаба служили такие офицеры, как подполковник Даниил Драценко, капитаны Павел Ша-

Встреча русской и турецкой эскадр в Черном море. Бой у мыса Сарыч, в котором крейсеру «Гебен» противостояли корабли русского флота во главе с броненосцем «Евстафий». 18 ноября 1914 года.

Хромофотография из «Альбома Великой войны»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал Энвер-паша, османский военный и политический деятель

тилов и Борис Штейфон. В скором будущем все они отличатся военными талантами в Белом движении. Другое дело, что вмешаться в процесс принятия решений императором, Ставкой, возглавляемой самолюбивым великим князем Николаем Николаевичем-младшим, и главой Кавказа генерал Юденич не мог ни по должности, ни по неформальному статусу. Да, георгиевский кавалер, да, отменный строевой и штабной командир, не «паркетный», надежный. Но ведь сражения и войны пока не выигрывал. А то, что здорово командовал полком, даже бригадой в Маньчжурии – так молодец. Только таких молодцов великий князь не слишком жаловал. У него с русско-японской войной были свои счёты. Та его позвала в гости. А князь – отказался. Да и в целом при дворе к героям Мукдена и Сандепу относились сдержанно. Не лучшие воспоминания остались у многих в Петербурге от этих «сандепу». Нет, не обижали, не преследовали, не зажимали в наградах. Перед войной Юденич получил Святую Анну 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени. Но – пока не слишком прислушивались.

Осенью 1914 года вся Кавказская армия насчитывала примерно 170 тысяч человек. Два армейских корпуса убыли на германский фронт. На них, обученных горной войне, сильно рассчитывали в Галиции и Карпатах. Взамен подошел 2-й стрелковый Туркестанский корпус, хорошо знакомый и любимый Юденичем по прежней службе в Ташкенте. Подбросили три кавалерийские дивизии, две бригады кубанских пластунов – казачьего спецназа. Были под рукой еще пограничники, артиллеристы с 350 пушками. Вот, собственно, и все. Напротив – 11 турецких дивизий 3-й турецкой армии. У ее командующего Иззет-паши, которому активно помогали германские офицеры-консультанты, был рациональный план: одним кулаком ударить

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

русских под Саракамышем, другим – под Батуми. Взять памятный по прежним войнам Карс и дальше беспрепятственно двинуться на Баку. Заметьте, не на Тифлис, а на Баку. В главном азербайджанском городе, во всей стране – единоверцы. А главный турецкий генерал Энвер ставил не только на военную победу, не только на возвращение под «опахала» Константинополя прежних земель, но и на создание нового государства Туран, в котором собирались объединить мусульман. Века не было, чтоб не появлялся на свете очередной поклонник масштабных проектов, так сказать, массовых мероприятий. Когда один, а когда и все три режиссера нарождались...

Нельзя сказать, что план выглядел неосуществимым. Очень даже. При численном перевесе турки были прилично вооружены, хорошо обучены, их вели в бой в том числе и офицеры из стран-союзников. Местность была знакомая. Климат – тоже не чужой. Призы – позавидуешь! Это в принципе довольно распространенное заблуждение, что в русско-турецких войнах мы побеждали потому, что противник никуда не годился. Еще как годился. С военачальниками ему не везло, в отличие от России, – вот это верно.

ХУЖЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ

На современных турецких картах городок называется Сарыкамыш. На турецких – потому что в Турции. И без карты разобраться нелегко. А в 1914 году и крепость Карс, и Саракамыш находились в руках России. Славный Баязет был пограничной крепостью. Сейчас до него от армянской границы – километров шестьдесят. Так же как от Карса. Это – по воздуху. А Сарыкамыш – уже в тылу, до армянского пограничного Гюмри – 110 километров. Про Эрзерум, который и в 1914 году был турецким, говорить нечего: более двухсот. Расстояния, карты, если ты сам в местах, о которых идет речь, не был – штука томительная. Однако необходимая.

Но можно и повеселее. Так называемая Армянская Турция или Восточная Анатолия – это

Разгром турецкой армии под Саракамышем. Плакат времен Первой мировой войны

Общий вид старинной части Карса. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нагорье, пересекаемое множеством речек и ручьев. Городки, крепости, мечети, христианские храмы – частенько все это строилось на высоте 2 тысяч метров и более. Как тот же Саракамыш. Дорог и сегодня немного – строить затруднительно. Да и для кого? Местное население, не важно, этнических турок, армян, курдов, персов, аджарцев, в великолепном Константинополе за людей не считали. Тут и сейчас жизнь тяжелая. Пасут овец и баранов, из которых потом делают на спрятанных в горах фабриках те самые турецкие дубленки и кожаные куртки, которые до недавнего времени с легкостью «скидывали» россиянам-туристам и россиянам-мешочникам в приморских Анталии и Кемере, на рынках Анкары и Стамбула. Выращивают кое-что из фруктов. Земля твердая, летом – высушенная солнцем, зимой – смерзшаяся от холода. Во время зимнего наступления на Эрзерум в 1915–1916 годах Юденич приказал каждому солдату взять по два солидных полена. Чтобы было чем обогреться под высоким южным небом, чтобы кашу могли сварить. В тамошних горах – ни дерева.

Но те самые редкие дороги, пробитые вдоль русел рек, ведут из Китая и Индии, через Афганистан и Персию в порты Средиземного и Черного морей, в Европу и через веселый Кавказ – в Россию. Сражение за Саракамыш началось 22 декабря 1914 года. Поначалу настроение было у кого упадническое, у кого – никакое. Первые натиски турок на выбранных ими направлениях для проведения масштабной наступательной операции этого самого настроения никак не прибавляли. После некоторого успеха – удалось взять крепость Баязет, Тавриз, Урмию – сильный удар получил 1-й Кавказский армейский корпус в долине Аракса. До 10 тысяч убитыми и ранеными. Как защищать этот проклятый Саракамыш – в штабах мало кто понимал. А турки вышли к нему напрямую. В го-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На Кавказском фронте.
Командующий Кавказской армией
генерал от инфантерии Н.Н. Юденич
со своим штабом («Нива», №44, 1915)

родке – четыре ополченческих батальона да рота-другая туркестанских стрелков. Вместе со считанными артиллеристами и пулеметчиками – 5 тысяч не набрать. А вот брать город пожелал сам Энвер-паша, прибывший на главное направление наступавшей 3-й армии. Точнее, 9-го и 10-го корпусов в составе шести пехотных дивизий. В Тифлисе Юденич, вопреки субординации, требовал от Мышлаевского приказа выдвинуть штаб армии на фронт и там разбираться в сложившейся обстановке. В Саракамыше ситуацию взял под контроль один из воспитанников генерала, кубан-

ский полковник Николай Букретов, служивший одно время адъютантом в штабе Юденича. Турки сопротивления не ждали и на время притихли. Тем временем прибыл Николай Николаевич. Не без проблем, но остановил-таки намечавшееся отступление по единственной горной дороге, где можно было бесславно погубить всех. Сакраментальное суворовское стало юденичевским: «Если первый вариант грозит неминуемой смертью, а второй – тоже ей грозит, но имеет при этом хотя бы минимальный шанс на успех, надо выбирать второй. И немедленно действовать». Под Саракамышем

Генерал Н.Н. Юденич с офицерами и солдатами на наблюдательном пункте командира батареи. Первая мировая война

сие означало одно: драться до конца. А лично для Юденича – организовать подход подкреплений. И хотя военная наука говорит, что нельзя бросать войска в бой «пакетами», надо в кулак собирать, тут ситуация была иная: требовалось удерживать город. И прибывавшие каждый день из тыла части, пусть батальон, пусть полк, сразу вливались в ряды защитников.

Потерявший самообладание Мышлаевский отъехал в Тифлис через считанные дни, где начал распространять паникерские слухи о гибели Кавказской армии. Пока генерал занимался такого рода пропагандой, русские, подкопив сил и изрядно утомив турок, перешли в контрнаступление. Оно продолжалось с 30 декабря по 17 января. Турки гнали по забитым снегом горным тропам. Известен подвиг туркестанских стрелков из 18-го полка, которые при 20 градусах мороза пять суток продвигались вперед по двухметровым сугробам, пробив за это время в снегу туннель в 10 километров. Быстрее никак не получалось.

Турки начали сдаваться. В 3-й армии перестали существовать два корпуса. Общие потери – 78 тысяч, половина от ушедших в наступление 150 тысяч. Многие погибли не от пуль, осколков и шашек, а замерзли в горах. Если сравнить с нашими возможностями и нашими потерями, то это – суворовская победа. Из 63 тысяч русских солдат потеряно 26 тысяч.

Дворцовая
улица в Тифлисе.
Слева – здание
Главного штаба
Кавказского
военного округа.
Начало XX века

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

Саракамьшская победа привела не только к военным результатам. Но и к кадровым изменениям. Юденич был назначен командующим Отдельной Кавказской армией. Георгий 4-й степени и чин генерала от инфантерии – тоже хорошо, но руки Николаю Николаевичу развязывала должность, а не чины и ордена.

На Кавказском фронте 1915 год прошел относительно спокойно. Первую половину года Порты зализывала раны. Кроме того, у турок были серьезные проблемы с британцами и французами в европейской части – в Дарданеллах и на Галлиполийском полуострове. Все еще колебалась с решением Болгария, и Турция была, по сути, отрезана от своих союзников, в частности от германской «военно-промышленной машины». Тем не менее восстановление 3-й «Анатолийской» армии шло шустро. Не отставал и Юденич, собирая под знамена все, что имелось на Кавказе. А собрав, бился за каждую роту со Ставкой, которая время от времени требовала пополнений в Пруссию и Галицию.

Там дела шли крайне плохо. Русские войска отступали из Польши, той же Галиции, Литвы и даже отдали западные губернии Белоруссии. Отбиваться было нечем: начался печально знаменитый снарядный голод, а вместе с ним голод винтовочный и патронный. Станным образом эти интендантские проблемы не коснулись Кавказской армии. Хотя ее снабжение велось по остаточному принципу. По крайней мере, в мемуарах воевавших в ее составе офицеров тема почти не обозначена. Видятся два объяснения. Первое: с января по июль 1915-го все ограничивалось перестрелками на передовой. Второе и главное: Юденич был истинным стратегом. А стратег занимается не только сугубо военными вопросами, но и политикой и экономикой – всем. Снабжению вверенных ему войск генерал уделял огромное значение.

Н.Н. Юденич
в своем штабе
в крепости Карс

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

И если тыл помогал плохо, он по максимуму использовал результаты военных успехов. Это на Восточном фронте в первые месяцы войны похоронные команды выискивали убитых по воткнутому в землю трехлинейкам. Тела собирали, а винтовки бросали на поле боя. Юденич трофеи собирал скрупулезно, до последнего патрона.

Летом он спланировал и провел короткую, но блистательную операцию, названную Евфратской или Алашкертской. Турки решили обойти левый русский фланг и выйти к Карсу, где обосновался штаб Юденича. Пока османы медленно продвигались вперед, тесня наших пехотинцев, Николай Николаевич скрытно сформировал небольшой, но мобильный отряд под командованием генерал-лейтенанта Баратова. Время контрудара было рассчитано не то что по часам – по минутам. В этом, кстати, одно из полководческих достоинств Юденича. Он не страдал «рискобоязнью»,

как некоторые наши генералы в Первую мировую. Николай Баратов провел операцию с хирургической точностью. А когда противник растерялся от флангового и тылового ударов, в лоб ему влепил 1-й Кавказский корпус. Попытка турок прорваться в сторону Кавказа через «южные ворота» была пресечена. Юденич получил Святого Георгия 3-й степени.

О житейской скромности и неприхотливости этого человека свидетельствуют подробности награждения. Генерал Борис Штейфон писал: «По Кавказским традициям командир 1-го Кавказского корпуса генерал Калитин, как старший Георгиевский Кавалер, прибыл с делегацией в штаб армии, чтобы поздравить Командующего Армией и поднести ему крест. Юденич был явно тронут. Кратко поблагодарил. Сел. Помолчал. Затем подошел ко мне и сказал вполголоса: «Передайте, пожалуйста, заведующему столом, что у нас будут завтракать генерал Калитин с делегацией. Пусть заведующий подает к столу что-нибудь лишнее. Ну, там сельтерской воды, что ли...» Юденич, вопреки офицерским традициям, не пил и не курил. Осенью ситуация в регионе сильно изменилась. В войну против Антанты вступила Болгария. Открылся прямой транспортный коридор между Германией и Турцией. И в Порту составили повезли оружие и снаряжение.

На Кавказском фронте. Генерал Н.Н. Юденич на наблюдательном артиллерийском пункте

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Полной неудачей завершились союзнические попытки выйти к Константинополю через Галлиполийский полуостров. Вопрос там стоял иначе: как бы поскорее ноги унести. Стало быть, у турок освобождались значительные, имевшие отличный боевой опыт и победный дух силы. А тут еще субъективная история. На Кавказ прибыл новый наместник и, соответственно, новый главком – великий князь Николай Николаевич, аккуратно изъятый государем с должности Главноверха Русской армии. Уставший, изнервничавшийся, в чем-то разуверившийся. Предложение Юденича ударить на азиатском направлении первыми великий князь встретил без энтузиазма.

Прозвище «Кирпич» появилось не случайно. Дело ведь не только в суровой внешности, более – в характере. Генерал умел быть настойчивым и, порой, крайне упрямым. Не сдвинешь. Наступление на Эрзерум ему пришлось «продавливать» дважды. Изначально. И в тот момент, когда наши войска, уже покорившие оборонительные точки турок в считавшемся неприступным эрзерумском укрепленном районе, должны были штурмовать сам город, где и добить врага. В обоих случаях не менее упрямый великий князь уступил. Правда, под личную от-

ветственность командующего Кавказской армией.

Стратег Юденич был уверен, что, если взять Эрзерум и в очередной раз разбить 3-ю армию турок, Порты на Кавказском фронте выйдет из игры. И к разработке операции приступил к присущей ему тщательности. Откуда взялись десятки тысяч пар валенок, коротких тулупов,

Война с Турцией.

Наступление на Эрзерум. Плакат

Генерал Н.Н. Юденич с чинами штаба Кавказской армии. 1916 год

шапок-ушанок, ватных штанов, знали только Николай Николаевич и его малочисленный штаб. Но штурмовые батальоны и сотни были экипированы и вооружены для зимнего похода и боя в горных условиях превосходно. Отменно сработал план по дезинформации противника. Все маневры производились по ночам, но незадолго перед наступлением была произведена масштабная фальшперевоска целой дивизии на границу с Персией. Результативно показала себя разведывательная авиация. Было собрано внушительное количество снарядов в парках, и турки получили артподготовку, которой не ждали.

Однако сам штурм полосы укреплений и самого Эрзерума на легкую прогулку совсем не походил. Вновь напрашивается аналогия с суворовскими чудобогатырями, покорявшими альпийские вершины. В Швейцарии горы были выше, но в сентябре. В Анатолии – пониже, но в январе-феврале... Один из участников штурма писал: «Полк поднимался по узкой тропе. Затем тропа исчезла. Приходилось карабкаться уже по скалистым горам. <...> К 2 часам ночи полк вышел на плато. Вьюга усилилась, и стало нетерпимо...»

16 февраля 1916 года после 5-дневного штурма Эрзерум пал. Но русские войска не остановились и продвинулись вглубь Турции еще на добрую сотню километров. Несопоставимы потери. У турок – почти 80 тысяч, у русских – 8339! За Эрзерум Юденич был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, став последним его кавалером в истории императорской России.

Юденич не был бы Юденичем, если бы, глядя на карту Восточной Анатолии, не обратил внимания на самый восточный порт Турции в Черном море – Трапезунд (ныне – Трабзон). Через его причалы 3-я турецкая армия снабжалась припасом. После взятия Эрзерума, по справедливому разумению Николая Николаевича, через этот порт стоило бы снабжать уже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

армию русскую. Большинство военных историков традиционно считают, что «Эрзерум» и «Трапезунд» – это разные операции. По времени они действительно не совпадают. Но стратегически связаны друг с другом напрямую. И можно быть уверенным, что, готовя первую, Юденич готовил и вторую. Трапезунд был взят 18 апреля 1916 года. На этот раз сухопутные войска действовали в тесном контакте с Черноморским флотом. Юденич словно демонстрировал Ставке в Могилеве, как именно нужно организовывать предполагаемый поход на Константинополь. А поход в армии ждали. Тем более что после побед Кавказской армии союзники наконец официально закрепили планы послевоенного дележа добычи. Согласно этим планам Россия получала долгожданные Босфор и Византию.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ

1916 год на Кавказе завершился относительно тихо, а начало 1917-го перевернуло всю Россию. Когда Ставка 15 марта телеграфно запросила командующих фронтами высказаться по поводу отречения государя, великий князь Николай Николаевич спросил Юденича и получил до предела внятный ответ: «Кавказская армия, безусловно, предана Государю и долгу службы!» Князь не внял и отправил ответ, противоположный по смыслу. Во Временном правительстве, разумеется, об истории знали. И когда в мае военным министром стал истеричный знакомец Юденича по Ташкенту Керенский, генерала тут же отправили в отставку. Министр не посчитал нужным скрывать истинную причину своего решения. «Вы слишком популярны в армии» – так завершил он короткую встречу.

Н.С. Самокиш.
На Кавказском
фронте («Нива»,
№16, 1915)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Главкомандующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич и командующий Кавказской армией генерал Н.Н. Юденич с чинами штаба Кавказской армии после Эрзерумской операции. 1916 год

Некоторое время Юденич с женой провели в Петрограде. Николай Николаевич, не таясь, поддержал летнее выступление генерала Лавра Корнилова на предмет наведения жесткого порядка в управлении страной и в армии. Так называемый Корниловский мятеж не состоялся, а вот Юденич был вынужден уйти в подполье. Громко сказано, конечно, но показываться на люди ему не рекомендовалось. Существует вопрос, почему после Октябрьского переворота, воспринятого Юденичем крайне отрицательно, прославленный генерал сразу не отправился, скажем, на Дон в Добровольческую армию. В чувстве разумной осторожности ничего предосудительного нет. Столь известный человек, фотографии которого знала вся Россия, будучи нелегалом, вряд ли добрался бы до Ростова осенью-зимой 1917-го. К тому же у Юденича в Петрограде было дело. Хотелось завершить создание тайной офицерской контрреволюционной организации.

Когда обстоятельства позволили – в январе 1919 года – Юденич, супруга и два офицера-адъютанта по чужим документам выбрались из Петрограда в Гельсингфорс (Хельсинки). Генерал развил активную деятельность, связался с Верховным правителем России (белая версия) адмиралом Александром Колчаком, с финским лидером, а в недавнем прошлом – русским генералом Карлом Густавом Маннергеймом, командующим Северо-Западной армией белых, базирующейся в Эстонии, Латвии и Псковской губернии, генералом Александром Родзянко. В результате 5 июня Юденич был назначен Колчаком главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте.

Тема Гражданской войны – это цикл публикаций, к которому «Русский мир.ru» вернется в со-

Генерал
Н.Н. Юденич
в штабе
Кавказской
армии

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ответствующее время. «Юденичевский период» оказался коротким. Будучи за «единую и неделимую Россию», генерал полагал, что ради победы можно согласиться на некоторые компромиссы. В частности, с финнами. Но крайне жесткую позицию в этом вопросе занял Александр Колчак. И пока шли переговоры, финский вопрос решился сам собой. В Суоми выбрали президента, который никоим образом конфликтовать с большевиками не собирался. Маннергейм эмигрировал.

А Юденич остался без потенциального союзника.

К таланту генерала довольно ревностно отнеслись в Антанте, понимая, что такой может взять красный Питер. Между прочим, сам Юденич говорил то же самое: «Раскидаю большевиков, если мне не будут мешать». Убедившись, что «под Юденича» в СЗА пошли офицеры и нижние чины, а сама армия на глазах выросла втрое, наши «верные друзья» британцы заблокировали доставку 60 тысяч комплектов воинской формы, куплен-

ных Юденичем на средства, выделенные Колчаком. Вставляли палки в колеса лидеры формируемых Латвийской и Эстонской республик. Не все было ладно и с подчиненными генералами. Кое-кто уже заразился партизанщиной Гражданской войны. Короче говоря, мешать стали сразу, едва Юденич приступил к командованию.

Сформированная им боеспособная, но крайне малочисленная для столь масштабной задачи, как взятие Петрограда, армия – всего около 20 тысяч штыков – добилась феноменального результата. Эта сводная дивизия – а непосредственно на Петроград выдвинулось около 15 тысяч – с боями взяла пригороды Северной столицы – Гатчину, Красное Село, Павловск, Царское Село – и вышла к Пулковским высотам. Первоначально Юденичу противостояли втрое превосходящие силы красных, а когда один из его подчиненных отказался взорвать мосты Николаевской дороги, присланные из Центральной России подкрепления увеличили это число вдвое. 22 октября 1919 года Красная армия прорвала линию белых, и остатки СЗА вскоре откатились за эстонскую границу, где были интернированы. В январе 1920-го Юденич объявил о роспуске армии, а сам, преодолев препоны эстонских властей, выехал в Европу.

В эмиграции Юденич принципиально не участвовал в каких-либо активных политических процессах. Хотя это не значит, что он полностью отошел от русских военных организаций и уж тем более от служивших под его началом ветеранов. До конца дней Юденич, умерший в 1933 году, оказывал посильную помощь из личных средств обращавшимся к нему офицерам. Последние годы Николай Николаевич провел под Ниццей. На ферме Сен-Лоран-дю-Вар вместе с женой Александрой Николаевной выращивал кур...

Генералы
Н.Н. Юденич
и А.П. Родзянко
с офицерами
штаба 1-го
стрелкового
корпуса.
Станция Веймарн.
Июль 1919 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЯЙ

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ПЕРВЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ НАМ НОВГОРОДСКИЙ ПАЛОМНИК, ОТПРАВИВШИЙСЯ В ЦАРЬГРАД НА РУБЕЖЕ XII–XIII ВЕКОВ, ОБЕССМЕРТИЛ СВОЕ ИМЯ, НАПИСАВ ТРУД, ЗА КОТОРЫЙ ЕГО ДО СИХ ПОР БЛАГОДАРЯТ И РОССИЙСКИЕ, И ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕДИЕВИСТЫ. ДОБРЫНЯ ЯДРЕЙКОВИЧ, СТАВШИЙ ПОЗЖЕ НОВГОРОДСКИМ АРХИЕПИСКОПОМ АНТОНИЕМ, ОСТАВИЛ ПОТОМКАМ «КНИГУ ПАЛОМНИК» – ИСТОЧНИК УНИКАЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ, ПОЗВОЛЯЮЩИХ ОЦЕНИТЬ МАСШТАБ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗРУШЕНИЙ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГЛИ КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1204 ГОДУ ЕВРОПЕЙСКИЕ КРЕСТОНОСЦЫ.

КОНЕЧНО, ДОБРЫНЯ был не первым средневековым автором, опи-савшим святыни сто-лицы восточного христианства. Так, византийский император Алексей I Комнин в письме к

графу Роберту Фландрскому, на-поминая об обещании прислать рыцарей для борьбы с сараци-нами, пишет в 1092 году: если европейцы не видят повода по-мочь лично ему, то уж Констан-тинополь достоин помощи со стороны христиан ради «шести Апостолов, тела которых там погребены». А затем для уси-

ления впечатления переходит к более подробному перечисле-нию святынь и мощей Царь-града, доводя их количество до тринадцати. Описывают мощи святых, хранящиеся в Царь-граде, и «Аноним Меркати», и «Аноним Ламброса», и «Тарра-гонский аноним», и Вильгельм Тирский. Количество реликвий в различных описаниях визан-тийской столицы колеблется от восьми до шестидесяти.

Но Добрыня превосходит всех своих предшественников: он описывает 97 храмов Констан-тинополя и окрестностей, пе-речисляя 126 мощей и святынь. И честно говорит, что многие реликвии он «не писал»! Более подробного «реестра» в распо-ряжении современных исто-риков просто нет. Мало того, он сообщает о «русском уболе» Царьграда (квартал, где жили русские купцы и паломники. – Прим. авт.), подробно описы-вает ход богослужения роме-ев, упоминает о блюде княгини «Олгы Руской» в Святой Софии, рассказывает о местных ико-нописцах. Труд Добрыни уни-кален: «Книга Паломник» дает представление о том, как вы-глядел и жил Константинополь накануне разгрома крестонос-цами в 1204 году...

*Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №4 2016 года.*

ТРИЖДЫ БЛАЖЕННЫЙ ГОРОД

Магнит человечества, ключ Вселенной, око Востока, семихолмный господин, наиярчайшая утренняя звезда, премного известный, святой град, Царствующий Город. Так в Средневековье величали Константинополь. «О, трижды блаженный Город, око Вселенной, украшение мира, звезда, сияющая издалека, фонарь, освещающий этот низменный мир!» – писал о столице Византийской империи поэт XII века митрополит Навпакта Константин Манассия. И хотя обилие столь ярких эпитетов может показаться преувеличением, на деле они не столь уж далеки от истины.

Константинополь переживал и взлеты, и падения, но всегда поражал современников своими масштабами, сокровищами и «чудесами». Пока западная часть Римской империи, пав под натиском варваров и растеряв дары античной цивилизации, все глубже погружалась в пучину Темных веков, Византия, воюя с персами, германцами, аварами, славянами, норманнами, арабами и турками-сельджуками, сохраняла и развивала античное наследие. Константинополь – один из крупнейших городов мира Средневековья – мог похвастаться многоэтажными домами, водопроводом, ночным освещением, пожарной службой, полицией, термами, театрами, ипподромами, высшими школами – аналогами будущих университетов. Именно в Константинополе появились первые в мире больницы, странноприимные дома и даже дома престарелых. А правивший в IX веке император Феофил прославился тем, что снес целый квартал порнокапилиев (публичных домов) и построил на их месте огромный приют для бездомных. Но было бы ошибкой представлять жизнь средневекового города в виде идиллической

картинки. К примеру, всего лишь за столетие до того же Феофила на форуме Быка все еще стояла огромная бронзовая печь в виде одноименного животного. По преданию, она была создана в VI веке до н.э. греческим скульптором Периллом по приказу Фаларида – тирана одного из сицилийских полисов. На спине быка имелся люк, через который в печь опускали осужденного, под брюхом статуи разводился огонь, и человек погибал в страшных мучениях. Неслучайно в античные времена фразеологизм «медный бык Фаларида» означал проявление крайней степени жестокости. До VIII века печь использовалась довольно регулярно, и, скажем, император Юлиан Отступник сжег таким образом немало христиан...

Ежегодно 11 мая в столице пышно отмечался главный светский праздник империи – День основания Константинополя. С утра на Большом ипподроме, вмещавшем до 100 тысяч человек, собирались жители в ожидании Овощных игр, в ходе которых го-

рожанам бесплатно раздавали овощи и рыбу. По форумам Константинополя прогуливались разодетые в роскошные одежды купцы и аристократы, а собравшаяся поглазеть на них чернь попивала фуска и фермон (любимые напитки византийцев: фуска делалась из теплой воды, уксуса и яиц, а фермон составляли горячая вода, тмин, перец и анис. – Прим. авт.) и судачила об очередных скандалах в императорской семье или сплетничала о высокопоставленных чиновниках. Последних легко было распознать в толпе по цингуле – красному кожаному поясу с золотой пряжкой. Из домов богачей и дворцов доносилась любимая византийцами органная музыка: изобретенный греческим механиком Ктесибием орган в Византии был домашним, а не церковным музыкальным инструментом.

О богатствах Константинополя ходили легенды. Тот, кто хоть раз видел этот город, больше не мог забыть сияние позолоченных бронзовых черепиц дворцов и административных зданий, сверкающие купола церквей, мрамор портиков и форумов, изящные статуи, изумительные фонтаны, золото и серебро храмов, свечение великолепных мозаик, драгоценные камни и жемчуг, украшавшие иконы, церковную утварь и алтари.

Митрополит Афинский, известный византийский писатель Михаил Хониат в конце XII века с укором писал своему столичному другу: «Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен, не хотите посмотреть на древние города, окружающие вас, вы посылаете своих налоговых сборщиков, с их зубами звериными, сами же остаетесь у себя, реки всех богатств стекаются в столицу, как в единое море». Вот такой город предстал взору Добрыни Ядрейковича в начале XIII века...

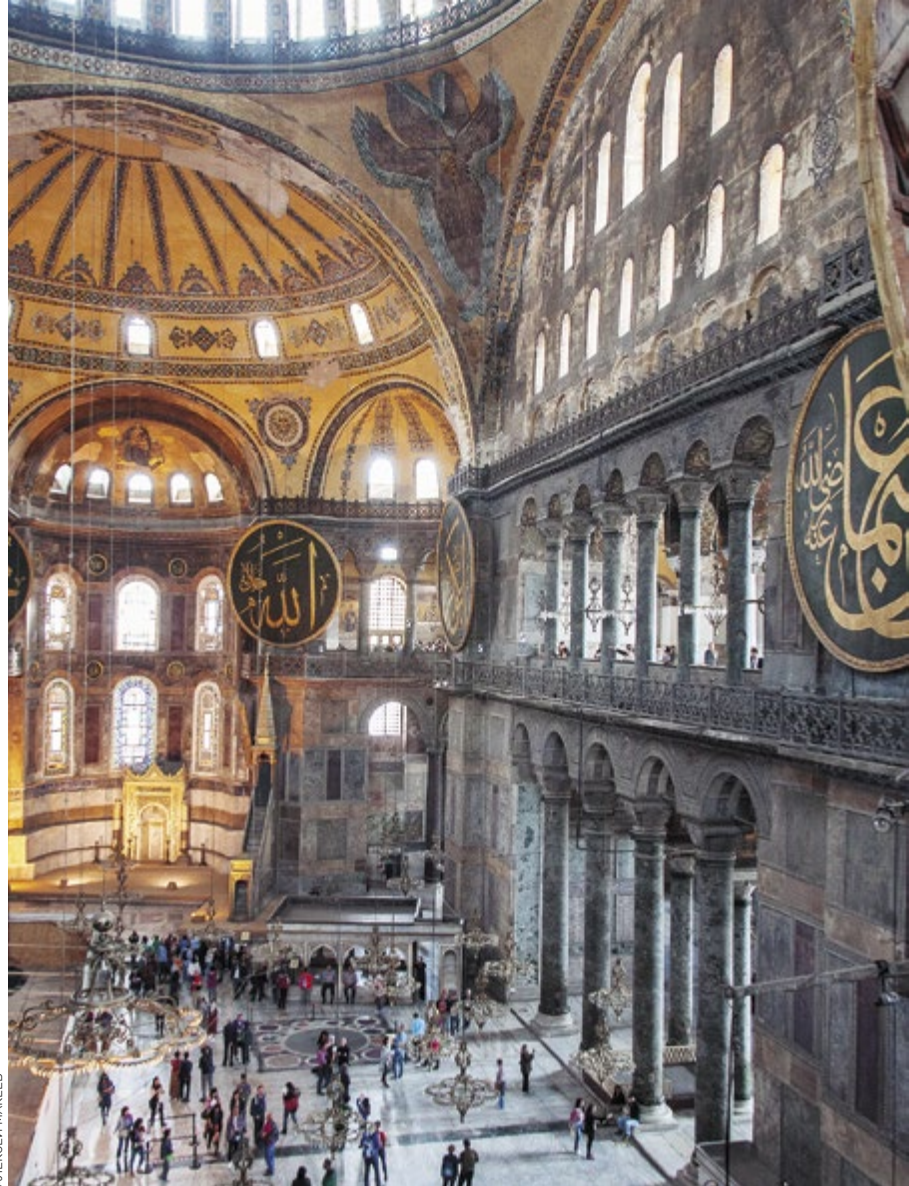
Добрыня
Ядрейкович.
Художник
Ю.Г. Шмелев.
1988 год

ПОСОЛ И ПАЛОМНИК?

«Царский град стоит на семи холмах на три угла, крестообразно, от одного угла до другого угла расстояние равно семи поприщам. Палаты в нем каменные. И стенами, и церквами весьма украшен. А соборная церковь очень велика. Это София Премудрость Божия, подобная небу, яшмой вымощена, украшена всячески, которую создал благочестивый царь Юстиниан, каменную, сорок дней ее расписывали необыкновенно, в длину она 120 сажень, а поперек – 56, а в высоту – 45 сажень; а столпов в ней 300, а приделов в ней – 365. А град стоит между двух морей» – так Добрыня приступает к описанию Константинополя. До того он кратко сообщает, что добрался до Царьграда благополучно, не останавливаясь на подробностях пути. Позже из текста становится ясно, что в Константинополь Добрыня шел в составе посольства галицко-волынского князя Романа Мстиславича. Возглавлял посольство боярин Твердятин Остромирич, остальных «дипломатов» Добрыня перечисляет по именам: Дмитрий, Домажир, Недан и Негвар («Книга Паломник» известна в девяти списках, в двух из них к перечню имен послов добавлено «и со дружиною». – Прим. авт.). Добрыня, скорее всего, шел в Царьград через Галич, где встречался с Романом Мстиславичем. Этот князь – правнук Мстислава Великого и внук Изяслава Мстиславича, воевавшего за киевский престол с Юрием Долгоруким, – был любим новгородцами. Именно он в 1170 году, занимая новгородский стол, разбил под Новгородом суздальское войско, возглавляемое сыном владимирского князя Андрея Боголюбского. И хотя в итоге Андрей, устроив хлебную блокаду Новгороду, добился того, что Роман покинул город, а горожане приняли на княжение угодного ему князя, новгородцы об этой победе никогда

Так сегодня выглядит собор Святой Софии в Стамбуле

Новгородская икона «Чудо от иконы «Богоматерь Знамение», на которой есть изображение князя Романа Мстиславича

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

не забывали. Именно с ней связан сюжет знаменитой новгородской иконы «Чудо от иконы «Богоматерь Знамение», на кото-

рой Роман Мстиславич изображен еще безбородым юношей. О том, зачем Роман отправил посольство в Царьград, Добрыня умалчивает. Возможно, предметом переговоров была военная помощь Византии со стороны Галицко-Волынского княжества. С конца XII века империя с трудом выдерживала натиск болгар и половцев. Роман оказался фактически единственным, кто откликнулся на призыв императора Алексея III Ангела: по словам византийского историка Никиты Хониата, его помощь воспринималась ромеями как чудо. Князь разгромил половецкие кочевья, что заставило половцев вернуться за Дунай, а без них болгары не решились продолжить наступление. В начале XIII века Роман совершил еще два победоносных похода на половцев, принесшие ему славу и на Руси, и в Византии. Галицко-Волынская летопись даже сравнивает Романа Мстиславича с его прапрадедом Владимиром Мономахом – знаменитым победителем Дикой Степи.

АЛЕКСАНДР БУРЬ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«НЕБУ ПОДОБНА ЦЕРКОВЬ ТА...»

Когда Добрыня прибыл в Константинополь – неизвестно, но можно не сомневаться, что в мае 1200 года он уже любовался Царьградом: описывая чудо в соборе Святой Софии, которое он видел вместе с галицкими послами, паломник называет точную дату – 21 мая 1200 года. «В алтаре великом <...> за святым престолом стоит крест золотой, от земли выше, чем два человеческих роста, с камнями драгоценными и жемчугом украшен. А перед ним висит золотой крест полутора локтей в длину, да три ветви золотые, и у тех трех ветвей повешены три кадила золотых, и горит в них масло...». Перед началом литургии на глазах Добрыни малый крест с зажженными «кадилами» вознесся, затем опустился на прежний уровень, и масло при этом не угаšlo. Добрыня воспринимает это знамение как добрый знак. Но вот любопытная деталь: по преданию, изложенному в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году», точно такое же «огненное» чудо в Святой Софии ознаменовало падение Константинополя. «Огонь временно подымался кверху и снова опустился на землю: это означало занятие Царьграда, но только временное, – писал о чуде, ви-

денном Добрыней, первый издатель «Книги Паломник», специалист по древнерусской и византийской литературе Хрисанф Лопарев. – Напротив, по чуду 21 мая 1453 года, огонь из Святой Софии совсем ушел в небо, и это означало уже окончательное завоевание». В книге описание Софийского собора занимает больше половины текста. Учитывая значе-

Богородица с поклоняющимися императором Иоанном II Комнином и императрицей Ириной. Мозаика собора Святой Софии

Деисус. Фрагмент. Мозаика собора Святой Софии

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ние и красоту этого храма, это неудивительно. Неслучайно Добрыня восклицает: «думаю, небу подобна церковь та». Он подробно рассказывает связанные с храмом легенды и чудеса, добро-совестно перечисляет хранящиеся в нем бесчисленные иконы и святыни. К примеру, указывает, что в малом алтаре находят-ся кровь и голова мученика Пантелеймона, «и Германова рука, которой ставятся патриархи; <...> и блюдо малое мраморное, на котором Христос ужинал со своими учениками в Великий четверг, и пелены Христо-вы...» Здесь же хранится и драгоценное блюдо княгини Ольги. Добрыня уточняет: «...и блюдо большое, золотое, служебное великой княгини Ольги Русской, которая взяла дань, ходя к Царьграду, а блюдо она дала святой церкви... В блюде же Ольгин камень драгоценный есть, а на том камне написан, изваян Христос, и от того Христа берут печать люди на все доброе».

Перечень реликвий Святой Софии таков, что только диву даешься. И скрижали Моисеева закона, и манна, и венцы византийских императоров, и серебряная колесница Константина Великого, и его щит, и частицы Честного Креста, плащ и пояс Ильи-пророка, и доска Гроба Господня, и бесчисленное множество святых мощей, и вериги апостола Петра, и ковер святого Николая... И это – только малая толика. Но помимо детального описания святынь Добрыня приводит и весьма интересные подробности о самом храме. «Пол церкви вымощен красным мрамором, а под ним – теплые проходы, и приходят люди и чувствуют сквозь мрамор тепло. А когда войдет царь в церковь ту, тогда принесут под пол немного ксилолоя и тимьяна, и положат на угли, и изойдет запах от них по проходам тем в церковь, и воздух наполнится великим благоуханием...» Или: «А на полотах находятся колodцы и ограда патриарха <...> Фрукты же для патриархов различные: дыни,

и яблоки, и груши держат в ко-
лодце, связанные веревками в
корзинах; и когда есть их па-
триарху, то вынимают их из
воды студеными».

Уникальные сведения сообщает
Добрыня и о «русском Констан-
тинополе». Так, он рассказыва-
ет о том, что в церкви Святого
Георгия, что на Черной великой
улице, лежат мощи святого Леон-
тия – русского попа: «был те-
лом велик тот человек, он триж-
ды в Иерусалим пешком ходил».
«В конце же Русской улицы, –
продолжает новгородец, – есть
церковь Сорока святых мучени-
ков, и в ней лежат мощи их...»

Из «Книги Паломник» мы узна-
ем, что в пригородах Констан-
тинополя, где жили в основном
иностранцы купцы и предста-
вители других конфессий, нахо-
дился и русский городок: «А в ча-
сти Испигаса, в русском городке,
есть церковь святых мучеников
Бориса и Глеба...» А за Испига-
сом (одни из крепостных ворот
Константинополя. – Прим. авт.),
продолжает Добрыня, на горе
есть монастырь Святой Богоро-
дицы, в котором каждому при-
шедшему сюда человеку дают
«хлеб, и вареное, и по чаше вина.
Каждый же русский, кто идет в
Иерусалим или из Иерусалима,
каждый день тут питается...».

О том, когда Добрыня покинул
Константинополь, единого мнени-
я у исследователей нет. Одни
считают, что он пробыл здесь
чуть более года, затем вернул-
ся на родину, а в середине пер-
вого десятилетия XIII века по-
сетил столицу Византийской
империи еще раз. Другие пред-
полагают, что новгородский па-
ломник жил в Царьграде вплоть
до 1204 года и, возможно, был
очевидцем разграбления горо-
да ордами Четвертого кресто-
вого похода. Они же считают,
что именно Добрыня был авто-
ром анонимной древнерусской
повести «О взятии Царьграда
от фряг», в которой содержатся
уникальные подробности оса-
ды и штурма Константинополя,
отсутствующие во всех осталь-
ных хрониках – как европей-
ских, так и византийских.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Четвертый
крестовый поход
так и не дошел
до Иерусалима

85 ТЫСЯЧ МАРК И ПОЛОВИНА ДОБЫЧИ

Кажется, в трех предыдущих
крестовых походах в Святую
землю людьми уже было про-
демонстрировано все, что воз-

можно: и высшая доблесть и
добродетель, и самая послед-
няя мерзость и подлость. Чего
не видела залитая кровью Свя-
тая земля? Неоправданная
жестокость, героическое са-
мопожертвование, убийствен-
ное вероломство, отчаянная
храбрость, смертельное пре-
дательство, безоглядная пре-
данность... Здесь бесчестные
искатели приключений ста-
новились князьями, а благо-
родные короли погибали от
проказы. Так чего не виде-
ли скупые пески Палестины?
Чего не дождался Утремер
(от фр. outre-mer – «Заморье»,
так назывались государства
крестоносцев, созданные в Па-
лестине после Первого кресто-
вого похода, – Эдесское
графство, Антиохийское кня-
жество, графство Триполи и
Иерусалимское королевство. –
Прим. авт.)? Ответ прост:
Четвертого крестового поха-
да. Его целью являлось осво-
бождение Иерусалима, захва-
ченного в 1185 году султаном
Египта и Сирии Саладином.
Но до Иерусалима крестонос-
цы Четвертого похода так и
не дошли. Точнее, они вооб-
ще не дошли до Палестины.

Рыцарский
шлем. Музей
Тевтонского
ордена. Вена

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Ненасытная алчность и всепоглощающая жадность – вот что можно было бы начертать на знаменах этого похода...

Пламенные призывы папы Иннокентия III и брошенная им в бой армия проповедников, возглавляемая талантливым оратором Фульком из Нейи, прославившимся проповедью в Нотр-Дам де Пари, – сделали свое дело: знатнейшие вельможи Франции граф Тибо Шам-

панский и его кузен, граф Людовик де Блуа, в ноябре 1199 года объявили о принятии креста. То же самое сделал и граф Балдуин Фландрский. Вслед за ними об участии в крестовом походе начали объявлять аристократы и дворяне Франции, Фландрии, Германии... В Святую землю решили двигаться морем, повторяя путь участников Третьего крестового похода – Ричарда Львиное Серд-

Прославившийся на всю Европу проповедью Четвертого крестового похода Фульк из Нейи выступал и с кафедры Нотр-Дам де Пари

Дворец дожей в Венеции

це и Филиппа II Августа. Но возникла проблема: где взять столько кораблей, чтобы доставить в Палестину пехотинцев, рыцарей, оруженосцев, коней и мулов, провизию и оружие? За помощью обратились к венецианцам, славившимся своим флотом и опытом мореходов. В 1201 году шесть послов крестоносцев прибыли в Венецию и встретились с ее дожем Энрико Дандоло – слепым старцем, ставшим одним из главных лиц Четвертого похода и его проклятием. О сделке договорились быстро: сохранившийся договор сообщает, что венецианцы за 9 месяцев взяли построить корабли для перевозки 4500 лошадей, 9 тысяч оруженосцев, 4500 рыцарей и 20 тысяч пехотинцев, а также поставить необходимое продовольствие и фураж. А крестоносцы согласились заплатить за это колоссальную сумму в 85 тысяч марок. Венецианцы также добавили 50 своих вооруженных галер, выторговав условие, что получают половину «от всего завоеванного как на суше, так и на море». Казалось, все шло как по маслу.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

Но планы крестоносцев спутала внезапная смерть 20-летнего графа Тибо Шампанского. Ну какой крестовый поход без лидера? Вояки приуныли. Обращаться к монарху Франции было бессмысленно: он вел войну с английским королем Иоанном Безземельным. Брат последнего, знаменитый крестоносец Ричард Львиное Сердце, к тому моменту уже лежал в могиле, сраженный арбалетным болтом при осаде французского замка Шалю-Шаброль. Поломав голо-

вы, крестоносцы попросили возглавить поход герцога Бургундского и графа Бар-ле-Дюк. Оба отказались. Тогда обратились к маркграфу Бонифацию Монферратскому, состоявшему в родстве с королями Франции и династией Гогенштауфенов, претендовавших на трон Германской империи. Тот согласился. Отплытие в Левант запланировали на весну 1202 года, местом сбора объявили остров Святого Николая (ныне – Лидо-ди-Езоло. – Прим. авт.) близ Венеции.

Остров Святого Николая, на котором собирались крестоносцы Четвертого крестового похода, сегодня – курортное местечко Лидо-ди-Езоло

НЕ ТА ДОРОГА

Сделав крюк по пути домой в Северную Италию, Бонифаций навестил своего сюзерена и кузена Филиппа Швабского, сына Фридриха I Барбароссы. Филипп в это время вел изнурительную борьбу за корону Германской империи с представителем династии Вельфов – Отто Брауншвейгским, которого поддерживал папа Иннокентий III. Именно здесь, при дворе Филиппа, Бонифаций впервые встретился с человеком, который также станет одним из главных лиц Четвертого крестового похода. Это был Алексей, сын византийского императора Исаака II Ангела, пришедшего к власти в результате государственного переворота. Но в 1195 году родной брат Исаака Алексей сверг и ослепил его, а своего племянника заточил в темницу. Алексею удалось бежать, о чем, кстати, подробно рассказывается в древнерусской повести «О взятии Царьграда от фряг». Современники характеризовали царевича как человека отвратительного, склонного к пьянству, разврату и игре в карты. После побега молодой Алексей Ангел направился ко двору Филиппа Швабского, который был женат на его родной сестре – Ирине.

Венецианцы славились своим флотом и считались опытными мореходами

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

АЛЕКСАНДРЕУРЫ

Латеранский дворец в Риме до XIV века был резиденцией римских пап

К весне 1202 года на острове Святого Николая близ Венеции начало собираться крестоносное войско. Довольно быстро лидеры похода поняли, что сильно просчитались: из 30 тысяч воинов, которые должны были собраться здесь, прибыли лишь 12 тысяч. Те, кто не приехал, решили добираться до Святой земли по суше. Это означало, что собрать 85 тысяч марок явно не удастся. Крестоносцы выгребли из карманов и сундуков все, что нашли, но для расплаты с венецианцами все равно не хватало 35 тысяч марок. И вот тогда дож Энрико Дандоло предложил крестоносцам дьявольский план: в счет погашения долга рыцарям предлагалось помочь Венеции захватить город Зара (ныне – Задар) в Далмации – главного соперника Венеции в торговле на Адриатике, вотчину венгерского короля. Справедливости ради заметим,

что небольшая часть французских рыцарей отказалась сразу и покинула ряды крестоносцев. Но большинство приняли предложение. Караван из кораблей направился к Заре, жители которой вывесили на крепостные стены знамена с крестами. Узнав о ситуации, Иннокентий III направил письмо крестоносцам с предупреждением: если они вторгнутся в христианские владения, то будут подвергнуты анафеме. Рыцарей это не остановило: Зара была взята и разграблена подчистую в ноябре 1202 года. Крестоносцы решили здесь перезимовать. В декабре того же года к ним пожаловали послы Филиппа Швабского и царевича Алексея Ангела. Они предложили крестоносцам помочь Алексею вернуть константинопольский трон, в обмен на что царевич обещал подчинить православную церковь Риму, выплатить рыцарям 200 тысяч

марок и присоединиться к крестовому походу в Святую землю с 10 тысячами воинов. Крестоносцы, превратившиеся в бессовестных наемников, вновь согласились. И вновь письма папы с анафемой и запрещением идти на Константинополь не действовали, богатства столицы восточного христианства манили гораздо сильнее. В качестве оправдания своих действий крестоносцы заявили, что вернуть престол Исааку и Алексею Ангелам – это справедливое дело, тем более что царевич Алексей убедил их в том, что народ империи поддерживает именно его. В июне 1203 года крестоносная армада прибыла к стенам Константинополя. Древний город, выдержавший немало страшных осад и ни разу за восемьсот лет не открывший свои ворота врагам, готовился к смертельной схватке. ❶

МОСКОВСКИЙ ПРОРОК

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ*

Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ФИЛЬМ «ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА». ЧАСТО ПЕРЕСМАТРИВАЮ ЕГО И ЗНАЮ ПОЧТИ НАИЗУСТЬ. ЗА ДОЛГИЕ ГОДЫ ФИЛЬМ МНЕ НЕ НАСКУЧИЛ И НЕ НАДОЕЛ. НАОБОРОТ, С ВОЗРАСТОМ ОН ВОСПРИНИМАЕТСЯ ПО-НОВОМУ, РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ – ТАЙНЫ ПЬЕС ОСТРОВСКОГО И ТАЙНЫ СТАРОЙ МОСКВЫ.

ПОМНИТЕ, МАМЕНЬКА Бальзамина говорит о сватовстве сына:

«Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться. А мы такое важное дело без всякого совета сделаем!» Когда-то эти слова казались мне смешными до нелепости: солидные люди за советом ездят в сумасшедший дом. Кто такой Иван Яковлевич – я даже не догадывался. Может быть, врач-психиатр? Лишь позже я узнал об Иване Яковлевиче Корейше – последнем московском пророке, чюдотворце и юродивом.

В Москве Корейша оказался не по своей воле. И, наверное, будь его воля, он предпочел бы городу какой-нибудь монастырь, удаленный и тихий. Но выбирать Ивану Яковлевичу не приходилось. Более сорока лет он провел в сумасшедшем доме в Москве, здесь и умер, став городской знаменитостью.

О Корейше писал не только Островский. Под своим именем или под вымышленными именами Иван Яковлевич введен в произведениях Федора Достоевского, Николая Лескова и Льва Толстого. Сколько людей писало об Иване Яковлевиче, столько и мнений было о нем. Кто-то видел в нем пророка и чюдотворца. Кто-то – обыкновенного сумасшедшего. А кто-то разглядел хитроумного мошенника и ловкого шарлатана.

Русским читателям хорошо известно мнение писателя Михаила Пыляева, поместившего юродивого в свою знаменитую книгу «Замечательные чудачки и оригиналы». Хотя Пыляев и назвал Корейшу «московским пророком», но увидел в нем только «неопрятное комедиантство», противное всякому «мало-мальски здраво мыслящему человеку».

Государственная Синодальная церковь неоднозначно относилась к юродивому. С одной стороны, она благоволила к нему. Например, вдова коллежского асессора Екатерина Палицына спрашивала московского митрополита Филарета (Дроздова): «Какого быть мнения об Иване Яковлевиче Корейше?» И получила такой ответ: «Я много знаю о нем хорошего». Палицына уточнила: «Можно ли просить его святых молитв?» Филарет ответил: «Почему же нет?»

С другой стороны, кавказский епископ Игнатий (Брянчанинов) объяснял пророчества и чудеса юродивого «очевидным сношением с падшими духами». Мол, при Корейше состоит бес, который выполняет его поручения и «удовлетворяет тщеславию пророка».

Так кем же был он, Иван Яковлевич?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.И. Суриков.
Юродивый.
Фрагмент
картины
«Боярыня
Морозова».
1887 год

Портрет Ивана
Яковлевича
Корейши.
Гравюра XIX века

БОГОМОЛЕЦ

На праздник Рождества Богородицы, 21 сентября 1783 года, в селе Иньково Поречского уезда Смоленской губернии в семье местного священника Якова Корейши родился сын Иван. Корейша (Корейшо) – захудалый дворянский род. Но Яков, вероятно, желая лучше обеспечить семью, отказался от дворянства и перешел в духовное сословие.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стыре он прожил до июня 1807 года. Затем отправился в Киево-Печерскую лавру.

Наконец, после двухлетнего странствия Корейша решил вернуться домой, но по дороге опасно заболел. Тогда он дал обет, что не вернется на родину, пока не совершит богомолья в Нило-Столобенскую пустынь на озере Селигер. В обитель Иван Яковлевич прибыл в сентябре 1808 года, но снова тяжело занемог. Он был так плох, что не мог сам ходить, и попросил, чтобы его на руках отнесли к мощам преподобного Нила Столобенского.

У мощей Корейша получил неожиданное чудесное исцеление и вернулся из пустыни совершенно здоровым. Удивленной женщине, в доме которой он остановился, богомolec сказал: «Да, ныне несли меня на руках и в церкви усадили, а через пятьдесят три года опять понесут и уж уложат в церкви». Позднее почитатели юродивого утверждали, что эти слова были его первым пророчеством – так Иван Яковлевич предсказал свою смерть в 1861 году.

Корейша решил навсегда остаться в Ниловой пустыни, но прожил тут только год. Его нашла сестра Параскева и уговорила вернуться в Смоленск. Монахи не хотели отпускать необычного богомольца, но Иван Яковлевич все-таки покинул берега Селигера.

В Смоленске Корейша снова стал преподавать в семинарии, но скоро вновь оставил это занятие. Он поселился в заброшенной баньке на огородах и жил жизнью настоящего отшельника-молитвенника. Так началось юродство Ивана Яковлевича.

Семья была большой: братья Гавриил, Иван, Илья, Павел и сестра Параскева. В XIX веке в Смоленской губернии служило несколько священников с фамилией Корейша, наверное, родственников юродивого.

Способный мальчик, Иван в 10 лет поступил сразу во второй класс Поречского уездного училища. Отсюда в 1796 году он был переведен в Смоленскую духовную семинарию. И здесь выделялся успехами в учебе, особенно в богословии, толковании Священного Писания, греческом и латинском языках. Учителя и ученики любили Корейшу, но он ни с кем не сближался, предпочитая легкомысленному времяпрепровождению серьезные занятия.

В 1803 году Иван окончил семинарию и получил аттестат с отличием по наукам и поведению. Большинство биографов Корейши полагают, что после духовной семинарии он поступил в Смоленскую духовную академию и какое-то время проучился в ней. Однако сан священника Иван принять отказался и несколько лет преподавал в Смоленской семинарии, а затем – в Поречском училище. В мае 1806 года Корейша оставил работу, прямо с урока отправившись в странствие по русским монастырям. Он ни с кем не попрощался, не взял ни денег, ни вещей.

К концу сентября Иван Яковлевич прибыл в Соловецкую обитель. В прославленном мона-

настырь Нило-Столобенская пустынь на Столбном острове озера Селигер и настоятельские покои (справа). Начало XX века

Поречье. Уездный город Смоленской губернии. Общий вид. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МАСКА БЕЗУМЦА

Юродство – это не сумасшествие, не психическая болезнь. Это маска безумца, добровольно надетая совершенно здоровым человеком. Но для чего юродивые так поступали? Для чего обрекали себя на нищету, голод и бездомность? Для вернейшего соответствия евангельскому слову. Ведь и Христос говорил о Себе: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20). И апостол Павел писал: «Мы безумны Христа ради» (Первое послание к Коринфянам 4, 10). Исстари юродивых также называли «блаженными». Ведь они пытались своей жизнью осуществить Нагорную проповедь – учение Христа о блаженствах. А первое среди евангельских блаженств – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф. 5, 3).

Маска сумасшедшего позволяла «нищему духом» беспрепятственно обличать общественные пороки, говорить правду в глаза богачам и властителям. Для юродивого не существовало никаких ограничений и препятствий. Он одинаково свободно чувствовал себя на шумном торжище, в божьем храме, лачуге бедняка или царском дворце. Религиозный мыслитель Георгий Федотов писал, что юродство – это «служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством».

Но, конечно, блаженный заботился не об исправлении нравов общества вообще, а об их исправлении согласно учению Евангелия. Когда церковь, священнослужители и монахи молчали, юродивый становился голосом народной совести. И народ с почтением взирал на блаженного, видел в нем своего заступника и ходатая, надеялся на сверхъестественные дары пророчества и чудотворения.

Москва, улица Матросская Тишина.
Преображенская психиатрическая больница.
Главное здание

В Византии и на Руси всегда было особое отношение к юродивым. Над ними смеялись и издевались, их презирали и ненавидели. Но и цари, и простолюдины покорно и испуганно склонялись под их грозным окриком, боялись их проклятия и просили их молитв. Недаром пушкинский Борис Годунов боится «дурака», который прилюдно обвиняет его в убийстве «маленького царевича», и просит: «Молись за меня, бедный Николка!» В «просвещенном» XVIII столетии отношение к блаженным переменилось. Это хорошо заметно по тому, что древнерусские слова «урод» и «похаб», которыми называли юродивых, наполнились в современном языке исключительно отрицательным смыслом.

НАДМЕННЫЙ ВЕК

Корейше не повезло, он жил в XIX веке, не только еще более «просвещенном», но и еще более надменном и брезгливом. Вид грязного, загорелого, гогощущего и плачущего «дурачка» вызывал у мало-мальски образованного обывателя не почтение или жалость, а омерзение. Отныне юродивому был один путь – в сумасшедший дом...

Бывший учитель, живущий в заброшенной баньке, возбуждал любопытство жителей Смоленска. Горожане докучали Ивану Яковлевичу чрезмерным вниманием, и он переселился в лес.

Здесь Корейшу нашли крестьяне. Отшельник копал палкой землю. Был он без шапки и вообще без всякого имущества. Крестьяне построили Ивану Яковлевичу избушку и стали ходить к нему за советом, носить хлеб.

Когда наступила зима 1811 года, крестьяне, подкармливавшие отшельника, заметили ему, что наступают холода, а у него нет теплой одежды. На это Корейша ответил: «Подождите год-годик, и жарко будет, и мерзнуть станете».

Вскоре на Россию напал Наполеон. Смоленская губерния была занята французами. Крестьяне и горожане с лихвой испытывали все бедствия военного времени. Вместе с народом эти бедствия испытал и Иван Яковлевич. Но настоящие бедствия ожидали юродивого после окончания войны – в 1817 году. У одной знатной и богатой смоленской барыни была дочь-невеста. К ней посватался офи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

выбрили мне голову, несмотря на то что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мне на голову капать холодной водою. Такого ада я еще никогда не чувствовал. Я готов был впасть в бешенство, так что едва могли меня удержать».

Но гоголевский Поприщин – «Фердинанд VIII, король испанский» – был настоящим помешанным, а Корейша – мнимым. Человек верующий, умный и образованный, он должен был претерпевать ужасные душевные страдания из-за своего ложного положения.

Однако Иван Яковлевич мужественно перенес все и не сошел с ума. Он даже сохранил чувство юмора и называл себя «студентом холодных вод», намекая на попытку холодной водой, которой не раз подвергался.

Врачи Преображенского доллгуза поставили Корейше необычный диагноз: *mania occupatio mentis in libro* – помешательство ума от занятия книгами. Настоящее «горе от ума!» Наверное, такой же диагноз можно было поставить и Дон Кихоту.

Сначала врачи отнеслись к юродивому с неоправданной жестокостью. Его держали в темном и сыром подвале, посадив на цепь. Давали только хлеб и воду, да и то не каждый день. Москвичам, прослышавшим о прибытии в их город известного пророка, не разрешали с ним видаться.

Положение Корейши улучшилось лишь с 1828 года, когда главным врачом богадельни был назначен Василий Саблер, талантливый психиатр. Через десять лет его стараниями страшный доллгуз превратился в Преображенскую больницу, где воцарились более мягкие порядки.

Иван Яковлевич был переведен в просторную палату с постелью и чистым бельем. Но он решительно отказался от этих удобств и продолжал спать на голом полу и без подушки.

Стены палаты были увешаны иконами, как в часовне. Стоял

Пациентки
Преображенской
больницы
в комнате
для рукоделий.
Конец XIX века

ГОРЕ ОТ УМА

В XIX столетии во всем мире душевные недуги лечились исключительно насилием. Считалось, что такие болезни исцеляются только решетками, цепями, смирительными рубашками, голодом, палками и капаньем холодной водой на голову. Так что в ту пору сумасшедшие дома напоминали тюрьмы, пыточные камеры или застенки испанской инквизиции. Все это с пугающей достоверностью описал Гоголь в «Записках сумасшедшего»: «Канцлер ударил меня два раза палкою по спине так больно, что я чуть было не вскрикнул... Сегодня

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Центральный
коридор одного
из нижних этажей
старого здания
Преображенской
больницы,
не подвергав-
шийся серьезным
перестройкам
со времени
основания
доллгуза

цер, отличившийся в войне с французами. Барыня с дочерью решили съездить к почитаемому отшельнику, разузнать о будущем. Заложили карету, приехали в лес, вошли в избушку и спросили: «Счастлива ли будет в замужестве раба Божья Н?» В ответ Иван Яковлевич закричал: «Разбойники! Воры! Бей! Бей!» Когда возвратились домой, дочь объявила барыне, что не пойдет замуж за офицера, поскольку Корейша назвал его разбойником. Сватовство расстроилось. Вzbешенный жених, узнав, что причиной этого был юродивый, поехал в лес и избил Ивана Яковлевича до полусмерти. Впоследствии оказалось, что несостоявшийся жених действительно был вором, а несостоявшаяся невеста ушла в монастырь, была игуменьей и вела переписку с Корейшей.

Офицер потребовал от смоленского губернатора, чтобы Ивана Яковлевича поместили в сумасшедший дом. Поскольку в Смоленске такого заведения не было, губернатор направил юродивого в Москву, в Преображенскую богадельню или, как тогда говорили, в доллгуз (от немецкого *Tollhaus* – сумасшедший дом).

большой высеребранный подсвечник, пожертвованный кем-то из посетителей, на который желающие ставили свечи. Ежедневно к Корейше приходило множество москвичей, жаждущих узнать свое будущее или получить исцеление от недуга.

Саблер придумал брать с каждого посетителя по 20 копеек. Эти копейки складывались в небольшие тысячи, позволяющие Преображенской больнице относительно сносно существовать. Недаром Саблер говорил: «Мы очень бедны. Если бы не Иван Яковлевич, не знаю, как бы мы сводили концы с концами».

Москвичи приходили к Корейше преимущественно с житейскими вопросами: «Выйдет ли замуж А?», «Будет ли успех в делах Б?», «Выздоровеет ли В?». Среди посетителей юродивого были не только купцы – «представители темного царства», как пишет Пыляев, но и чиновники, офицеры, дворяне и духовные лица. Особенно много приходило женщин.

Ответы Иван Яковлевич давал устно или писал на бумажке. Они всегда были кратки и неожиданны. Самый известный ответ Корейши: «Без працы не бенды кололацы». Многие современники видели в этих словах бессмыслицу, бред сумасшедшего. В русском языке второй половины XIX века слово «кололацы» стало синонимом чуши. На самом деле это искаженная польская поговорка «bez pracy nie będzie kołacz» – без труда не будет калача.

При Саблере Корейшу стали хорошо кормить. Но к еде юродивый относился нарочито небрежно. Принесут ему кочан капусты и гороховую похлебку. Он оторвет капустный лист, обмакнет его в похлебку и положит лист себе на голову. По всему лицу потечет жижа. А Иван Яковлевич смешает остальную капусту с похлебкой, сам ест и посетителей кормит этим странным блюдом.

Не менее странно юродивый исцелял болящих. Однажды некая княгиня, бывшая при смерти,

Василий Федорович Саблер (1797–1877), психиатр, главный врач Преображенской психиатрической больницы в 1828–1871 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

отчаявшись в помощи врачей, приказала возить ее к Корейше. Поддерживаемая двумя слугами, она вошла в его палату. В это время в руках у Ивана Яковлевича были два яблока. Ничего не говоря, он ударил яблоками княгиню в живот. Дама – в обморок. Ее едва довезли до дому и уложили в постель. Но на следующий день княгиня встала совершенно здоровой.

Под конец жизни слух о Корейше прошел по всей Руси. О нем писали газеты и журналы. За советом к московскому пророку отовсюду приезжали сотни почитателей. Впоследствии они рассказывали, как Иван Яковлевич снова предрек свою кончину. Это произошло на Страстной седмице 1861 года, в Великую субботу. В палату к Корейше пришел больничный священник и, как обычно, причастил его. Затем юродивый стал раздавать присутство-

вавшим просфоры, приговаривая: «Поздравляю вас с Новым годом, с утренней авророй!» Позднее эти слова были истолкованы как предсказание недалекой смерти.

Перед кончиной Иван Яковлевич тяжело болел – мучился сильным кашлем и не вставал, но продолжал принимать посетителей. И по-прежнему спал не на кровати, а на полу.

В последнюю ночь юродивый лег ногами к иконам, а наутро пригласил священника для исповеди и причастия. Почитатели, собравшиеся возле смертного одра, ловили каждое слово утасоющего старика. Женщины безутешно рыдали, но Иван Яковлевич сказал им: «Не плачьте, ангел надо мной». Многие спешили узнать у слабейшего пророка свою судьбу. И Корейша предсказывал. Например, своему служителю Миرونу юродивый предрек, что тот умрет первым из присутствующих в палате.

Одна из женщин принесла Ивану Яковлевичу много свежеиспеченного хлеба. Теперь она не знала, что с ним делать. Корейша тихим голосом благословил ее отдать хлеб «нищим и убогим неимущим старцам в богадельню».

За мгновение до кончины юродивый поднял руку, благословил всех и явственно произнес: «Спаситесь, спаситесь, спасена буди вся земля!» Опустил руку и умер. Это произошло 19 сентября 1861 года.

Пациенты и персонал в саду Преображенской больницы. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И ПОСЛЕ СМЕРТИ...

Митрополит Филарет, узнав о смерти Ивана Яковлевича, спросил: «Что, скончался труженик?» Затем прослезился и сказал, перекрестившись: «Помяни его, Господи, во Царствии Твоем!» Митрополит пожелал узнать предсмертную волю Корейши, чтобы решить вопрос о месте его погребения. Больничный священник доложил, что однажды юродивый воскликнул, воздев руки вверх: «Вижу отца Леонтия в неприступном свете!» Митрополит истолковал слова Ивана Яковлевича как пожелание быть похороненным в Покровском монастыре возле своего духовника – иеромонаха Леонтия. Филарет распорядился, чтобы были сделаны необходимые приготовления и выкопана могила. Решение митрополита обрадовало настоятеля обители архимандрита Паисия (Соколова) и всю братию. Однако Корейшу не могли предать земле пять дней. Сразу несколько монастырей в Москве и Смоленске хотели похоронить его у себя. За эти дни у гроба пророка побывали тысячи людей. Было отслужено более двухсот панихид. Монахини безостановочно читали Псалтырь над покойником. Некоторые иступленные дамы обкладывали тело юродивого ватой, а затем разбирали ее с величайшим благоговением. Вмиг разбирались цветы, которыми украшался гроб. Некоторые ревностные почитатели даже отгрызали от гроба щепки. Так кончина Ивана Яковлевича сделалась не обыкновенной смертью, а своеобразным продолжением его прижизненного юродства. Обезумевшие москвичи, сами того не осознавая, подражали своему почившему пророку. Только если безумство Корейши было мнимым, кажущимся, то безумство горожан – настоящим, клиническим. Тление уже коснулось тела Ивана Яковлевича. Нельзя было далее откладывать погребение. И тогда в дело вмешался некий полковник Заливкин. Он уговорил Филарета разрешить похоронить

Село Черкизово.
Церковь
Ильи-пророка.
1905 год

Корейшу при церкви Ильи-пророка в подмосковном селе Черкизове. Все погребальные расходы полковник полностью брал на себя. На митрополита также действовала просьба племянницы покойного, Марии, бывшей замужем за Никифором, диаконом Ильинского храма. Гроб с телом Ивана Яковлевича был вынесен из больницы через черный ход. Саблер опасался возмущения душевнобольных, считавших Корейшу своим благодетелем. Катафалк провожало множество богатых карет. И, несмотря на длинный и грязный путь, неисчислимое количество богомольцев потянулось в Черкизово. Бабы голосили: «На кого ты нас, батюшка, сиротинушек оставил! Кто нас без тебя от всяких бед спасет! Кто на ум-разум наставит, батюшка!» В день погребения юродивого было отслужено семьдесят

панихид. Многие богомольцы остались ночевать около церкви. И долгое время на могиле Ивана Яковлевича служилось до двадцати панихид ежедневно... Мне всегда казалось, что Корейша – личность легендарная, былинная, анекдотическая. Это такой же фольклорный и литературный персонаж, как, например, Алеша Попович. Но разве нам известна его подлинная жизнь? Разве сохранилась Алешина могила?

Кроме того, не стоит забывать, что советская власть бессмысленно уничтожила в Москве несколько старинных кладбищ (в том числе кладбище Покровского монастыря) и множество захоронений известных людей. Могила знаменитого юродивого вполне могла разделить их участь. Поэтому я был несказанно удивлен, когда узнал, что захоронение Ивана Яковлевича на Черкизовском кладбище сохранилось. За ним следят прихожане и причт Ильинской церкви. На могиле установлена новая каменная плита. Видно, что сюда по-прежнему приходят паломники, приносят свечи, цветы и конфеты. Но, конечно, нынешняя известность Ивана Яковлевича не может сравниться с его всероссийским почитанием, существовавшим в XIX веке. ■

Филарет
(в миру Василий
Михайлович
Дроздов;
1783–1867),
митрополит
Московский
и Коломенский

* Автор – сотрудник
Государственного музея
А.С. Пушкина.

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СЕЙЧАС ПРОШЛО УЖЕ ТАК МНОГО ВРЕМЕНИ, ЧТО ПОЧТИ НИКТО, КРОМЕ ИСТОРИКОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ, ПОЖАЛУЙ, И НЕ ВСПОМНИТ, ОТКУДА ОН ВЗЯЛСЯ, ОТКУДА НАЧАЛ СВОЮ СМЕРТЕЛЬНУЮ ПЛЯСКУ ЭТОТ ВЕТЕР ВОЙНЫ. КАРТИНА ДАЛИ «ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» С УЖАСАЮЩЕ СРОСШИМСЯ МОНСТРОМ, РАЗДИРАЮЩИМ САМОГО СЕБЯ, СЕГОДНЯ КАЖЕТСЯ РЕАЛЬНЕЕ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПОРОДИЛИ ЕЕ, ХОТЯ В СВОЕ ВРЕМЯ ОНИ ДО ОСНОВАНИЯ ПОТРЕЯЛИ И ЕВРОПУ, И ВЕСЬ МИР.

В ОЗМОЖНО, ИСПАНИЯ была лишь пробой: пробой победивших на выборах республиканцев создать коалиционное правительство, объединяющее идеалами справедливости, братства и свободы всех – от коммунистов до анархистов. Была она

пробой сил и для немецких и итальянских фашистов, поддерживавших мятеж военных во главе с генералом Франко и впервые здесь, в Испании, показавших, что такое «война будущего», обрушив бомбы не на линию фронта, а в глубокий тыл, на мирные города...

ДЕТИ, БЕГУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ

«Испания – чистое дело», – сказал как-то Хемингуэй. Это настраивание легко вычитывается в публицистике Антуана де Сент-Экзюпери и Ильи Эренбурга. Тогда, в 1936–1937-м, и вправду казалось, что если все люди доброй воли встанут на сторону Республики, на сторону сил света, противостоящих невиданным доселе сгусткам тьмы, – то будет одержана какая-то по-настоящему важная для человечества победа. Случись такое, вся мировая история до наших дней, может быть, складывалась бы иначе. Но история не пишется идеалистами. Республика была предана: Англия и Франция заявили о своем нейтралитете. На государственном уровне Республику поддержал только Советский Союз. Но Сталин, как легко догадаться, прежде всего стремился снабдить оружием и военными специалистами испанских коммунистов. Фронт в результате получился рыхлым, и в 1939-м все закончилось катастрофой. Раньше, чем это произошло, после первых же ошеломляющих бомбежек мирного населения, символом которых стала Герника –

Тем испанским детям, кто попал в Артек, жизнь на новой родине показалась раем

маленький городок в Стране Басков, стертый с лица земли легионом «Кондор» ВВС фашистской Германии, – из страны стали эвакуировать детей. 9 тысяч нашли себе прибежище во Франции, 4 тысячи – в Англии, 3 с половиной – в Бельгии и около 3 тысяч – в СССР. Сотни кино- и фотоаппаратов запечатлели этот момент: высокие борта пароходов, причалы, заполненные толпами детей и родителей, прощания, слезы и, наконец, сами дети, неловко, как брошенные куклы, лежащие на каких-то мешках в трюмах... Позднее на газетные страницы хлынула лавина очерков, статей, рассказов, репортажей о любви и заботе, которыми в разных странах окружили детей, вырванных из рук фашистов.

«...Где они были, эти мальчики и девочки, после того, как завяли букеты цветов, кончились объятия?» – с горечью спрашивал писатель Лев Разгон, столкнувшийся с «Хуанами» (так называли испанских парней) не где-нибудь, а в системе ГУЛАГа. Судьбы испанских детей сложились по-разному: из Англии, Франции, Бельгии их вернули на родину родителям уже в 1940-м, после того как Гражданская война закончилась и генерал Франко провозгласил гражданский мир, почтив память полумиллиона убитых с той и с другой стороны величественным мемориалом неподалеку от Мадрида, который так и называется – Долина Павших. А судьба «русских испанцев» сложилась иначе. Вероятно, и у Сталина,

Испанский центр – это прежде всего центр памяти. То радостной, то горькой. В любом случае в ней уже ничего не изменишь

и, что подтверждается документально, у Коминтерна и испанских коммунистов во главе с Долорес Ибаррури была мысль превратить увезенных детей в передовой отряд испанского пролетариата, который должен был стать штурмовой колонной грядущей революции в Испании. Немногие догадывались о роли, которая была им предопределена. Немногим она пришла бы по вкусу. Прожив долгую жизнь в СССР, большинство испанских детей предпочли все же вернуться на родину. Одни уехали в 1956-м, в самом начале хрущевской оттепели, другие – после смерти Франко, в 1975–1976-м, третьи – после развала СССР – страны, в которой они выросли и которую успели полюбить. Но есть и те, кто остался в России навсегда: сейчас их немного, около 90 человек в разных городах, от Читы и Кемерово до Москвы. Это, разумеется, не считая детей и внуков.

Этот материал – в каком-то смысле попытка выразить солидарность с нашими испанскими согражданами и, одновременно, попытка понять: отозвалось ли чем-то «испанское присутствие» в жизни России? Ведь 3 тысячи детей – это не так уж мало. Многие – их имена известны – погибли за нашу Победу в Великой Отечественной. Другие – работали на заводах, в колхозах. Потом, когда война закончилась, среди них обнаружилось очень много одаренных людей, за которыми, к тому же, стояла великая испанская культура. Из испанских детей выросли специалисты по сельскому хозяйству, рабочие, художники, врачи новейших медицинских специальностей, хореографы, режиссеры и даже философы... Но главное – все они, оставшиеся, прожили в России отмеренную им человеческую жизнь, со своими взлетами и спадами, радостью и горем, похоронами и новым рождением. Они стали спутниками нашими по человеческой доле. Сроднились с нами.

На всякий случай есть здесь и распятие

**ФРАНЦИСКО МАНСИЛЬЯ
В ПРОЛЕТАРСКОМ РАЮ**

Франциско Мансилья простился со своей семьей задолго до того, как было принято решение о его эвакуации. Еще до начала гражданской войны его семья оказалась в трудном положении. Отец, работавший переписчиком в банке, из-за повсеместного внедрения пишущих машинок был уволен: его каллиграфический почерк стал никому не нужен. Скоро семью за неуплату выставили из квартиры. Перебиваясь случайными заработками, отец снял другую, похуже. Младшего сына, который был самым слабеньким и болезненным, на время отправили в деревушку Пинья Фьель, к бабушке, где он с мальчишеским любопытством изучил все тонкости корриды. Однако вскоре началась гражданская война, отец сразу же пошел добровольцем на фронт, а Франциско на время отправили в интернат в Валенсии, чтобы не голодал. Прошло еще довольно много времени (как раз начались бомбардировки Мадрида), прежде чем в этот детский дом приехала «русская комиссия»: двое военных. Сказали: «...мы можем отправить вас из Испании в Советский Союз. Кто хочет, может поехать». И Франциско согласился. Нужно было разрешение родителей. Оно, разумеется, было дано: отец Франциско верил в коммунизм как в Пресвятую Деву.

Пароходом детей (всего набралось около ста человек) доставили в Ялту. Поскольку в 10 лет Франциско страдал пороком сердца (от которого к старости избавился), его отобрали в группу, направленную в Артек. Пионерская республика произвела на него неизгладимое впечатление. Здесь он прожил полгода. Франциско несколько раз подчеркнул, что всех полностью обеспечили обувью. В наше время мы уже, конечно, не представляем себе ни Испании, ни Крыма 1937 года. И что тогда значили для испанского паренька хорошие крепкие башмаки. Но эти оговорки не случайны...

Эти фотографии и детские рисунки оставшиеся в живых испанские дети собирали как крупницы воспоминаний о счастье

Испанские дети всегда говорили, что встретили их – лучше некуда. Они находились под особым контролем: всего для «испанцев» было определено 20 детских домов: 15 в России и 5 на Украине. На их содержание тратилось в 2,5–3 раза больше денег, чем на советского детдомовца. Содержанием детей ведал ВЦСПС. А воспитанием, разумеется, Ленинский комсомол. Были, правда, и прекрасные преподаватели, в том числе испанские, но поскольку их убеждения не всегда совпадали с тем коммунизмом, который победил в СССР, некоторых выслали обратно в Испанию, а некоторые – просто исчезли. В школе родным языком был испанский, русский изуча-

ли как иностранный. Наркомпрос специально перевел для испанских детей 15 школьных учебников по основным дисциплинам: букварь, книги для чтения, математику, произведения классической испанской и русской литературы, историю, географию...

В общем, это была закрытая система, предназначенная для формирования своего рода молодежной революционной элиты. Казалось, существовать в таком коконе можно долго.

Однако эти планы перечеркнула война.

Она перемешала все общество, снесла все перегородки. Испанские дети стали участниками русской истории.

Потом все изменилось. Эти веселые мальчишки даже представить себе не могли, как перепашет их жизни война. Наша, Отечественная

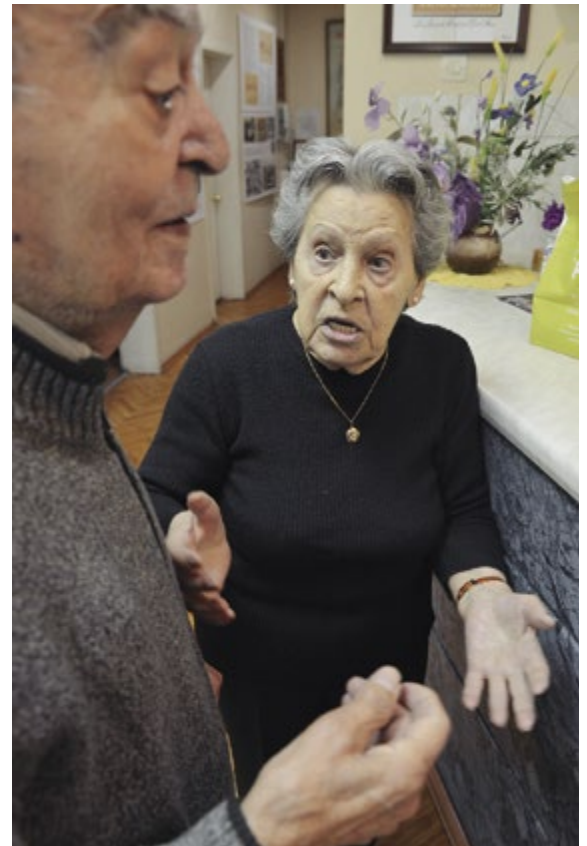

ЭВАКУАЦИЯ

Детский дом в Обнинске, куда в результате попал Франциско, эвакуировали по Волге в бывшую Республику Немцев Поволжья. Их привезли в поселение, которое называлось Базель, по имени немецкого городка на севере Швейцарии. Поразило то, что во всем поселении не было ни одного человека, в то время как амбары и хранилища ломались от зерна, кукурузы, подсолнечника. Даже коровы стояли недоенные. Немцев вывезли в Казахстан в одну ночь, они даже взять с собой ничего не успели. Паулиты Лопес Гонсалес, с которой мы тоже повстречались в Испанском центре на Кузнецком, рассказала, как много позже, уже в зрелые годы, оказавшись в больнице, она случайно встретила с одной из обитательниц этих немецких поселений. Имени своего она не скрывала, и более того, не скрывала, что она испанка, из числа тех испанских детей, которых привезли в Россию в 1937 году. И вдруг она заметила, что одна из женщин в палате пристально присматривается к ней. Оказалось, она из тех самых немцев Поволжья, добротные дома которых были в 1941 году срочно отданы эвакуированным детдомам с испанскими детьми. В то время эта женщина была маленькой девочкой, и неизвестные «испанцы», которые должны были занять их дома, естественно,

воспринимались детским сознанием как враги. И вот эти «враги» встретились в одной больничной палате. Невероятные бывают совпадения... Однако рано или поздно продовольственные запасы должны были кончиться. В 40-градусный мороз они долбили кирками землю, чтобы похоронить умерших от тифа. Единственное, что радовало, — это разгром немцев под Москвой. По рассказу Франциско, однажды директор собрал ребят и объявил: «У нас есть два выхода: уехать в Саратов и работать или оставаться здесь и умереть с голоду». Пешком они дошли до ближайшей станции, добрались до Саратова. Франциско окончил школу фабрично-заводского ученичества, получил диплом штамповщика третьего разряда. Работал на заводе «Комбайн», который в военное время производил самолеты. Страшно было работать под бомбами и ночью, когда неумолимо наваливается сон: однажды Франциско на миг заснул, но станок успел «проштамповать» его палец. На всю жизнь тот так и остался кривым. В общем, в войну его помотало: был он в Тбилиси и в Москве, вновь работал на авиационных заводах, освоил профессию строгальщика (продольная обработка металла). Потом поступил в сельскохозяйственный техникум в Коломне, был в колхозе участковым агрономом и решил посвятить себя агрокультуре.

Паулиты Лопес принесла в центр оригинал своего удостоверения беженца. Старики живут в своей памяти — и с этим ничего не поделаешь

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

Кончилось тем, что Франциско вернулся в Москву и поступил в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Я его спросил, как он умудрился поступить, окончив всего пять классов. Он сказал, что трудным экзаменом был только русский язык. С сочинением справились: попросился в туалет, сообщил товарищам тему сочинения... В общем, действовал стереотипно. А на русском устном преподаватель остался неумолим. Неумолим оказался и декан факультета:

- Сколько лет вы живете в России?
- Пятнадцать.
- Достаточно, чтобы выучить русский язык. Не приму... Понуры вышел Франциско от декана, а тут секретарша ему и говорит:
- Ты испанец?
- Да.
- Иди в Первый отдел. — Он пошел в Первый отдел с экзаменационными данными, там оказался какой-то мужик, который неожиданно его ободрил:

– Иди и с 1 сентября начинай учиться.

– А как же декан?

– А ты не волнуйся. С деканом мы решим сами. Без тебя.

Оказывается, Сталин приказал испанских детей принимать в вузы без конкурса.

В Тимирязевской академии Франциско встретил свою жену, Лилию, с которой прожил долгую и счастливую жизнь. В Испанию впервые попал в 1970 году: застал еще в живых братьев, сестер, отца и мать. Но желания остаться не возникло: Испания тогда казалась очень консервативной и бедной страной...

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

По пятницам бывшие испанские дети, а также их дети, внуки и друзья собираются в Испанском центре на Кузнецком Мосту: поговорить, выпить рюмочку-другую водки или чашечку доброго кофе, поиграть в карты, поговорить... Сейчас в их судьбе все определено, как бывает только по прошествии жизни, но были времена – начало 50-х – когда они как бы выросли из своих детских одежд, ролей, из своего довоенного прошлого. Как дальше жить? Где работать? Они оказались людьми без гражданства, без паспорта. А человек без

В Испанском центре бывает самая разная обстановка: здесь небольшая конференция...

паспорта в бывшем СССР стоил недорого. Один, Педро Рибера, в каком-то ящике пытался улететь в Аргентину в багажном отсеке самолета, а в результате только получил срок. Подросшие ребята 18–19 лет устраивались грузчиками, разнорабочими, связывались со всякой шпаной, начинали подворовывать – и тоже оказывались в лагере. Незадолго до смерти Сталина гражданство стали давать тем, кто обзавелся в Союзе семьей.

– У моего отца был уже сын, когда в 1954-м у него родилась двойня (в том числе и я), и ему дали гражданство, – говорит Елена Лаго, непревзойденный знаток различных испанских историй. – И тут же пришла повестка из военкомата – в армию. Он явился, ему объявляют: раз ты теперь советский гражданин, ты должен идти в армию. Он сказал: «Какая армия? У меня трое детей и трое стариков – на кого я их брошу? Вы, вообще, соображаете?» Они сказали, что это не имеет значения. – Ах, не имеет значения? – Папа был крут. – Тогда мне ваш паспорт не нужен! – И бросил его им в лицо. Развернулся и пошел. В результате только на двухмесячные сборы отправили его...

– А у меня вот что есть, – вступает в разговор Луис Гарсия Луке, протягивая мне листок, адресованный председателю Коминтерна Георгию Димитрову. В письме содержалось предложение узаконить положение испанского военного оркестра в Военном пехотном училище Саратова. В 1942 году капельмейстер училища тов. Гейзик Е.М. набрал три десятка способных испанских юношей из детдома №3, сформировал из них оркестр и выдал штатное обмундирование и паек, поскольку ребята пришли из детдома голодные и раздетые. Но это оказалось незаконным: как иностранцы, испанцы не имели права служить в Красной армии, получать форму и паек. Ситуация усугублялась тем, что близилось 1 Мая, и испанский оркестр должен был открывать военный парад. Но не в отрепьях же? Автор

...А здесь просто гости из Испании вместе с детьми забрели на чай

«ИСПАНСКАЯ СЦЕНА» АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Андрей Тарковский закончил снимать «Зеркало» в 1974 году. Осколки отражений прошлого собираются у него один к одному. Ничего нет случайного. И, значит, также не случаен и даже обязателен в карте сознания героя или даже героев коротко мелькнувший «испанский эпизод». Собственно говоря, менее трех минут экранного времени в двадцати эпизодах. Тут коррида. А вот бомбы летят. Человек рассказывает про корриду. Раздаются звуки болеро. Сероглазая девушка начинает танцевать болеро... Картины гражданской войны в Испании проходят в документальных кадрах, как сон, снова сыпятся бомбы, а под конец – толпы родителей на причалах, расстающихся с собственными детьми... Когда я посмотрел фильм в первый раз, в этой нарезке сюжетов собралась для меня вся Испания. Я ее долго такой себе и представлял: трагической и героической. Тарковский в этом коротком эпизоде размышляет о родине, о том, возможно ли обрести новую родину, – и видно, что его героев гложет отчаянная ностальгия по Испании. В 1974 году Франко еще был жив, в Испанию уезжали единицы. Да, собственно, все еще оставались здесь, на московских кухнях: вот, пожалуйста, Анхель Гутьеррес – уже прославившийся исполнением главной роли в фильме «Салют, Мария!» (1970) – рассказывает про корриду... И Дионисио здесь: молча чертит что-то в глубине мизансцены. Впрочем, Дионисио остался. А Гутьеррес потом уехал в Испанию и основал в Мадриде Театр имени Гоголя и ставит там Гоголя... И так связывает себя с Россией. Обретенная родина – она все равно родина, только одним она ближе, а другим совсем близко. Помните, как говорила та женщина, испанка, у Тарковского: мол, куда и зачем я поеду? У меня муж русский. Дети русские... В шестидесятые-семидесятые годы так думали еще все или почти все. Но некоторые продолжают так думать и сейчас. Вспоминаю слова Паулиты Лопес Гонсалес:

Франциско
Мансилья
все еще очень
молод душой

письма пытался воздействовать на чувства болгарского коммуниста: «...выделенные в отдельный оркестр... они направляются для обслуживания местных организаций, когда это нужно, и стали любимцами трудящихся города Саратова...» Испанский военный оркестр в Саратове действительно знали, но после всей этой переписки порядок восторжествовал, и ребята вскоре были выведены из состава вооруженных сил. Впрочем, жизнь Луиса Гарсия Луке и без того сложилась удачно. Вот только военный билет, полученный вместе с советским паспортом, у него уникальный. В графе «место службы» тактично написано: «не служил». Звание: рядовой. Не служил, но звание имеет. На каком основании? «В 1942–1946-м был воспитанником Саратовского военного училища... Но уже подступали новые времена, Луис Гарсия с легкостью сменил форму на штатское платье, с отличием окончил Гнесинское музыкальное училище, поступил по конкурсу в оркестр Большого театра, но, чтобы избежать слишком пристального внимания, связанного с его иностранным происхождением, перешел в Театр Станиславского и Немировича-Данченко... – А Маноло? Вы помните Маноло? – Маноло жив...

Разумеется, они помнят 13-летнего Маноло, которому сошедший с рельсов трамвай все в том же Саратове отрезал обе ноги. Чудом он выжил. Но найти новое место среди товарищей было нелегко: он работал сапожником, плел сетки в обмен на продукты и на нервной почве жевал все, что под руку подвернется. Он один потолстел за время войны! Толстяк Маноло! После переезда в Москву он похудел и взялся за учебу. В результате окончил Первый мединститут по специальности нейрорентгенолог. Работал в Институте нейрохирургии в Москве. Когда в 1966 году он впервые приехал в Испанию, оказалось, что там всего два специалиста такого профиля. Разумеется, никто не стал требовать от него подтверждения советского диплома: его, как специалиста, в буквальном смысле оторвали с руками. 1 марта 1966 года он приехал, «чтобы оглядеться», а 3-го – уже работал в крупнейшей мадридской клинике «Ла Пас». Так что Мануэль Арсе – по-детски Маноло – личность легендарная... К тому же в свое время он создал фонд «Ностальгия», целью которого было обеспечить испанцев, оставшихся в России, европейскими пенсиями. Теперь они их получают. И, разумеется, помнят друга Маноло.

– Родина – по-настоящему здесь. Ну как нас называют? Русские испанцы. И это правильно. Никто ведь не знает, что мы пережили. Война для всех была ужасом. А с нами еще хуже. Как же мы голодали! Русские девочки, которые работали с нами, могли к матери съездить. Я помню, меня девочка повезла к себе. В 45-м году, когда война кончилась. Она меня пожалела и взяла к себе в дом. На печку русскую... Подумала.

– Да, очень хороший народ... Помолчала.

Потом все-таки закончила:

– Другое дело, что ни вы, ни я ничего не в силах изменить...

Я понял так, что она, может быть, и не против была бы прожить жизнь в Испании, но не сложилось. Ее мать намеревалась снова выйти замуж, поэтому трех дочерей и сына она отправила, а одну оставила – ухаживать за будущими детьми. Сын и одна сестра умерли в 1944-м. Один – в Тбилиси, другая – в Саратове. Старшая сестра потом уехала на родину. А Паулиты не смогла. Она была в Испании, но так и не смогла приласкаться к матери. Так и не смогла раскрыться ей навстречу, лечь с ней рядом, как в детстве... Жизнь очеркнула.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

В «испанской сцене» символично еще и то, как грациозно и легко входит в нее Маргарита Терехова: входит буквально, в кадр, в события, в Испанию, в это болеро... Терехова к моменту съемок у Тарковского явственно грезилась Испанией. Начало было положено даже не в шестидесятые, а шестидесятыми как таковыми: железный занавес во время хрущевской оттепели хоть и не упал, но щелочку под ним промывало. И первое, что в нее потекло, – это тексты. Хемингуэй, Федерико Гарсиа Лорка, Сент-Экзюпери были переведены с разных языков одновременно, интерес к зарубежной литературе был повсеместным и страстным, писатели были культовыми персонажами, переводчики той поры – гениями. Испанские дети как раз к шестидесятым достигли творческой зрелости – им было где-то по 30, – они рвались в работу, в творчество, они были заразительны своей любовью к Испании. Лорка как поэт произвел на русскую публику ошеломляющее впечатление: от такого темперамента в

Дионисио Гарсия Сапико прожил в России яркую, почти богемную жизнь. Таким он был, таким ярким испанцем он увиделся кому-то в шестидесятые

поэзии, от такой оголенности нервов публика успела уже отвыкнуть...

1966 год был объявлен Годом Лорки, тогда же в серии «ЖЗЛ» вышла монография Льва Осповата «Гарсиа Лорка», а хореограф Виолетта Гонсалес (тоже «испанский ребенок») поставила в Театре «Ромэн» «Чудесную башмачницу» по Лорке, а в Театре Маяковского консультировала спектакль «Человек из Ламанчи». Однако одной из самых смелых и удачных попыток «раскрыть» Лорку перед зрителем был спектакль Бориса Щедрина «Театр Гарсиа Лорки». Маргарита Терехова тогда только-только окончила Школу-студию при Театре Моссовета и вдруг – хоть и совсем молодая актриса – загорелась во что бы то ни стало играть в этом спектакле. Роли были все уже расписаны. Однако надо оценить человеческую тонкость Щедрина: видя, что для молодой актрисы неучастие в спектакле смерти подобно, он придумал для Тереховой отдельную роль в Прологе к спектаклю, куда было введено длинное стихотворение Лорки «Как улитка отправилась путешествовать и кого она встретила в пути». Притчу о мечте вопреки смерти, мечте на грани смерти, мечте, ценой которой является смерть. Терехова справилась с ролью блестяще. Видимо, сказалось родство темпераментов, та «рана от соприкосновения с реальностью», о которой писал Лорка и которая, по словам знавших Маргариту Терехову, была характерна и для нее самой. Спектакль прошел на ура. На первом представлении было 70 процентов испанцев...

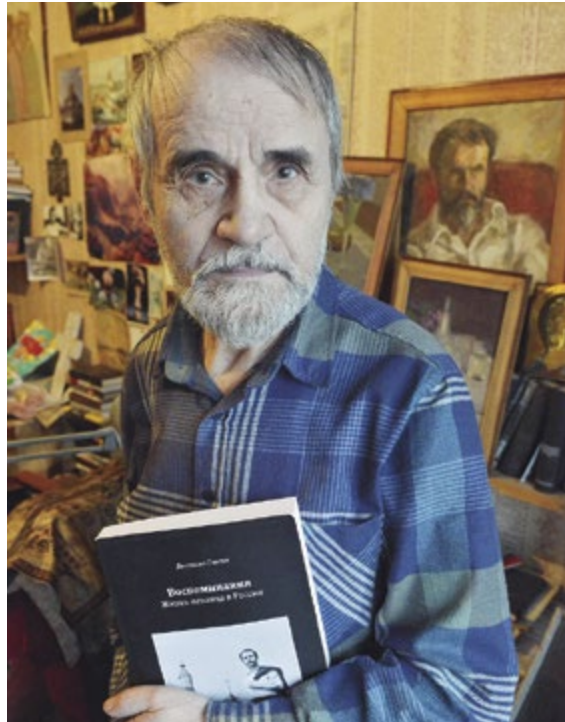
Испанская тема увлекла Маргариту Терехову. И хотя «Собака на сене» по Лопе де Вега (1977) навсегда останется в числе ее культовых ролей, такой бриллиант, как «испанская сцена» в «Зеркале» Тарковского, тоже не каждому актеру случается ограничить хотя бы раз в жизни...

ДИОНИСИО ГАРСИЯ САПИКО И МОНАДА ЛЕЙБНИЦА

Когда его решили определить в институт, он отказался принципиально. Он хотел стать художником и пошел в Московское художественно-ремесленное училище на каменотеса. Впоследствии Дионисио Гарсия был резчиком по камню, реставратором фресок и икон, иконописцем, живописцем и переводчиком. Но главное – он был настоящим гением общения. Кажется, знаком он был со всеми: и с отцом Александром Менем, и с писателем Василием Шукшиным, и с режиссером Андреем Тарковским, и с художником Ильей Глазуновым, скульптором Олегом Иконниковым, флейтистом Олегом Худяковым...

Через него знакомились, через него заражались Испанией и всем испанским музыканты, поэты. Он хорошо знал нерасторжимых одно время поэтов Ахмадулину–Евтушенко–Рождественского. И тут же – чуть сторонящегося застолий и «пиров», которые так любили Дионисио и его друзья, – Андрея Вознесенского.

– Самый душевный был, конечно, Роберт. При нем нельзя было сказать о человеке плохо. «Ну, перестань, – тут же реагировал он. – Он хороший парень».

В компании Роберта так и прозвали: «Хороший парень».

Я спросил Дионисио, почему его называют философом. Он достал из-под тумбочки небольшую книжку: «Мировоззрение. Идеи к человековедению». Во как! Под такой обложкой могло скрываться все, что угодно.

Я спросил, кого из философов он считает своим учителем.

Дионисио показал на небольшой портрет, срисованный из книги: Лейбниц.

А таков он теперь, с томом своих неизбежных и прекрасных воспоминаний. Важно, что он их записал

Вот, значит, как. Он не устоял перед монадой Лейбница, его пленила, как пленяет и меня, идея о родстве всего со всем, о том, что все вокруг – суть лишь проявление единого. Единого начала бытия.

Я спросил, как бы он суммировал смысл своего «человековедения».

– Если мы не станем жить осмысленнее и строже, мы погибнем...

Лейбниц оказался из библиотеки Александра Меня, с которым Дионисио познакомился, когда тот служил еще в Алабине, то есть в середине шестидесятых. Дионисио реставрировал там церковь. Со временем они очень коротко сошлись с отцом Александром, и тот даже стал пускать Дионисио на житье в гостевой домик, где была хорошая библиотека...

«Мировоззрение» Дионисио держало уже три издания, так что (а иначе – когда?), живя тогда в Алабине, Дионисио начал философских знаний на малую теодицею...

Мне захотелось рассказать ему про встречу в Испанском центре с поколением внуков испанских детей, Денисом Эррансом. Он хочет разрабатывать российско-испанские культурные связи, хотя еще не знает как. Вы с ним смотрите на вещи с противоположных сторон. Он – вперед, в будущее. Вы – назад, в прошлое, где осталась прожитая жизнь. И все равно, я думаю, он обрадовал бы вас, этот парень, исполненный надежд и светлой, молодой, ясной уверенности в том, что мы – Россия и Испания – нужны друг другу. Напоследок я поинтересовался, как оценивает Дионисио свой жизненный путь: считает его удачей или, напротив, провалом.

– Что ты... – медленно сказал он, будто неторопливо прозревая свои бесчисленные годы... – Ведь мой отец и мои братья там, в Испании, как были, так и остались шахтерами. Столько, сколько мне дал Советский Союз, мне не дала бы ни одна страна. Чудес не бывает...

El condor pasa

СКАЗОЧНИК СТРАНЫ СОВЕТОВ

АВТОР

ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ

ОТЕЦ – ИРЛАНДЕЦ, МАТЬ – ГРЕЧАНКА,
А ОН – ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКИЙ СКАЗОЧНИК.
ВПРОЧЕМ, МОГЛО ЛИ БЫТЬ ИНАЧЕ?
ВЕДЬ АЛЕКСАНДР РОУ СЧИТАЛ СЕБЯ РУССКИМ
ОТ МАКУШКИ ДО ПЯТ.

РОДИЛСЯ ОН В ГОРОД-
ке Юрьевец, что стоит на
высоком берегу Волги.

В то время город был
богатым и красивым. Его укра-
шали храмы и дома юрьевец-

кой знати: дворян, заводчи-
ков, купцов, разбогатевших
на хлебной торговле. Одним
из нуворишей был купец Се-
мен Катюшин, который в на-
чале XX века решил устроить

новую, механическую мельни-
цу. И вот, чтобы наладить му-
комольное производство по
последнему слову техники, Ка-
тюшин и выписал из Ирлан-
дии инженера Артура Говарда
Роу. Здесь, в Юрьевце, Артур
Роу встретил любовь всей сво-
ей жизни – Юлию Карагеор-
гий, гречанку по происхож-
дению. Артур ее звал Эйли
Кэраджордж. В марте 1906
года у Артура и Юлии родился
сын, которого окрестили Алек-
сандром.

НЕСКАЗОЧНОЕ ДЕТСТВО

Беззаботное детство закончи-
лось для Александра в 10 лет:
лишь началась Первая миро-
вая война, отец бросил семью
и уехал в Ирландию. Впрочем,
как уверял его племянник Дэ-
вид Нельсон Роу, приехавший
лет десять назад в Россию, Ар-
тур планировал забрать семью,
но не сложилось – помеша-
ли революция и Гражданская
война, а потом он и вовсе по-
терял жену с сыном из виду...
Об оставленной семье он жалел
всю жизнь, решив не обзаво-
диться новой. Он уехал из Ир-
ландии, долгое время работал в
США, затем переехал в Канаду,
где и умер в самом начале 50-х
годов XX века.

В 1915 году Юлия с Сашей пе-
реезжают к родственникам в
Сергиев Посад под Москвой.
Мама часто болела, и весь груз
семейных хлопот Саша взва-
лил на себя. Он был мальчи-
ком на побегушках у служеб-
ных Троицы-Сергиевой лавры,
мыл полы в огромном Успен-
ском соборе, пел в церковном
хоре, торговал на рынке спич-
ками и деревянными расческа-
ми, которыми его снабжали ре-
месленники-кустари. Пробовал
и сам вырезать разные подел-
ки из дерева. Позднее Роу вспо-

В. КОЗЛОВСКИЙ/НОВОСТИ

минал свои детские «коммерческие» дела с улыбкой и никогда не сетовал на то, что порой ему приходилось возвращаться домой голодным и без денег.

Окончив семилетнюю школу в Сергиевом Посаде, Саша по совету матери поступил учиться в промышленно-экономический техникум в Москве. Здесь он становится участником кружка художественной самодеятельности, затем переходит в театр «Синяя блуза», организованный при Московском институте журналистики режиссером Борисом Южаниным. И с тех пор уже ни о каком ином пути, кроме эстрадного, не помышляет. Но по совету Бориса Южанина он идет в только что открывшуюся киношколу Бориса Чайковского, где учится на режиссера. И тут следует новая встреча, которая определила всю будущую судьбу Роу, – Саша становится ассистентом самого Якова Протазанова, легенды российского кино, одного из первых режиссеров страны. Как вспоминал сценарист Владимир Швейцер, в процессе съемок Роу обычно стоял позади режиссерского кресла и держал в руках связку тросточек. Иногда Протазанов вскакивал с кресла и гневно ломал трость, отбрасывая ее от себя. Это значило: съемки не ладятся. И в этот момент Роу вручал начальнику новую тросточку, моментально умиротворяя его гнев...

Помимо заботы о тросточках на плечах Роу лежала и вся организация съемочного процесса на студии «Межрабпомфильм». И казалось, для него не было ничего невозможного: он все умел достать, сделать, приготовить, мог со всеми договориться и уладить любые сложности. Он мог быстро организовать массовку, мог уговорить крайне занятого актера прийти на съемку.

В свою очередь, Протазанов стал блестящим учителем Роу, подсказывая ему основные приемы режиссуры и работы с актерами.

Георгий Милляр
в роли Кашея
и Галина
Григорьева
в роли
Марьи Моревны
в фильме
«Кашей
Бессмертный»

РОУ И ЕГО КОМАНДА

По совету Протазанова Роу поступает учиться в Драматический техникум имени М.Н. Ермоловой, где вокруг него образовался кружок друзей и единомышленников, мечтающих о создании «советского Голливуда» – огромной киностудии, где можно было бы снимать не только идеологическое кино, но и веселые или страшные сказки. В кружок Роу вошли все его будущие верные соратники – прежде всего актер Георгий Милляр, будущая «заслуженная Баба Яга Советского Союза». Верным другом стал актер и сценарист Лев Потемкин – участник многих его киносказок. Оператор Леонид Акимов вспоминал: «У него был свой постоянный набор актеров, среди которых он старался распределить основных персонажей, а вот к новичкам Роу относился довольно подозрительно...»

Конечно, мечты мечтами, но партия диктовала «важнейшее из всех искусств» свои зако-

ны. Накануне 20-летия революции было востребовано только идеологическое кино. Михаил Ромм снимает эпопею «Ленин в Октябре» – главный советский блокбастер 1937 года. Сергей Юткевич делает «Шахтеров» – политический триллер о борьбе с троцкистами на шахтах Донбасса. Специально для подростков выпускается переделанная классика – «Новый Гулливер» Александра Птушко и «Остров сокровищ» Владимира Вайнштока. С героями Свифта и Стивенсона обошлись по всем законам революционного времени: в Лилипутии Гулливер устраивает революцию, а пиратское золото, которое ищут английские моряки, идет на покупку оружия для восставшего пролетариата. И вот, на пороге «Межрабпомфильма» (вернее, его филиала – «Союздетфильма») возникает огромный и упитанный Роу со сценарием абсолютно неполитической детской сказки «По щучьему веленью», который написала декадентка Елизавета

Тараховская. В середине 30-х Тараховская, как и многие бывшие авангардисты с формалистами, не вписавшись в каноны «социалистического реализма», оказалась на грани нищеты. Она перебивалась случайными заработками, сочиняя детские «фольклорные» пьесы для Театра кукол Образцова, соединяя самые разные фольклорные сюжеты из сборника русских сказок Афанасьева – именно таким образом она и придумала историю про Емелю, волшебную щуку и царевну Несмеяну. Но Роу увидел в ее пьесе свой шанс на творческую свободу, возможность снимать кино без идеологического давления. «В сказке никакие истины нельзя давать в виде нравоучений – этого дети не любят, – писал Роу. – Мораль в фильме глубоко спрятана в обилии приключений, неожиданностей, а иногда и просто в смешных ситуациях. Кино – искусство чрезвычайно эмоциональное, и наша задача – взволновать юного зрителя судьбой героев, заставить его кого-то полюбить, а кого-то возненавидеть...».

Утвердить подобный сценарий в 1937 году казалось делом абсолютно безнадежным, но не зря у Роу на студии была репутация волшебника. Он знал, на какие кнопки надо нажать, и через несколько месяцев хождений по кабинетам получил добро на начало съемок. Роу вспоминал: «Времени нам дали в обрез. Но работа над сценарием шла с увлечением, легко, со смехом и, главное, быстро, что в конечном итоге и решило успех картины...» Не обошлось и без «мудрых» чиновничьих указаний, когда один ответственный работник настоятельно посоветовал сократить – в полтора раза! – метраж фильма. Но тут на помощь пришел Яков Протазанов, поделившийся советом: «А ты, Саша, не огорчайся, сократи сценарий до требуемого, а когда начнешь снимать – делай так, как ты задумал, – победителей ведь не судят...»

Александр Хвыля (слева) в роли головы в фильме «Майская ночь, или Утопленница»

Эмма Цесарская в роли свояченицы и Александр Хвыля (справа) в роли головы в фильме «Майская ночь, или Утопленница»

МАСТЕР СПЕЦЭФФЕКТА

Протазанов оказался прав. Фильм, снятый в рекордно короткие сроки, ждал феноменальный успех.

Роу стал не просто первым сказочником в отечественном кинематографе, он стал и пионером по части спецэффектов. Самодвижущаяся печь, идущие сами ведра с водой, складывающиеся дрова, говорящая щука – все это в те годы смотрелось как настоящее чудо. Интересно, что многие коллеги-режиссеры советовали Роу для показа волшебства использовать рисованную анимацию, но режиссер был неумолим. Ведь сказка как раз и состоит в том, что самые невозможные, казалось бы, чудеса начинают происходить в повседневной жизни.

Роу сам изобретал методы комбинированной съемки. По его заказу московские конструкторы собрали настоящую самодвижущуюся печь, для управления которой внутри было предусмотрено место водителя и устроена специальная камера для пиротехники – ведь печь должна была пускать клубы дыма и пара. И вот однажды киношники так увлеклись съемками очередного эпизода, что не заметили, как от жара пиротехники загорелась матерчатая обшивка печи. Задымилась и одежда на «водителе» – управлял печью рабочий по имени Яша, которого с тех пор так и прозвали – Яша-Печка. Еще один «сказочный» спецэффект пришлось придумать вынужденно. Большая часть съемок фильма проходила в деревне Чёлсма под Костромой. Время шло быстро, и Роу понял, что не успевает снять все зимние эпизоды. И тогда он изменил сценарий, добавив в «шучье слово» новую сцену: «Обернись, зима лютая, летом красным». В итоге картина обогатилась новым трюком – моментальным переходом зимы в лето, из-за чего многие зрители потом допытывались у Роу, как же это вообще возможно снять.

КАК ИЗОБРЕСТИ ГОРЫНЫЧА

Успех первого фильма позволил Роу без проволочек приступить к съемкам второй картины – «Василиса Прекрасная». И снова любовная линия была отодвинута на второй план спецэффектами – во время премьеры фильма зрители, открыв от изумления рты, смотрели на чудовищного Змея Горыныча, изрыгающего из огромных зубастых голов натуральный огонь и дым. Чудовищный ящер тоже был изобретением Роу. Александр Артурович обратился за помощью к знакомым мастерам из мастерских игрушек в Загорске, где и изготовили макет Змея в натуральную величину – 11 метров длиной и 5 метров высотой. Управлял этим страшилищем экипаж из двадцати человек – одни рабочие шевелили хвостом, другие размахивали крыльями и головами, третьи отвечали за дым и огненные искры. Даже на фоне заокееанского Кинг-Конга советский Змей Горыныч внушал ужас и трепет.

Не меньше Горыныча зрителей поразил и огромный говорящий паук со светящимися глазами, поймавший Ивана в паутину. Это членистоногое пленило воображение и голливудских режиссеров – сцену битвы Ивана с пауком практически один в один пересняли для американской картины «Багдадский вор» 1940 года, которая получила «Оскара». Фильм Роу вдохновил и британского писателя Джона Толкина, писавшего в те годы трилогию «Властелин колец» – в его книге отважный Фродо и Сэм также сражаются с огромным говорящим пауком. Учился на фильмах Роу и режиссер Стивен Спилберг, который не раз признавался в интервью в любви к его киносказкам: «Это настоящее самостоятельное культурное явление, которое никому еще повторить не удалось!»

Но главной находкой Роу стал образ Бабы Яги, блестяще сыгранный Георгием Милляром. Все дети Советского Союза тог-

Кадр из фильма
«Драгоценный
подарок»

да повторяли ее «фирменные» реплики: «Чую, русским духом пахнет!» «Я сыграл ее с прицелом на страшноту, – рассказывал в одном из интервью Георгий Францевич. – Этот образ я целиком списал со старой гречанки, которая жила в доме напротив. У нее были сальные седые патлы и нос крючком. Но, увидев меня в гриме во дворе Ялтинской студии, дети с плачем разбежались. Когда я понял, что, видя меня на экране, дети плачут, то подумал: зачем же я их так пугаю? Чтобы они зла боялись и в слезы от него ударялись? И уже стал делать Бабу Ягу более смешной и веселой...». Милляр стал настоящим гвоздем сказок Роу: он сыграл почти во всех фильмах режиссера. В некоторых – одновременно по две-три роли. Например, в «Василисе Прекрасной» он сыграл еще и гусяра, и старика-отца. Кстати, этот фильм мог бы стать для актера последним. Некоторые сцены снимались летом в очень жарком павильоне,

и Милляру пришлось 25 дублей подряд скатываться по раскаленному от света софитов желобу из печки. В итоге с ожогами, тепловым ударом и сердечным приступом Милляра доставили в больницу. Много лет спустя Георгий Францевич с улыбкой вспоминал: «Мне всегда нравился реалистический подход Александра Артуровича к сказке, это делает сказку серьезным делом».

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Фильм «Василиса Прекрасная» стал знаковым для Александра Роу еще по одной причине. В роли безобразной купеческой дочери Маланьи он снял актрису Ирину Зарубину, в которую влюбился до безпамятства. Уже тогда она была настоящей звездой: играла роль Варвары в «Грозе» по Островскому, блестяще исполнила роль сожительницы царевича Алексея в фильме Владимира Петрова «Петр Первый». После премьеры фильма Роу сделал Ирине предложение.

Кадр из фильма
«Драгоценный
подарок». Актеры Вера Орлова, Михаил Кузнецов и Мария Миронова (слева направо)

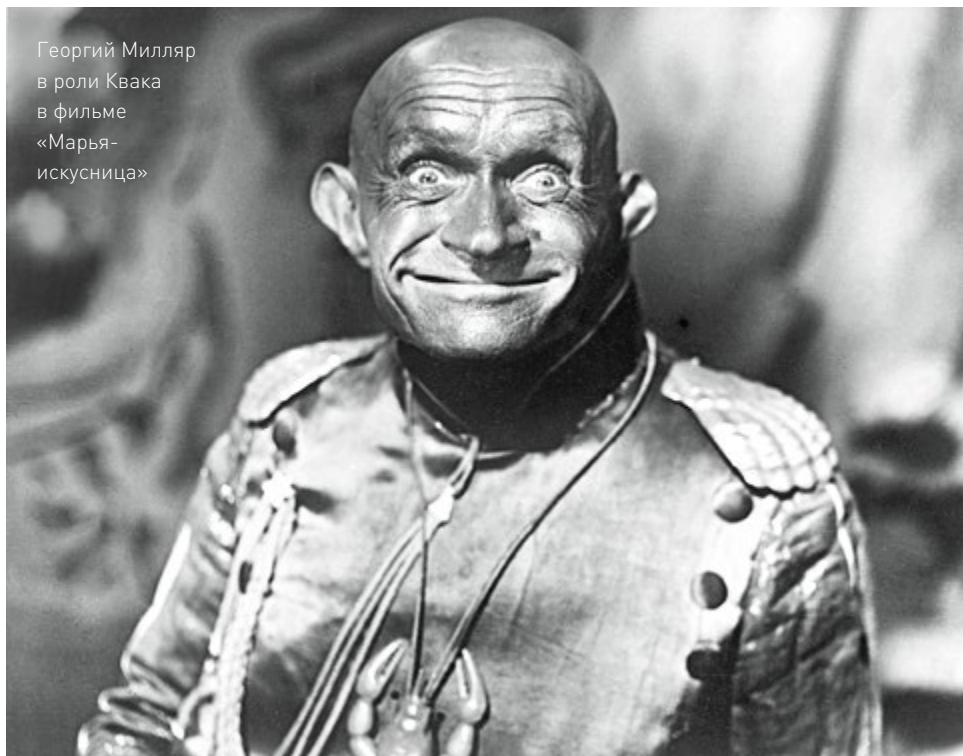
Вскоре они поженились, в 1940 году у молодоженов родилась дочь Татьяна.

Но, к сожалению, семейная жизнь не сложилась. Ирине предложили роль в ленинградском Театре комедии, которым тогда руководил легендарный режиссер Николай Акимов. Она согласилась, хотя Александр звал ее уехать в Москву. И не только в Москву, ведь большую часть времени он пропадал на съемках в самых разных концах страны – от Ялты до Кольского полуострова. Ирина же не была готова оставить свою театральную карьеру. Поначалу супруги попытались жить на два города, но окончательно их развела война. Зарубина вместе с коллективом Театра комедии осталась в блокадном Ленинграде, а Роу с сотрудниками «Союздетфильма» эвакуировали в Сталинабад.

С тех пор Роу вообще не любил кому бы то ни было рассказывать о своей личной жизни. Известно лишь, что после войны он женился на актрисе Московского театра оперетты Елене Савицкой, с которой познакомился на съемках фильма Протазанова. Для Савицкой это был уже третий брак. Но и эти отношения были недолгими. Роу зарекся поддерживать серьезные отношения с актрисами.

Позже он женился на женщине, которая полностью посвятила себя ему, – Елене Георгиевне Роу. Актеры вспоминали, что на съемках она ухаживала за супругом как за ребенком. Чета Роу радушно принимала у себя дома актеров, которые снимались в его фильмах. Похоже, они и были его главной и настоящей семьей. И в эту семью посторонних людей Роу не допускал. Он очень не любил интервью – во всем киноархиве найдется не более двух-трех пленок с записью его бесед с журналистами. Зато обожал проводить встречи со зрителями в пионерских лагерях и в кинотеатре «Космос» – это был подшефный кинотеатр Киностудии Горького в Москве.

Георгий Милляр
в роли Квака
в фильме
«Марья-
искусница»

РИА НОВОСТИ

Михаил
Кузнецов в роли
отставного
солдата и Витя
Перевалов
в роли Ивана
в фильме
«Марья-
искусница»

РИА НОВОСТИ

КАЩЕЙ ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Всю Великую Отечественную войну Александр Роу провел за киноаппаратом: сначала он срочно доделывал фильм «Конек-Горбунок» по мотивам сказки Ершова, потом попросился добровольцем на фронт – снимать военную кинохронику. На фронт его не пустили, но

доверили снимать «Боевой киносборник» – художественные киноновеллы для поднятия настроения у бойцов. Одновременно Роу писал сценарий для сказки «Кашей Бессмертный». Сценарист Владимир Швейцер вспоминал, что съемки фильма были взяты на особый контроль – стране важно было показать, что даже в годы войны в Советском Союзе могут снимать кино для детей. Да и для взрослых идея победы над непобедимым монстром была важна – раз Кашей победим, то победим и Гитлер! Параллели угадывали сами зрители – недаром Кашей в исполнении Георгия Милляра приобрел черты пародийного немецкого рыцаря из киноэпопеи «Нибелунги», экранизированной в 1924 году Фрицем Лангом. Собственно, в Наркомпросе и требовали снять пародию на арийский «культ рыцарства», но режиссер пошел гораздо дальше. Он создал волшебную сказку для взрослых, где есть и любовь, и добро, где силу побеждают преданность и дружба русского богатыря Никиты Кожемяки и восточного богатыря Булата Балагура. Роль

Эдуард Изотов
в роли Ивана
и Наталья
Седых в роли
Настеньки
в фильме
«Морозко»

Никиты Кожемяки играл Сергей Столяров, само появление которого в этой картине много значило – он был романтическим киногероем предвоенного времени.

«Съемки шли в глубокой алтайской тайге, где папоротник был по грудь коню, а травы в рост человека, – писал Роу. – Надо было построить в 60 километрах от Барнаула деревянный город. Лес рубим сами, помогают колхозницы, возят бревна на коровах. Бабы на Алтае любят кино!»

Премьера фильма на большом экране состоялась в барнаульском кинотеатре «Родина» в День Победы, 9 мая 1945 года. И первыми фильм увидели бар-

наульские колхозники, помогавшие во время съемок. Следом состоялась мировая премьера на первом послевоенном Международном фестивале в Риме – картина была показана вне конкурса. «Вот поистине чудесный фильм, чудесный и интересный с чисто кинематографической точки зрения, – писала итальянская газета «Оссерваторе Романо» в октябре 1945 года. – Он напоминает поэтические сказки Пушкина. С технической стороны – это исключительно зрелищное кино...».

Но, несмотря на триумф «Кощей Бессмертный», именно в эти годы в творческой судьбе Александра Роу наступил самый трудный период.

Кадр из фильма
«Морозко»

ИСПЫТАНИЕ «БЕСКАРТИНЬЕМ»

После войны стране приходилось экономить буквально на всем – в том числе и на съемках кино. «Министерство кино ведет неправильную политику в производстве фильмов, – заявил Сталин на одном из заседаний Политбюро. – Все рвется производить больше картин. <...> Расходы большие. <...> Это – неправильная политика. Надо делать в год четыре-пять художественных фильмов, но хороших, замечательных. А к ним плюс несколько хроникальных и научно-популярных...». Сталинская идея была простой: советские киностудии сажались на голодный паек, в прокат пускались трофейные немецкие и американские фильмы – в итоге советское государство получало миллиарды рублей прибыли без каких-либо вложений. Правда, подобная схема работала всего несколько лет – до тех пор, пока не закончились трофейные киноленты, а потом выяснилось, что ставить в прокат нечего. Советские студии дышали на ладан. В историю советского кино эти послевоенные годы вошли как время «бескартинья».

Самый болезненный удар пришелся по развлекательному и детскому кино. В 1946 году Политбюро приняло документ «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропработой», где в разделе, посвященном кинематографу, говорилось: «За последнее время произошло снижение идейного, художественного и технического уровня выпускаемых кинофильмов, создано мало картин, отображающих жизнь советского народа, некоторые режиссеры отходят от современной тематики в далекое прошлое, увлекаются постановкой безыдейных картин...» Был запрещен показ второй серии «Ивана Грозного» Эйзенштейна и картины «Адмирал Нахимов» Пудовкина,

на полку легло несколько десятков фильмов, находившихся в производстве. Среди них – и новый фильм Александра Артуровича, «Царь Водокрут» по пьесе Евгения Шварца.

Студия «Союздетфильм» и вообще оказалась под угрозой закрытия. Ее спас известный режиссер Марк Донской, обратившийся напрямую к Ворошилову – красный маршал в те годы курировал кинематографию в Политбюро. В итоге Ворошилов сохранил «Союздетфильм», приказав переименовать в Киностудию имени М. Горького, но вот все находившиеся в производстве фильмы он зарубил одним махом.

Оставшись без работы, Роу сначала попытался уйти в документальное кино. Его первый опыт – короткометражка о пионерском лагере «Артек». Затем Роу направили развивать советское стереоскопическое кино. Технологию создания объемного кино, получившую название «Сtereo 35-19», еще в годы войны придумал инженер Сергей Иванов. Сталин загорелся этой идеей и приказал создать несколько стереоскопических фильмов. Приказ вождя был выполнен в кратчайшие сроки: по новой технологии было снято несколько документальных фильмов (Александр Роу снял стереофильм «День чудесных впечатлений»), правда, показывать их было негде – строительство стереокинотеатра в Москве постоянно переносилось.

В 1950 году новый удар судьбы: в Загорске (бывшем Сергиевом Посаде) умирает мать режиссера Юлия Карагеоргий, следом приходит известие о смерти в Канаде его отца. По линии МИДа Александра Артуровича находят канадские адвокаты, которые передают ему наследство – несколько сотен долларов. Этих денег, как сам Роу рассказывал друзьям, хватило на покупку лишь двух предметов, о которых он мечтал все последние годы, – нового костюма и фотоаппарата.

Инна Чурикова
в роли
Марфушки
в фильме
«Морозко»

ПЕРВЫЙ ЦВЕТНОЙ

К началу 50-х руководство страны прозрело: политика «бескартинья» привела советское кино в тупик. Документы тех лет свидетельствуют о колоссальном провале Госплана по сборам от проката. Александр Роу возвращается из «документальной»

ссылки на студию. К марту 1952 года – к 100-летию смерти Николая Гоголя – ему поручили снять что-нибудь «этакого» по произведениям писателя. Он берется за сценарий киноленты «Майская ночь, или Утопленница».

Это был первый цветной фильм Александра Роу, снятый на новой советской цветной пленке «ДС-2» – вернее, на немецкой Agfa, которую на трофейном немецком оборудовании стали делать на советской фабрике «Свема». Правда, цветной пленки было мало, и распределялась она в соответствии с неписаной «табелью о рангах». Первым цветную пленку получил сталинский любимец Александр Птушко, снявший сказку «Каменный цветок», которая принесла ему приз Каннского кинофестиваля и Сталинскую премию. Дальше в списке шел Игорь Савченко, лауреат трех Сталинских премий и приятель Клина Ворошилова, за ним – режиссеры сталинского «большого стиля» (Чиаурели, Пырьев, Пудовкин и другие). Александра Роу в этой «табели» вообще не было, но имя Гоголя пробило все бюрократические преграды – Александр Артуро-

Александр Хвыля
в заглавной
роли в фильме
«Морозко»

ЕНГАЛЬЧЕВ/РИА НОВОСТИ

искусница» по мотивам пьесы Евгения Шварца. Затем были фильм-балет «Хрустальный башмачок» – экранизация балета Сергея Прокофьева «Золушка», «Вечера на хуторе близ Диканьки». Роу словно мучительно искал киноязык новой эпохи 60-х, обращаясь то к народному юмору Гоголя, то «осовременивая» классические сюжеты.

В поисках сюжета он обходит всех друзей и знакомых, и тут кто-то дает ему почитать повесть «Королевство кривых зеркал» Виталия Губарева, работавшего долгое время главным редактором «Пионерской правды». Губарев в повести «перевоспитывает» сказочную страну – Зазеркалье, где власть захватили какие-то рептилоиды-оборотни, которые с помощью кривых зеркал одурманивали и искажали человеческое сознание. Автор отправил на помощь зазеркальным революционерам сразу двух пионеров: третьеклассницу Олю и ее зеркального «двойника» Яло. Роу ухватился за эту повесть, понимая, что нашел настоящую жемчужину. Премьера фильма была настоящим триумфом, зрители и не догадывались, что картину едва не отправили в Спецхран. Партийным контролерам не понравилось, что режиссер пригласил на роли отрицательных персонажей самых колоритных актеров. Из-за этого, негодовали чиновники, силы зла в этом фильме выглядят более привлекательно, чем силы добра! В итоге фильм все-таки выпустили на экраны, но Роу это стоило строгого выговора по партийной линии.

«Злодейское обаяние» советских рептилоидов оценили и в Голливуде, где Лидию Вертинскую в роли Анидаг в обтягивающем трико из черной кожи с серебряными вставками признали настоящей иконой стиля. Через несколько лет американский режиссер Лесли Мартинсон, решивший впервые экранизировать комиксы про Бэтмена, заимствовал этот образ – и не случайно, что в его фильме главная злодейка выдавала себя за советскую журналистку.

вич получил пленку без очереди и в полном объеме.

Разумеется, это не осталось без последствий – сразу же после выхода «Майской ночи» на «высочку» набросились критики. «Зрители больше говорили об удачном использовании стереоэффекта, чем о существе экранизации, – писал журнал «Советский экран». – Но подчеркнутая «красивость» отдельных эпизодов фильма, некоторое ощущение «оперности» вызвали справедливую критику. <...> Диалог персонажей Гоголя на экране прозвучал слишком выспренно. Экранизация такого сложного, во многом условного литературного произведения требовала от автора, чтобы тот учел и специфику кинематографа, и отсутствие у современного зрителя любви к сентиментальным сюжетам...».

Режиссер бросает Киностудию Горького и уезжает в Армению – на Ереванскую киностудию, где жить и дышать намного свободней, чем в метрополии. Здесь Александр Артурович снимает приключенческий фильм для детей «Тайна горного озера».

РЕПТИЛОИДЫ ДЛЯ ПОЛИТБЮРО

В марте 1953 года умирает Сталин, и страна начинает понемногу «оттаивать». Меняется руководство агитпропа и Министерства кинематографии. В 1955 году Александр Роу возвращается в Москву и снимает комедию «Драгоценный подарок» – водевиль о рыбалке, любви и супружеских изменах на лоне природы. Затем Роу выпускает «Новые похождения Кота в сапогах», через год приступает к съемкам фильма «Марья-

Георгий Милляр
в роли Кощея
Бессмертного
в фильме «Огонь,
вода и... медные
трубы»

**МОРОЗКО ВСЕСОЮЗНОГО
ЗНАЧЕНИЯ**

В творчестве каждого режиссера есть фильмы, которые являются главными. Для Роу лучшим стал снятый им в 1964 году фильм «Морозко», который разошелся на десятки крылатых фраз и выражений. Кто не знает знаменитое: «Тепло ли тебе, девица?»

Успех этого фильма предопределили несколько факторов. Во-первых, сценарий, написанный культовым в 30-е годы советским драматургом Николаем Эрдманом – автором пьесы «Мандат» и музыкальных комедий «Веселые ребята» и «Волга-Волга». Узнав, что Эрдман, вернувшись в Москву из ссылки, нищенствует, Роу заказал ему сценарий сказки – абсолютно неполитической. В соавторы Эрдман взял своего давнего друга Михаила Вольпина – вчерашнего политзаключенного и лауреата Сталинской премии по литературе. Во-вторых, удачным оказался и подбор актеров. Так, в роли Морозко снялся Александр Хвыля, который долгие годы был Всесоюзным Дедом Морозом и ведущим Кремлевских елок для детворы. Впрочем, этот фильм сделали вовсе не ветераны сцены, а молодые и никому не известные люди. Например, Наталью Седых, исполнительницу роли Настеньки, Роу увидел по телевизору. «Я занималась фигурным катанием и училась в балетной школе, и однажды меня пригласили выступить на каком-то новогоднем празднике на стадионе – у меня был такой красивый номер «Умиряющий лебедь», – рассказывает актриса. – И меня по телевизору увидел Александр Артурович. И конечно, когда мне позвонили со студии, у меня был настоящий шок – да, я, как и все маленькие девочки, мечтала сниматься в кино, но я никогда не думала, что это произойдет на самом деле. Я приехала на студию с мамой – все-таки мне было 15 лет. Александр Артурович провел меня в гримерную и сказал: «Сделайте с ней что-

ЕНГАЛЬЦЕВ/РИА НОВОСТИ

Кадр из фильма
«Огонь, вода и...
медные трубы»

нибудь, чтобы она выглядела хотя бы лет на 16»...

Но самой яркой режиссерской находкой стала Инна Чурикова, сыгравшая в фильме роль Марфушки – злой мачехиной дочки. «Сказка мне безумно нравилась, сценарий нравился, – рассказывала годы спустя Инна Михайловна. – Мне нравился Александр Артурович... я с удовольствием делала все, что он просил. Я даже в болоте у него

тонула с восторгом и на снегу сидела...».

Самое большое внимание Александр Артурович уделял комбинированным съемкам. Например, настоящим мучением было снять зимний лес в июне. Больше месяца Роу караулил иней, заставляя затемно вставать всю съемочную группу – иначе ветер иней снесет. Многие сцены ради эффектных кадров были сняты задом наперед – тогда этот прием монтажа пленки в обратном направлении был еще в диковинку.

Фильм «Морозко» принес Роу в 1965 году главный приз «Лев Святого Марка» на XVII Международном кинофестивале в Венеции в программе детских и юношеских фильмов, а в 1968 году Александру Роу было присвоено звание народного артиста РСФСР. На волне успеха Роу снял сказку «Огонь, вода и... медные трубы», сценарий для которой написали Эрдман с Вольпиным.

Павел Павленко
в роли водяного
в фильме «Огонь,
вода и... медные
трубы»

ЕНГАЛЬЦЕВ/РИА НОВОСТИ

АФРИКА СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ

1960 год стал годом Африки – только за это время на Черном континенте образовалось 17 независимых государств. Дальше – больше, и каждый год в 60-е мир узнавал о переменах в бывших европейских колониях. Обретение независимости шло бурно, тут и там вспыхивали войны – и, конечно, все эти перемены никак не могли обойтись без активного участия СССР. И Роу поручили заняться Африкой: дескать, кто же еще сможет завязать культурные контакты со странами народной демократии, как не всемирно известный режиссер? Так Роу, всю жизнь избегавший политики, совершенно неожиданно для себя становится членом правления Советско-Африканского общества дружбы. Более того, общественная «нагрузка» удивительным образом превращается в его любимое увлечение. В составе официальных делегаций он объехал практически все страны Африки. И назвал заметки о своих путешествиях – «По странам 1001 ночи», в них он описывает и великолепные двор-

цы, и шумные рынки, и нищие окраины.

Бывали и курьезные случаи. В одной из стран, познакомившись с ним и посмотрев его фильмы, в Александра Артуровича влюбилась юная африканская принцесса. На приеме она передала через посла, что хочет выйти за него замуж. Ошеломленный Роу сообщил ей, что женат и не так уж молод, но она ответила, что на ее родине можно иметь несколько жен, а возраст не имеет значения...

Когда Роу был уже болен и жена убеждала его, что здоровье не позволяет ему так активно путешествовать, он ответил: «Ради того, чтобы увидеть то, что я видел, не страшно и умереть».

ВАРВАРА, ФИНИСТ И ДРУГИЕ

Африканские мотивы и впечатления Роу попали и в его новый фильм, «Варвара-краса, длинная коса», вышедший на экраны в 1969 году. Главный злодей Чудо-Юдо напоминает кривоногого африканского царька-диктатора средней руки. Его подручные – пираты Карибского моря, которых в России никогда не видывали.

Раиса Рязанова
в роли Евдокии
и Георгий
Милляр в роли
Бабы Яги
в фильме
«Золотые рога»

Изменился и внутренний настрой сказки. Как писали рецензенты, в новом фильме Роу сделал ставку не на лихо закрученный сюжет, а на юмор и анекдотичность ситуаций. Исчезла и главная интрига сказки – опасность, а вместо нее появилось противопоставленное детскому кино «сюсюканье» со зрителем. Еще меньше зрительских сборов принес фильм 1972 года «Золотые рога» – последняя режиссерская работа мастера... Возможно, и сам Роу чувствовал, что у него появились крепкие конкуренты в детском кино. Все советские подростки в те годы засматривались немецкими фильмами про индейцев, где роль отважного Чингачгука исполнил красавец Гойко Митич. Появились и сказки из стран соцлагеря – к примеру, «Три орешка для Золушки» с красавицей Либуше Шафранковой. Не отставали и советские коллеги – Александр Птушко снял «Руслана и Людмилу», Анатолий Граник – «Двенадцать месяцев»...

Возможно, Александр Артурович и сам чувствовал, что сдает позиции. И он стал готовиться к тому, чтобы снять нечто совершенно новое. Новый приключенческий фильм с совершенно новым народным героем! Он садится за сценарий по пьесе Николая Шестакова «Финист – Ясный Сокол». Но, увы, Александр Артурович так и не успел воплотить свои замыслы: 28 декабря 1973 года на 67-м году жизни он скончался в Москве. Уже после его смерти «Финиста» снял ученик Роу Геннадий Васильев – по наброскам, оставленным мастером. Фильм был с восторгом принят советским зрителем и собрал в прокате рекордную сумму, а на Международном кинофестивале в Хихоне (Испания) «Финист» получил специальный приз.

...Остались записки Александра Роу, свидетельствующие о том, что еще он мечтал поставить киносказку по сценарию Андрея Платонова «Добрый Тит», присматривался к новому киножанру – мюзиклу. Но не успел... ■

Надежда
Васильевна
Плевицкая
(1884–1940)

Реклама граммофонов
новейших типов
Юлия Генриха Циммермана

«ЗОЛУШКИ» НА ЭСТРАДЕ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ЭПОХА РОССИЙСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА СТАЛА ВРЕМЕНЕМ РОЖДЕНИЯ НОВЫХ КУМИРОВ. ТОМУ НЕМАЛО СПОСОБСТВОВАЛИ НОВЕЙШИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХ ЛЕТ – КИНЕМАТОГРАФ И ГРАММОФОН. ЗНАМЕНИТЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ТЕПЕРЬ МОЖНО БЫЛО УВИДЕТЬ НА ЭКРАНЕ СИНЕМАТОГРАФА В ЛЮБОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ ИЛИ УСЛЫШАТЬ НА ГРАММОФОННОЙ ПЛАСТИНКЕ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА.

ЭТО БЫЛА РЕВОЛЮЦИЯ в восприятии зрелищ. Она же породила звезд, купающихся в лучах славы и всеобщего обожания. В концертной эстраде рубежа XIX – начала XX века особо выделялись три исполнительницы: Анастасия Вяльцева, Варя Панина и Надежда Плевицкая.

НЕСРАВНЕННАЯ ВЯЛЬЦЕВА

Иначе как «несравненной» на афишах и в газетах ее не называли. Первый же сольный концерт Вяльцевой, состоявшийся в московском театре «Эрмитаж» в 1897 году, вызвал восторг публики. С 1902 года начались традиционные концертные турне певицы по России.

В биографии Анастасии Дмитриевны Вяльцевой, родившейся в 1871 году на Орловщине, немало таинственного. Ее мать, Мария Тихоновна, была крестьянкой слободы Алтухово Орловской губернии (ныне – Брянская область) и, как писали современники, прислуживала прачкой в усадьбе местного помещика. Об отце точных сведений нет. Известно, что мать Вяльцевой позже была замужем за односельчанином, но довольно скоро овдовела.

В жизнеописании Вяльцевой, опубликованном в журнале «Искры» в 1913 году, говорилось: «Родившись в крестьянской семье в глухой деревушке Трубчевского уезда Орловской губернии, вступив в жизнь девяти лет девочкой на побегушках в швейной мастерской, перейдя

оттуда в горничные одной из киевских гостиниц, А.Д. Вьяльцева сумела из этой жизни, полной черного труда и лишений, из этой безвестности, найти себе дорогу к блестящей и сказочной карьере».

В начале артистической карьеры Настя была статисткой в балетной труппе, потом стала брать уроки пения. Позже поступила в оперетту, там ее заметил адвокат и казначей петербургского Литературно-артистического кружка Николай Холева, устроивший музыкальный салон в своем доме. Холева, который был старше Вьяльцевой на четырнадцать лет, был влюблен в молодую певицу (был ли у них роман – неизвестно. – **Прим. авт.**) и составил ей протекцию. Он оплатил уроки пения и ввел Вьяльцеву в высший свет столицы. Кстати, ей посчастливилось обучаться вокалу не только в Петербурге, но и в Италии, где, согласно неподтвержденным данным, она провела почти год.

Вьяльцева поражала своей изысканной красотой – большими, широко посаженными глазами, точеным профилем, матовой бледной кожей. Ее улыбку считали завораживающей. Поклонников у нее было много, но замуж она вышла лишь в 33 года – за офицера Василия Бискупского, вскоре ставшего ее импресарио.

Анастасия Дмитриевна начала свою карьеру с исполнения популярных романсов – «Гайда, тройка! Снег пушистый», «Пой, ласточка, пой!», «Тройка мчит, тройка скачет» и т.д. По воспоминаниям меломанов, глубокий голос певицы в сочетании с искренними интонациями и изысканной внешностью передавал слушателям чувство задора, радости молодости на фоне русской зимы. Почти все современники отмечали в мемуарах, что и после концертов ощущали звучание задушевного пения Вьяльцевой.

Позже у Вьяльцевой сложился собственный репертуар. Для нее много писал композитор Николай Зубов, иногда сам со-

Анастасия
Дмитриевна
Вьяльцева
(1871–1913).
1910-е годы

чинявший и стихи. В начале своей сольной карьеры она в основном исполняла романсы, в которых обыгрывался образ романтической и в меру ироничной молодой женщины, иногда «попрыгуньи», иногда мечтательницы, но всегда поступавшей по велению сердца. Вот, к примеру, слова из одного из романсов Вьяльцевой:

*Все говорят, что я ветрена бываю,
Все говорят, что я многих люблю!
Ах, почему же я всех забываю,
А одного я забыть не могу?*

Сценический век Вьяльцевой как солистки продлился около пятнадцати лет. Со временем она сменила амплу влюбленной наивной девушки на образ

глубоко чувствующей и растворяющейся в любовных переживаниях женщины.

Исполнение цыганских песен и русских романсов рождало живой отклик в душах зрителей, хотя профессиональные критики расходились в оценке творчества Вьяльцевой. Одни называли ее «большой артисткой», восхищаясь «ласкающим бархатным голосом», другие считали ее «жрицей пошлости», а ее исполнение – «исступленным, аморальным призывом к сладострастию».

О популярности Вьяльцевой свидетельствовали ее «заоблачные» гонорары. За вечер в зале Петербургского Благородного собрания она получала 20 тысяч рублей (что составляло стоимость небольшого дома. – **Прим. авт.**). Газеты писали, что состояние Вьяльцевой оценивалось в 2,5 миллиона рублей, а ежегодный доход от выступлений – в 100 тысяч рублей. Артистка «имела даже собственный салон-вагон, в котором разъезжала по провинции», – писал журнал «Искры».

Головокружительный успех во многом объяснялся актерским обаянием певицы, ее притягательной хрупкой красотой и женственностью. Каждый шаг и жест звезды становились достоянием общественного обсуждения, явление кумира публике затмевало обыденные проблемы.

К примеру, приезд Вьяльцевой в Воронеж в 1912 году был анонсирован в местных газетах за

Похороны
А.Д. Вьяльцевой.
Траурная
процессия
на Невском
проспекте.
1913 год

две недели. Газета «Воронежский телеграф» на первой странице – сразу под титулом газеты, то есть в качестве самой важной новости, – сообщала, что в зале Дворянского собрания в пятницу 5 декабря состоится «только один концерт знаменитой несравненной певицы Анастасии Дмитриевны Вьяльцевой».

4 декабря в предвкушении концерта местный музыкальный критик, выступавший под псевдонимом Staccato, написал: «Мне хотелось бы написать философский трактат по случаю завтрашнего концерта Вьяльцевой. <...> Ее романсы в наши гнетущие дни являются положительнейшей необходимостью. Они отрывают нас от монотонной, тусклой жизни и переносят в мир жгучих страстей, в мир яркого солнца, безумной жажды бурных переживаний. Звуки неподражаемо исполняемых ею романсов вливаются в сердце и зажигают целое пламя в крови <...> Забыто все: тоска, ненастье прожитого дня, неудовлетворенность желаний и безнадежность мечтаний. Вихрем налетает гамма острых опьяняющих переживаний... В этом сила, успех концертов Вьяльцевой, успех неизменный и шумный».

Ранняя смерть звезды в феврале 1913 года лишь усилила ажиотаж вокруг ее имени. «Окруженная роскошью, она умерла от острого малокровия, другими словами, от истощения, от надрыва в работе», – писали «Искры». Обожание публики проявилось в том, что за гробом Вьяльцевой в похоронной процессии шло 150 тысяч человек! Газеты сообщали: «Толпа, следовавшая за прахом покойной, с каждым шагом нарастала и скоро представляла собою сплошную лавину на протяжении от Морской улицы до Литейного проспекта».

Муж Вьяльцевой воздвиг часовню в древнерусском стиле над могилой супруги на Никольском кладбище Александро-Невской лавры...

А романсы из репертуара Вьяльцевой до сих пор исполняют некоторые оперные певицы.

Варвара
Васильевна
Панина
(1872–1911)

Реклама
граммофонных
пластинок
А.Д. Вьяльцевой
и В.В. Паниной
в газете
«Русские
ведомости»
от 5 апреля
1909 года

БАРХАТНОЕ КОНТРАЛЬТО

Успех Вари Паниной во многом был связан с огромной увлеченностью публики – от самой рафинированной до, можно сказать, люмпенизированной – цыганским пением.

Задуманные мелодии, экзотические яркие костюмы, страстное исполнение – все это привлекало внимание публики к цыганскому исполнению еще со времен Александра Сергеевича Пушкина.

Богатые русские аристократы, например один из графов Орловых-Давыдовых, для увеселения гостей имели целые цыганские ансамбли в своих имениях. Журнал «Столица и усадьба» писал, что «цыганским пением на раутах угощали приезжих гостей – французов и англичан, как

чем-то, наряду с катаньями на тройках, неизбежно традиционно «русским», хотя граф Ал. Толстой совершенно верно заметил о происхождении цыганских напевов, «из Индии дальний напев прилетел», а автором наиболее популярных цыганских песен оказывается инженер путей сообщения, ген[ерал] А.Н. Андреев». Жанр цыганского романса к концу XIX века утвердился на эстраде и в частном быту горожан. По мнению музыковедов, так называемый «цыганский романс» в конце XIX века весьма отделился от таборного фольклора. Он превратился в разновидность городской, как правило любовной, песни «с приподнято экспрессивным поэтическим содержанием». Интонации концертного цыганского романса характеризовались мелодическими взлетами и падениями, «томными хроматическими скольжениями», «многозначительными паузами и ферматами». Сложилась и специфическая манера исполнения – певцы и певицы гипертрофированно подчеркивали резкие горловые и чувственные низкие тембры, нарочито скандировали отдельные значимые слова, к примеру «кровь–любовь». Самая знаменитая исполнительница цыганского романса, Варвара Панина-Васильева, происходила из московской цыганской семьи. С 14 лет она пела в цыганском хоре своей однофамилицы Александры Паниной в знаменитом ресторане «Стрельна». Потом вышла замуж за племянника своей хозяйки. После «Стрельны» Панина более десяти лет выступала в ресторане «Яр» как руководительница собственного хора и солистка. В 1900-е годы Панина вышла за пределы кафешантанной эстра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ды и стала концерттировать на серьезных сценах, к примеру в Мариинском театре в Петербурге и в зале Дворянского собрания. Она пела под аккомпанемент двух гитар. Наибольшим успехом пользовались классические бытовые русские романсы – «Дремлют плакучие ивы», «Утро туманное» (на стихи И.С. Тургенева), «Коробейники» (на стихи Н.А. Некрасова) и др. В исполнение всем известных романсов Панина вкладывала сильные чувства, магнетизируя слушателей своим «бархатным» грудным контральто. В ее исполнении даже достаточно примитивные, полные штампов тексты звучали как полные смысла и страстных размышлений. Причем, наполняя «хиты» своего времени цыганской стилистикой исполнения, Варя Панина разыгрывала маленькие спектакли при исполнении каждой песни.

Родив пятерых детей, Варя Панина оказалась матерью большого семейства. Постоянные психические и физические перегрузки, связанные с гастрольным графиком, курение, ночной образ жизни, необходимость содержать большую семью и уделять внимание детям рано состарили Варю Панину. Она умерла, не дожив до сорока лет.

Практически все мемуаристы вспоминают о ней как о располневшей, даже тучной, некрасивой женщине. Но когда Панина начинала петь, то ее глубокий грудной голос растапливал самые черствые сердца. Лицо певицы преображалось, становясь одухотворенным и красивым. Об этом писали многие современники.

Купец Н. Варенцов вспоминал: «Варя Панина была очень некрасива лицом, отличалась толстой нескладной фигурой, но когда она запоем своим чудным контральто, то ее физические недостатки тела и лица сглаживались, она очаровывала слушателей». Петербургские мемуаристы Д. Засосов и В. Пызин, видевшие Панину в юности, тоже писали о ее концерте

Цыганский хор
на Вербном
базаре в Москве.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

как об одном из ярких впечатлений: «Варя Панина, дородная пожилая женщина, пела сидя, очень низким, густым контральто. «Пожар московский», «Хризантемы», «Жалобно стонет» – вот что особенно хорошо она исполняла».

О чарующем голосе Паниной вспоминал сын основателя Театрального музея в Москве, театровед Юрий Бахрушин: «Однажды я был вызван отцом из моей комнаты вниз в музей. Там я был представлен сидевшей в кресле «тете». Думаю, что мое смущение не могло не отразиться тогда на моем лице. <...> Вся в черном, в черной шляпе, с густыми черными бровями <...> она походи-

ла на огромную нахохлившуюся галку. А когда она заговорила, то я просто открыл рот от удивления – она говорила хриплым густым басом. Мой отец и остальные присутствующие оказывали ей знаки большого внимания. Через некоторое время кто-то сел за рояль, а «тетя» запела. Что она пела и как пела, я не помню, но на всю жизнь в моих ушах остался звук этого несравненного женского бархатистого баса, которым обладала никем не превзойденная Варя Панина».

До наших дней дошло около пяти десятков записей Вари Паниной, сделанных для граммофона и позже отреставрированных.

Ресторан
«Яр» в Москве
на Петербургском
шоссе.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗВЕЗДА РУССКОЙ ПЕСНИ

Если Вяльцеву называли «несравненной», Варю Панину ценили за «бархатный голос», то Надежда Плевицкая в прессе и на афишах фигурировала как «оригинальная русская народная певица».

Надежда Плевицкая, по откликам многих современников, в том числе таких авторитетных, как кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, композитор Сергей Рахманинов, скульптор Сергей Конёнков, своим творчеством рождала в душе слушателей сильнейшие эстетические впечатления. Репертуар ее, как писал критик С. Мамонтов в газете «Русское слово», состоял «из чувствительных романсов доброго старого времени и песен некрасовского пошиба», не блистал «ни новизной, ни изысканным вкусом», даже отдавал «далекой провинцией».

И, прекрасно сознавая это, даже столичные снобы-критики признавали: успех Плевицкой объяснялся тем, что ее творчество было «насквозь проникнуто тем русским народным духом, который одинаково заставляет биться сердце барина и мужика, миллионера-купца и задавленного нуждой рабочего».

Надежда Плевицкая (урожденная Винникова) родилась в 1884 году в крестьянской семье в селе Винниково Курской губернии. В 15–16 лет она пела в хоре Свято-Троицкого монастыря в Курске. Позже работала прислугой, но любовь к пению взяла верх, и Надежда поступила в хоровую капеллу Александры Липкиной. Хор участвовал в концертах в разных городах империи. На гастролях Надежда познакомилась с бывшим танцором Варшавской балетной труппы Эдмундом Плевицким и вышла за него замуж.

Биография певицы, казалось, была создана для романтизации ее личности. По словам одного из ее биографов, «путь из деревенской избы – в монастырскую келью, оттуда в бродячий балаган, ресторанный хор «лапотников», далее триумфальное

Н.В. Плевицкая

выдвижение безвестной кафешантанной певицы в эстрадную звезду первой величины».

Сердечное исполнение русских народных песен, которые Надежда знала с детства, привело ее в постоянную концертную труппу московского ресторана «Яр», а позже и на концертную сцену.

В 1910–1912 годах 26–27-летняя Плевицкая дает концерты в лучших академических залах России: Большом зале Московской консерватории, Большом зале Благородного собрания в Москве, зале Благородного собра-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Васильевич Андреев (1861–1918), организатор и руководитель первого в истории России оркестра народных инструментов

ния в Петербурге. В репертуар ее обязательно включались коронные номера – «Ухарь-купец», «Во пиру была», «Ой, сад, ты мой сад». Аккомпаниатором Плевицкой выступал известный композитор Владимир Бакалейников (автор ряда романсов, исполняемых Надеждой).

По информации журнала «Рампа и жизнь», билеты на сольный концерт Плевицкой были дороги: на лучшие места в первые ряды партера – по 10 рублей 10 копеек, дешевые – по 1 рублю 60 копеек, входные – по 1 рублю. Когда в концерте

Н.В. Плевицкая у собственного портрета работы художника А. Кузнецова. 1910-е годы

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ее запечатлел Владимир Набоков в написанном в 1943 году, уже после смерти певицы, рассказе «Помощник режиссера». Там говорится, что портрет Плевицкой держал в своей артистической уборной Федор Шаляпин. Набоков также упоминает о «физическом великолепии ее голоса».

Двадцать лет жизни на чужбине благодаря славе в дореволюционное время были для Плевицкой благополучными с материальной точки зрения. Она не терпела нужду, как большинство эмигрантов. По словам Набокова, ее хотели слушать и слушали люди, «для которых музыка и сентиментальность – одно, или те, кто желал, чтобы песни доносили дух обстоятельств, в которых они их когда-то впервые услышали, благодарно отыскивали в могучих звуках ее голоса и ностальгическое утешение, и патриотический порыв».

В последние годы Плевницкая, вышедшая замуж за белого генерала Николая Скоблина, который был моложе ее на девять лет, была вовлечена в политические скандалы, связанные с похищением генерала Е.К. Миллера, обвинена в сотрудничестве с НКВД. В 1937-м помещена во Францию в тюрьму, где и скончалась в 1940 году.

Жизнеописания трех самых ярких звезд русской эстрады начала XX века, растиражированные прессой, схожи: бедное детство, тяжелая юность, трудолюбие, постепенно принесшее славу и богатство. Сюжет «Золушки» всегда трогал толпу и был ей понятен. И хотя для рафинированной части интеллигентной публики эстрада оставалась низким жанром, ориентированным на примитивные вкусы обывателя, выступления звезд начала XX века задали тот эталон исполнения, который просуществовал фактически все последующее столетие.

* Автор – доктор исторических наук.

принимал участие «русский» оркестр В.В. Андреева – цена на лучшие места возвышалась до 12 рублей 10 копеек (для сравнения: кресло первого ряда в Большой театр по «обыкновенным ценам» стоило 4 рубля 30 копеек, по «возвышенным» ценам – при гастролях знаменитостей – 7 рублей 30 копеек. – Прим. авт.).

О высоком статусе и популярности Плевицкой свидетельствует и тот факт, что, когда в 1913 году, в юбилейный год 300-летия дома Романовых, во время путешествия императора Николая II по городам, был дан концерт в зале Дворянского собрания в Ярославле, Плевицкая принимала в нем участие наравне с оперными звездами – Собиновым и Збруевой. Сценический костюм Плевицкой подчеркивал ее «русскость»: «сарафан, на голове кокошник – весь в жемчугах», вспоминал скульптор Сергей Кони́нков. Ему вторит Владимир Набоков: «Осыпанный жемчугами кокошник, подпирающая щеку рука, спелые губы...» Слава Плевицкой была столь велика, что ее пригласили петь для императора Николая II и его семьи.

Образ Плевицкой дошел до нас благодаря кино. Знаменитый кинорежиссер Владимир Гар-

дин, заметив актерскую выразительность Надежды Плевицкой, снял ее в 1915–1916 годах в двух художественных фильмах – «Власть тьмы» и «Крик жизни». После революции 1917 года Плевицкая эмигрировала – сначала в Германию, а оттуда во Францию. Живя на чужбине, она продолжала выступать и пользовалась невероятным успехом в эмигрантской среде.

Н.В. Плевицкая
в группе
артистов.
За ней стоит
Л.В. Собинов

Обложка
нотного издания
с песнями
Н.В. Плевницкой

ДРУГАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ПОЧЕМУ ДРУГАЯ? ДА ПОТОМУ, ЧТО СОЛДАТ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВСПОМНИТЬ, КАКАЯ ОНА БЫЛА С «ТОЙ», ВОЕННОЙ СТОРОНЫ, – ИХ ВЕДЬ ПОЧТИ НЕ ОСТАЛОСЬ. ДА ВСЕ УЖЕ И РАССКАЗАНО. НО ОСТАЛИСЬ ДЕТИ ВОЙНЫ – РОВЕСНИКИ НАШИМ ОТЦАМ. В СВОЕ ВРЕМЯ ИХ НИКТО НЕ РАССПРАШИВАЛ ПРО ВОЙНУ. ОНИ ВЕДЬ НЕ ВОЕВАЛИ. НО ОНИ СОХРАНИЛИ СВОЮ, ТОЖЕ НЕИЗГЛАДИМУЮ, ПО-ДЕТСКИ ВЫРАЗИТЕЛЬНУЮ И ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Я ХОТЕЛ ПОПРОБОВАТЬ рассказать о войне со слов тогдашнего ребенка. То, что первый выбор пал на Юрия Викторовича Чудецкого – пусть никого не смущает: он близкий друг моего отца, а мы дружили с его сыном. И еще в отдельной комнате у них в квартире жил старый Чудецкий, Виктор Александрович, полковник, получивший свои медали в боях по снятию блокады Ленинграда. Мой дед тоже воевал, и все это нас сближало: на всю жизнь мы остались друзьями и с Юрием Викторовичем и с его сыном. И когда мне пришла в голову вот эта «Другая сторона войны» – войны, увиденной детскими глазами и понятой детским умом, – я сразу подумал, что надо бы обратиться к дяде Юре. И память его не подвела. Вот какие мы с ним записали истории.

Юра Чудецкий с мамой Елизаветой Семеновной. 1941 год

«ТАК НАЧАЛАСЯ ВОЙНА»...
«22 июня... Родители достали мне путевку в пионерский лагерь, и так получилось, что именно 22 июня, до объявления войны по радио – значит, в двенадцать часов с какими-то минутами – наш поезд с пионерами отправлялся в Перхушково

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

с Белорусского вокзала. И мы с мамой ехали на вокзал. В метро у меня под мышкой была круглая коробка с конфетами-леденцами – и я как-то так неудобно повернулся, что она выпала и упала на пути. Это была для меня трагедия. Но как-то быстро подбежала к нам дежурная, и, что произвело на меня впечатление, она принесла палку, на конце которой был такой нос журавлиный длинный, она потянула за рычаг, разошелся клюв, и она подхватила коробку. Чуть-чуть просыпалось этих конфет, и я был недоволен. С одной стороны, очень здорово было, что вернулась коробка. Но она была помята, и леденцы выпали... И больше никаких впечатлений об этом 22 июня у меня и не осталось... Когда мы приехали в пионерлагерь – а там, наверное, и радио не было, – мы только со време-

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН/РИА НОВОСТИ

Довольно много народу. И мы прокоротали первую ночь бомбежки Москвы именно в этом подвале. Там был мой друг, Володя Брянский, и, поскольку всю ночь было скучно сидеть, мы иногда дремали. Никаких разрывов в общем-то не было слышно. Иногда приходили дежурные с повязками, говорили, что очень много зажигалок, что вокруг то-то и то-то горит, но страха никакого не было. Мы в углу нашли какую-то кучу, я помню, старых вещей – там было много велосипедных деталей, механизмов каких-то от часов, и это нас очень интересовало. А когда утром дали отбой и мы вышли, мы не узнали свою Москву. Она была вся в дыму, в нашем переулке дотла сгорел дом для глухонемых детей (дети были вывезены, слава богу). Прямо в Карманицкий переулок (а наш дом выходил в Карманицкий переулок) упала, как говорили, полутонна бомба (она, к счастью, не взорвалась; но дыру от нее я видел), и метро как раз на перегоне Смоленская – Арбатская было завалено. Я услышал о том, что там погибло довольно много народу, увидел скорые помощи, которые сновали от входа метро, дворников, которые ходили со шлангами, и впервые я понял, что началась война...».

ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

«Время эвакуации я прожил в Саратове у тетки, потому что все же воевали, и было нас там пятеро: ее четверо и я пятый. И были уже события Сталинграда. Жили мы голодно, холодно очень, но все обрадовались победе под Сталинградом. И я очень хорошо помню, как в конце зимы 1942/43 года впервые появились живые немцы, взятые в плен под Сталинградом. Для нас это было в диковинку, и даже не в диковинку, это был какой-то перелом – потому что одновременно были введены погоны для Красной армии. И увидеть нашего офицера в погонах для нас, мальчишек, был праздник. А затем мы прослышали вдруг, что появились на улицах пленные. И однажды мы увидели такую колонну: их было

нем узнали, что началась война... Мне еще не было 9 лет, только что кончился первый класс. Краем уха мы слышали, что началась война, но, поскольку до этого мы были свидетелями белофинской кампании – когда все это быстро начиналось и быстро проходило, оканчиваясь нашей всеобщей победой, – мы были спокойны и ждали, когда же наши войдут в Берлин. И вдруг среди ночи нас будят, вой сирены, нам быстро велют одеться. Нас повели в щели – перепуганных малышей, потому что слишком неожиданно – среди ночи... Мы даже думали, что это учебная тревога. Но она была не учебная. Впервые тогда я мальчишкой увидел из этих щелей – сполохи, прожекторы, услышал выстрелы... Это была, как я понимаю, одна из первых попыток налета на Москву. Но именно попыток. И все равно, это все была для нас не война: какое-то все было ненастоящее.

А столкнулся я с войной, когда приехал отец – он сформировал отдельный автобатальон и на следующий день уезжал на фронт, – и он забрал меня с собой в Москву, уехал, а буквально через несколько дней – это, наверное, можно уточнить – была первая бомбежка Москвы. Я очень хорошо запомнил. Мы жили на Арбате, дом 44, а рядом в доме – естественно, 46 – помещалась почта. И мы отправляли с мамой то ли письмо, то ли телеграмму – и вдруг выключается свет, вечер, выхода не видать,

воет сирена – которая оказалась в двух шагах от нас, это чудовище круглое, огромное, ревущее истошным гудком – мгновенно все бросились к выходу, и образовалась толпа. Все разговоры, что пропускают сначала детей, женщин, это все чепуха. Все было в куче. А мы перед этим с мамой зашли в гастроном, и у меня опять под мышкой был батон, а в руках масло, 100 или 200 граммов. Масло-то у меня осталось, а батон у меня вышибли, и я закричал истошным голосом... Но мама крикнула, что побежали в метро, все побежали в метро, «в метро, в метро, надо спасаться!». А поскольку дом-то близко, я матери говорю, что нет, мол, идем в общем-то домой... И в результате мы пошли даже не в бомбоубежище, а в подвал, в наш дом. Он освещался. Было светло. Повсюду были трубы. Вообще, обстановка экзотическая. Я удивился: были скамейки.

На Красной площади в первые дни войны. Москва. Июнь 1941 года. Фотография Анатолия Гаранина

Москвичи в подземном зале станции метро «Маяковская» во время воздушной тревоги. Фотография Аркадия Шайхета

АРКАДИЙ ШАЙХЕТ/РИА НОВОСТИ

НАУМ ГРАНОВСКИЙ/РИА НОВОСТИ

человек пятнадцать; они шли строем, но самое непонятное для нас было то, что «фрицев» охранял немец же. Рядом с ними по тротуару шел в хорошей, исправной шинели немец, и отличался от тех не только справной своей формой, но у него была винтовка за плечами, что было тогда для нас очень удивительно, и с красной повязкой на рукаве. Их конвоировал он на работы. Наш дом был на Коммунарной площади, с нами рядом был клуб НКВД – клуб этот нуждался в ремонте, и через некоторое время пленных немцев стали водить туда. Несмотря на конец зимы, морозы стояли лютые. Немцы – а следили мы за ними через щели в заборе – разводили костер, который поддерживали в течение рабочего дня, чтобы греться.

Для нас они были, конечно, враги, потому что у большинства – и даже не у большинства, а у всех – кто-то был на фронте, у кого-то уже даже были убиты родственники... Поэтому мы решили отомстить этим врагам. Как же это? Они так спокойно греются у костра... А вооружены мы, должен сказать, были отлично, и у нас были запасы различных патронов: мы знали, что трассирующая пуля имеет наконечник фиолетовый, разрывная – зеленый, и так далее. И поскольку мы решили немцам отомстить, мы так примерно рассчитали период, с которым они подходят к костру погреться, заложили туда, в этот костер, несколько пригоршней патронов и стали ждать по ту сторону забора, что будет. И дождались, когда эти люди – наверное, деся-

Зенитчики
на страже
города. Москва.
Фотография
Наума
Грановского

ка полтора – собрались около костра, стали греться – прямо сейчас перед глазами вижу эту картину, – тянут к огню руки, ноги – и вдруг этот костер буквально взрывается, летят трассирующие пули... Это было страшное зрелище, когда эти несчастные люди в ужасе, с криками бросились от костра. Может быть, кто-то получил ранение даже... В общем, все они разбежались, да и мы, не ожидая такого эффекта, тоже убежали. А на следующий день, когда привели этих пленных немцев туда же, мы не стовариваясь – а я говорил уже, что был очень голодный и холодный год, эта зима была вообще самая трудная, если не считать еще зиму сразу после войны, – мы принесли куски хлеба, картошку. Потому что мы поняли, что это не враги, а живые люди... Мы ужаснулись содеянному, ужаснулись нашей подлости... Когда они с криками бежали от костра... В общем, этот рубеж детской жестокости пришелся еще на новое сознание того, что мы все-таки победители...».

ПОСЫЛКА С ФРОНТА

«У тети Иры, у которой я воспитывался во время войны, было своих четверо детей, а муж добровольцем ушел на фронт. И вдруг мы получаем извещение, что на имя моего младшего брата, Эрика, пришла посылка. Именно на его имя. Мы взяли свидетельство о рождении, поскольку других документов у нас нет, ему неполных 10 лет – и пошли на почту получать посылку. Получаем эту посылку, идем очень гордые. Дело происходит летом 43-го года. Приходим домой. Мать Эрика, моя тетя Ира, начинает распечатывать эту посылку – а она в наволочку зашита, сургучом опечатанная и – мягкая. И первое, что выпадает, – это бумажка. На бумажке написано: «Направляем вам опись вещей погибшего капитан-лейтенанта Вайнера Якова Мироновича»... Вот здесь мы почувствовали... что война пришла уже в наш дом трагедией. И особенно остро из-за того, что мы ждали получить в этой посылке – ну, может, яичный порошок, или

Оборонительные
сооружения
на окраине
Москвы

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН/РИА НОВОСТИ

ТРУБАЧ ПОБЕДЫ

«Уже в общем-то с вечера 8 мая в Саратове народ стал поговаривать, что все – конец войны. Когда 2 мая объявили, что взят Берлин, все, конечно, думали, что это и есть конец войны. Так уж настроились люди. И сожалели, что он пал 2, а не 1 мая. Но сообщения о конце войны все не было. А народ организованный, ждет сообщения по радио. Жили мы в центре, рядом с городским садом «Липки» и консерваторией (бывшей немецкой кирхой), на улице Радищева. И вот проходит 3, 4, 5, 6-е – и нет конца войны. И в этом смысле ожидание было очень долгое... А 8-го числа вечером поползли слухи, что всё. Кончилась. И должны объявить о конце войны. Откуда они взялись? Как просочились? Но, наверное, кто-то был в курсе, кто-то знал... Поэтому в ночь с 8-го на 9-е – по крайней мере, у нас в семье, в нашем доме – свет горел и никто не ложился спать. Не выключали радио, все были полны ожидания – но радио молчало. И все равно никто не ложился спать. Шли разговоры, вспоминали всю войну. Тетка, у которой погиб муж, все время переходила от смеха к плачу... Мать ее успокаивала...

И вдруг мы услышали, что с нашей Радищевской улицы со стороны «Липок» доносится звук марша (какого именно, я сейчас не помню) на одиночной трубе. На самой большой трубе геликоне: пум-ба, пум-ба... Мы выбежали из дома. По улице шел пьяненький солдат – один, со своей трубой. Ему не нужно было ничего говорить, а вот издавая свои эти звуки, он возвещал победу. Он был вестник. Он был... необыкновенный солдат! Мы поняли, что кончилась война. За ним шла уже толпа мальчишек, и все кричали: «Конец войны!»

Потому что не мог бы иначе идти солдат – один, посредине улицы – все-таки было часа четыре ночи...

А по радио объявили утром». **П**

тушенку американскую, или какие-нибудь, американские опять же, шмотки, из которых перешивали иногда что-нибудь детям, или ботинки, тоже американские, из желтой хорошей кожи. И мы думали, что там, в посылке, тоже что-нибудь в этом роде, мы радостные шли, а там – вещи его. Тельняшка, китель, брюки, ботинки.

Как он погиб, потом стало известно: и тетя, и отец мой делали запросы, и выяснилось, что он служил в Днепровской флотилии, флотилия эта вошла в речку Припять, брать город Пинск; он был ранен, пошел второй раз в бой – и не вернулся. Свидетелей нет.

А уже лет через десять после войны опять же брат мой, Эрик, получает письмо: мол, уважаемый Эрнест Яковлевич, пишет вам такой-то. В городе Пинске организован сейчас музей. Следопыты этого музея обращались ко всем очевидцам взятия города, и мы получили письмо от такого-то, во время войны тоже мальчишки еще, который был свидетелем обстрела немцами из пушки нашего катера и того, как этот катер загорелся и из него выпрыгнули офицер и двое матросов, они побежали к берегу, отстреливались, но на этом берегу были убиты. Мы, мальчишки, – пишет этот человек – выкопали в песке мо-

гилу и забросали тела землей. Хорошо помню, что там был один офицер и два матроса. И я могу указать это место.

Его позвали, он четко указал, и действительно, нашли могилу, в которой были обнаружены очки, погон капитан-лейтенанта и расческа, на которой было написано «Вайнер Я.М.». Это был отец Эрика. Его вызывали туда, он участвовал в церемонии похорон торжественных – было перезахоронение. А о тех двух матросах ничего не известно, все истлело. А от этого погон остался, очки его характерные и расческа...».

Дети на улицах города. Москва. 23 июня 1941 года. Фотография Анатолия Гаранина

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Юрий Викторович Чудецкий и автор

Поднимающий
знамя.
Центральная
часть триптиха
«Коммунисты».
1960 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТИТАНА

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

...БЛИЗКО К «ИУДЕ» ПОЧТИ НИКТО ИЗ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ВЫСТАВКИ НЕ ПОДХОДИЛ. УЗКИЙ КОРИДОР ИЗ ТОНКИХ СЕРЫХ СТЕН, В КОНЦЕ КОТОРОГО ВИСИТ ОДИНОКАЯ КАРТИНА, СЛОВНО БЫ СТАЛ «ЗАПРЕТНОЙ ЗОНОЙ». ЛЮДИ ЗАСТЫВАЛИ ПЕРЕД ВХОДОМ В ЭТО ПРОСТРАНСТВО, НЕ ОТРЫВАЯ ГЛАЗ ОТ ХОЛСТА.

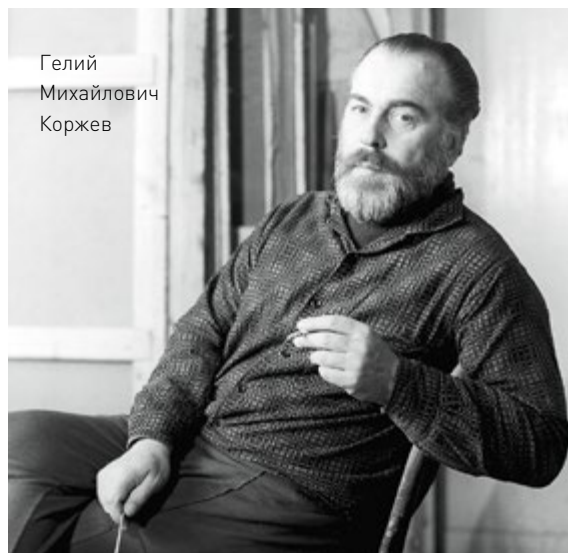
А НА НЕМ – ШИРОКИЙ кряжистый ствол дерева, тело предателя-самоубийцы – лица и плеч не видно, сандалия, упавшая с бессильно болтающейся ноги, рассыпавшиеся серебришки, на заднем плане – Голгофа с тремя уже пустыми крестами. Внизу – опрокинутая лестница... Казалось бы, лестница и лестница, понятно, что Иуда с ее помощью перекинул веревку через сук, – но почему же в голову тут же приходит Лестница Иакова, соединяющая Небо и землю? «...И вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней...». Но нет у висельника ни возможности,

ни права подняться по двенадцати ступеням этой лестницы, и кажется, что вот так – в сумерках – висеть и раскачиваться на ветру это тело будет бесконечно долго...

«Самый острый и парадоксальный проект года» – так именуется монографическую выставку Гелия Михайловича Коржева Третьяковская галерея. Кому-то, возможно, такая формулировка покажется преувеличенной, кому-то – совершенно справедливой. Однако можно не сомневаться в том, что выставка работ одного из наиболее известных и признанных живописцев 1960–1980-х годов может оставить равнодушным только уж

абсолютно безразличного и глухого к искусству человека.

Ради этой выставки главные залы Третьяковской галереи на Крымском Валу полностью преобразились: хитроумный лабиринт, выстроенный архитекторами и дизайнерами Евгением Ассом, Кириллом Ассом и Надеждой Корбут, словно сам ведет посетителей по экспозиции. Часть работ художника хорошо

Гелий
Михайлович
Коржев

ЛЕВ ИВАНОВ / РИА НОВОСТИ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

известна зрителям старших поколений благодаря школьным учебникам истории и репродукциям в советских журналах – к примеру, знаменитый триптих «Коммунисты» со знакомым с детства «Поднимающим знамя». И, конечно, выставку открывает одна из самых запоминающихся картин Коржева – «Следы войны» (1963–1965). Зрителей встречает портрет солдата, на обожженном и изуродованном лице которого ярко синее только один глаз. О создании этой картины сам художник рассказывал так: «У нас был педагог с об-

горевшим лицом. Танкист. Мне казалось, что это и есть в какой-то мере лицо войны. Вообще, за эту картину мне попало здорово. И я помню, как какой-то генерал на обсуждении выставки кричал: «Что, мы будем солдат воспитывать вот на этом обгоревшем парне?»...»

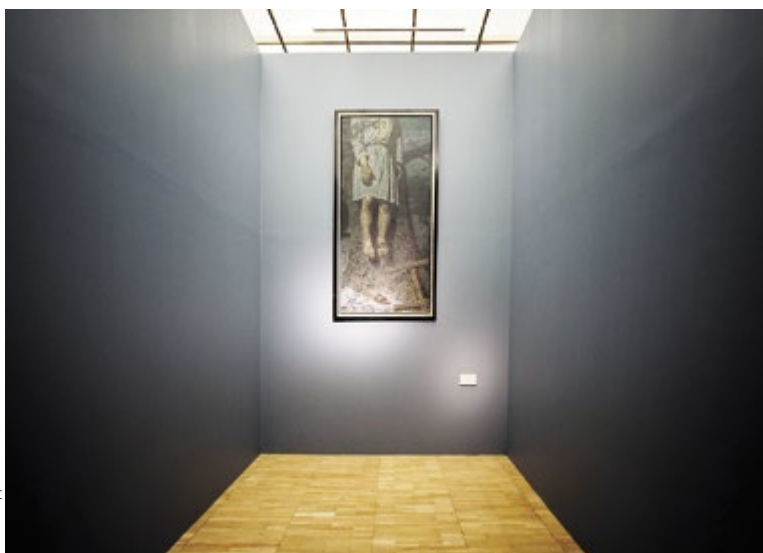
Зато картины Гелия Коржева, созданные в постсоветский период (художник, ушедший в 2012 году, работал едва ли не до последних дней своей жизни. – Прим. ред.), в то время, когда он фактически превратился в добровольного отшельника, для

Самым парадоксальным проектом года называет выставку Гелия Коржева Третьяковская галерея

многих станут настоящим открытием. Что уж говорить о нескольких молодых поколениях, которым Гелий Коржев и его творчество почти неизвестны?

«Я всегда сержусь, когда слышу утверждение: «Мы были под пятой». Так ведь можно оправдать в творчестве все, что угодно, – писал Гелий Коржев. – Для настоящего, самостоятельного художника такая позиция неприемлема. Я всегда в жизни исходил из того, что имею право делать то, к чему лежит душа. Это главное право в жизни. Оно не дается свыше и вообще не присуждается кем-то. Его нужно выстрадать своим честным отношением к делу, которому посвятил себя. Думаю, я его завоевал. И потому всегда и писал только то, что мне хочется».

Творчеству Гелия Коржева в прошлом было посвящено немало монографий, художник был признан и обласкан советской властью. Педагог, профессор, академик Академии художеств СССР, народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР имени Репина, первый секретарь Союза художников РСФСР в 1968–1975 годах...

Иуда.
1987–1993 годы

АЛЕКСАНДР БУРГОВ

Но назвать его «типичным художником соцреализма» язык не повернется: уж слишком самобытен и неоднозначен Гелий Коржев. Слишком самостоятелен и строптив. Критики считали и продолжают считать его представителем «сурового стиля», «почвенники» всегда называли его «своим», а авангардисты старательно делали вид, что не замечают мастера и его работы. И это не удивительно. Кажется, Коржев полностью не вмещается в рамки конкретных направлений и стилей, для чуткого и внимательного зрителя он сокрушительно непредсказуем и бесконечно трагичен. В его картинах вы не увидите красоты в мещанском понимании этого слова, никаких «ми-ми-ми», пастельных тонов, кошечек, розочек, завитушек, бледных, анемичных кокеток в неестественных позах или прихотливо изломанных линий. Излюбленные приемы мастера – укрупненный масштаб и подчеркнутый натурализм – дают потрясающий эффект исчезновения естественной границы между полотном и зри-

Скорбный дуэт.
2006 год

телем, до предела обостряя диалог, который ведет с нами Гелий Коржев. И диалог этот часто непросто, его очень трудно выдержать – не сбежать, не закрыть глаза, не отвернуться.

Гелий
Михайлович
Коржев
за работой

Художник Коржев не кривляется. Он не изыщен, не манерен, не меланхоличен, не претенциозен и не сиюминутен. Он не подстраивается под зрителя, моду или «тренды». Его самые впечатляющие полотна как неожиданный удар кулаком в лицо: вот она – правда жизни, нравится она вам или нет. Безусловно, не каждому это придется по вкусу. Но... Хотите ощутить настоящую разницу между понятиями «искусство» и «искусственность»? В таком случае идите и посмотрите картины Гелия Коржева. Неслучайно на церемонии открытия выставки заведующий отделом новейших течений Государственного Русского музея Александр Боровский назвал Гелия Коржева «художником больной совести». Его герои, как правило, сильные и мужественные люди. Да, далеко не всегда они красивы и привлекательны, но уж в чем им точно не откажешь – так это в чувстве собственного достоинства и во внутренней свободе. Многие работы Гелия Коржева удивительно многослойны по смыслу и часто переполнены

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ / РИА НОВОСТИ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

символами, которые могут быть не слишком заметны с первого взгляда.

Вот, к примеру, картина «Адам Алексеевич и Ева Петровна» (1997–1998): неопрятная семейная пара с бутылкой и стаканом на фоне грязной кирпичной стены, под ногами – рваные листы вчерашних газет. Они невеселы, они не пьяны, они смотрят себе под ноги, на лице Евы Петровны, которая когда-то явно была

привлекательной, выделяются резко очерченные скулы и упрямо сжатые губы. Название картины говорит само за себя. А где же змей-искуситель? Да вот же он: если внимательно присмотреться, побелка стены облупилась, белизна (Свет?) отступила, сжалась, обнажив грязно-коричневую кирпичную кладку то ли в виде изогнувшейся перед броском змеи, то ли в виде знака доллара...

На выставке представлен цикл работ Гелия Коржева на библейские сюжеты

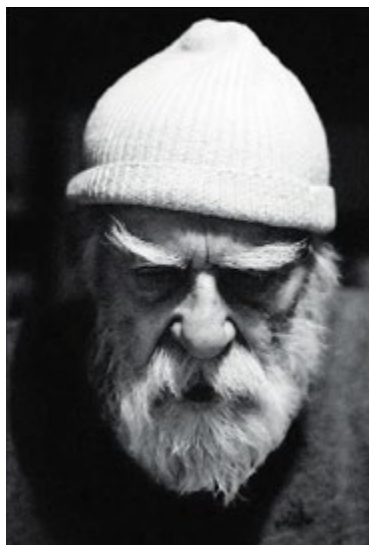
Беседа.
1980–1985 годы

Или вот другая работа – «Беседа» (1980–1985). Хрестоматийный образ Владимира Ильича – узнаваемый прищур глаз, кепка, черный пиджак, из внутреннего кармана выглядывает газета «Правда». Рядом – слепой старик с удивительно спокойным и даже отрешенным лицом. Длинные седые волосы и борода, нагруженные руки с набухшими синими венами сложены на посохе, лохматятся от ветхости лямки заплечного мешка... Позади этих двух фигур – снова облупленная кирпичная стена и закрытое глухими ставнями окно с решеткой. Слепец явно похож на странствующего богомольца, а решетка на окне позади него напоминает те, которые обычно ставились на церковные окна (если же внимательно посмотреть на эскизы этой картины, то все сомнения отпадут: на одном из них решетка на окне выполнена в форме крестов. – **Прим. авт.**). Вот и ломай голову: кто здесь настоящий слепец? Тот, что в кепке? Седой старик, которого можно трактовать как собирательный образ народа? Или – что еще ужаснее – они оба?!

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Безусловно, особый интерес посетителей выставки вызывает раздел, в котором представлены работы художника из серии «Тюрлики». В середине 1980-х годов Гелий Коржев начал рисовать странных существ. Это иногда забавные, иногда страшные, иногда ужасающие в своем уродстве монстры и монстрики, этакие «чужие», воскрешающие в памяти зрителей работы Гойи, Босха и даже Дюрера. Некоторые из них заставляют содрогаться от ужаса, несмотря на то, что занимаются они на картинах тем же, чем и мы с вами в обычной жизни. Они философствуют, трапезничают, стригутся у парикмахера, прихорашиваются перед зеркалом, размышляют, дискутируют и выходят на митинги. «Период создания этой группы работ продолжался довольно долго, более пятнадцати лет, – объяснял сам Гелий Коржев. – Как и почему они стали появляться, я сказать затрудняюсь, но в процессе работы выяснилось, что для подобной тематики не подходят те принципы живописи, которым я следовал долгие годы. <...> Я пытался фантастическим существам придать характер совершенной реальности. Я был далек от мысли, что изображаю существа, несущие зло и ненависть. Я полагал, что этот мир существует параллель-

но нашему и они во многом похожи на нас. И вот, глядя на них, нам легче увидеть и себя в этом отражении. Просто когда пишешь реальную жизнь, надо помнить, что и тюрлики живут и действуют. Проблемы перерождения встают перед человечеством, а перед нашей страной – все ощутимее. Мы начинаем жить не соприкасаясь друг с другом, а параллельно. И реальность начинает принимать характер сюрреализма, неожиданности и непредсказуемости, где тайна бытия становится просто ребусом». Эти «просто ребусы» манят и отталкивают одновременно, как художнику удалось добиться такого эффекта – загадка...

ГЕЛИЙ КОРЖЕВ. ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«Художник может служить: 1. материальным благам; 2. самому себе; 3. власти имущим; 4. искусству; 5. народу (последнее – самое трудное дело). Существуют тысячи смешений этих намерений и самых причудливых сочетаний, но только следование одному из них приносит результаты. Целеустремленность в избранном направлении в некоторых случаях будет лишь походить на честность, а в некоторых будет подлинной честностью художника».

«Я думаю, что Время никогда не было столь стремительным. Никогда еще истина не представляла такой многоликости. Никогда относительность всякого знания не была так наглядна».

«Иногда кажется, что правда неуязвима. Спокойно лежит томами книг, покоится в музеях, спит в нотных знаках, высится в сооружениях из вечного камня. Все это так и есть, при одном условии, что есть еще люди, в чьих сердцах и живут все ценности культуры. Без этой живой любви все теряет смысл. А любовь – одно из самых крепких и одновременно уязвимых чувств. Она не вписывается в законы общества, она не имеет права гражданства, но только с ее помощью торжествует жизнь над смертью. И культура в целом очень уязвима и ранима».

«Одним из основных правил должна стать честность художника, беспредельная честность, честность, не знающая границ. И перед собой, и перед натурой, и перед своей совестью. И перед искусством».

«Искусство, подлинное искусство живет только утверждением добра, света, будущего, человечности. Все остальные деяния деятелей искусства выходят за границы искусства. Причем утверждение идеала должно быть абсолютно подлинным, когда зритель, слушатель и читатель безусловно верят художнику. А это может случиться, если сам художник верит в свою идею, всецело окрашивает ее своей личностью. Подделок под это существует множество. И именно они заполняют все пространство нашей культуры. Стоит появиться чему-то подлинному, как оно мгновенно обрастает фальшивой, липкой макулатурой».

«Люди слабы и смертны, ежедневная борьба с ложью истощает и обессиливает. Она сокрыта от глаз да и, по существу, не нужна никому. Для того чтобы каждое утро вставать с кистями в руках на бескомпромиссный бой, а вечером едва волочить ноги от груза неудач, нужно быть титаном, гением, богатырем. Обессиленный художник не нужен никому. Необходимо жить в условиях постоянного подвига, мало кому приходящегося по плечу. Для реализма это необходимо. Сущность его обычной жизни, его будущее и есть бессмертие художника».

Источник: <http://korzhev.com/hudozhnik/razmyshleniya/>

Мать.
1964–1967 годы

Обреченная.
1987 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Триумфаторы.
Из серии
«Тюрлики».
1993–1996 годы

«Гелий Коржев выделялся на фоне современников невероятным масштабом и глубиной осмысления того времени, в котором он жил, – подчеркнула на церемонии открытия выставки директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова. – Активно выставляясь в советское время, он в 1980-е годы стал от-

шельником и еще больше осознал свою роль как пророка и как художника, который ставит перед обществом то зеркало, в котором отражается истина». Тут, как говорится, не поспоришь. А потому становится еще обиднее от понимания того, что за последние десятилетия творчество такого большого художни-

ка странным образом ушло даже не на второй, а на третий или четвертый план. И уж совсем грустной представляется ситуация, сложившаяся с наследием мастера: в собраниях российских музеев находится всего 25 картин Гелия Коржева! Большая часть его работ хранится в частных коллекциях, крупнейшая из которых находится в Соединенных Штатах Америки. Так что картины для нынешней монографической выставки в Третьяковской галерее собирались отовсюду: их предоставили отечественные государственные музеи, Фонд культурного и исторического наследия Гелия Коржева, Музей русского реализма Алексея Ананьева и Музей русского искусства Рэймонда Джонсона (США).

«В основании изобразительного искусства лежит довольно простая идея. Эта идея бессмертна. Художник старается передать холсту, бумаге, камню – то, что он чувствовал, видел, пережил, – писал Гелий Коржев. – То, о чем он мечтал и думал, и это должно остаться после того, как сам он исчезнет. Дальше начинается проверка жизнью его произведений. Они должны выжить, имея только тот запас сил и чувств, которые вложены автором-художником. Выживут – станут явлением искусства и времени, нет – уйдут в небытие вслед за своим создателем». Картины Гелия Коржева выжили, не ушли в небытие. А сам художник наконец-то вернулся к нам. Хочется верить, что теперь уж – навсегда. ■

На торжественной церемонии открытия выставки Гелия Коржева выступила директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова

КИРИЛЛ КУДРЯВЦЕВ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

АВТОР
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ГЕННАДИЙ ВОЛНОХОДЕЦ – УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ЕМУ 53 ГОДА, И КАЖДЫЙ ДЕНЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ ОН ПРОВОДИТ В БОРЬБЕ – БОРЕТСЯ ЗА КАЖДОЕ СЛОВО, ЗА КАЖДЫЙ ШАГ, ЗА СВОЙ ТЕАТР, ЗА СВОИХ УЧЕНИКОВ. АКТЕР, РЕЖИССЕР, ПЕДАГОГ, ПОЭТ... И ИНВАЛИД С ТЯЖЕЛЕЙШЕЙ ФОРМОЙ ДЦП.

В ПЕРВЫЕ Я УВИДЕЛА Геннадия Волноходца несколько лет назад – во время спектакля «Девушка и кентавр», поставленного труппой «Антрепризы имени Екатерины Орловой». Спек-

такль шел тогда в Петербурге в Театре имени Ленсовета.

...Двое на сцене: девушка в инвалидной коляске – балерина, у которой отказали ноги, и немолодой седой мужчина. Балерина собирается повеситься: жизнь

без танцев для нее бессмысленна. Мужчина в последний момент чудом успевает вынуть ее из петли. Мужчина тоже болен – с трудом передвигается по сцене, невнятно говорит. Он обращается к отчаявшейся балерине: «Жить надо всегда! И на коленях, и лежа, и даже когда ходишь только под себя, ничего не слыша, ничего не видя, ничего не понимая, все равно надо жить!» Глядя на актера, исполнявшего эту роль, я сначала удивлялась, как ему так реалистично удается изобразить инвалида – это ведь не так просто! Лишь к середине действия я поняла, что актер Геннадий Волноходец вовсе не «изображает»...

КИРИЛЛ КУДРЯВЦЕВ

«С 5 ЛЕТ ВЫЖИВАЛ СТИХАМИ»

Волноходец – это сценический псевдоним. Ведь актер с первого момента выхода на сцену двигается против течения. Настоящая фамилия этого человека – Бондаренко.

Геннадий Бондаренко родился в Киеве. Трудные роды, крупный ребенок, уставший акушер вовремя не принял решения о необходимом кесаревом сечении – и в результате маленький мальчик с рождения получил диагноз ДЦП. Родители не сдались, делали все, что было возможно в советских условиях, чтобы их Гена рос здоровым и гармоничным.

С 5 лет Гена Бондаренко писал стихи. «Я ими не жил, я ими выживал», – вспоминает он. Писать стихи мальчик начал раньше, чем научился ходить – на ноги он встал только в 9 лет, до этого передвигался лишь в инвалидной коляске.

Год делился на зиму и лето. Летом мальчик проходил реабилитацию в санатории в Евпатории. Там о нем заботились, учили самостоятельно одеваться и держать в руках ложку. Зимнее время Гене приходилось проводить в интернате для детей с ДЦП в Киеве. Здесь везло меньше: издевательства одноклассников, непонимающие и черствые учителя... Поступление в уни-

Глядя на актера, зрители не сразу понимали, что он не «изображает» инвалида, а на самом деле имеет серьезные проблемы с опорно-двигательным аппаратом и речью

Играя в спектакле «Девушка и кентавр», Геннадий Волноходец за вечер терял до 3 килограммов

верситет тоже далось с боем – документы инвалида первой группы в приемной комиссии принимать не хотели.

– Но я все-таки добился, чтобы меня взяли на вечернее отделение, – рассказывает Геннадий Бондаренко. – И был единственным студентом на вечернем отделении, который получал ленинскую стипендию! За все годы обучения я получил всего четыре четверки, остальные экзамены сдавал на отлично.

Геннадий всегда был поэтом, а поэты не могут жить без любви, без музыки.

– Я считал, что меня – такого немого и странного – не могут любить женщины, – рассказывает Волноходец. – Я очень переживал, писал стихи. Были влюбленности, даже один бурный роман с женщиной по имени Нина, но она так и не решилась связать жизнь с инвалидом.

Свою будущую жену Людмилу Коваль Геннадий Бондаренко встретил в Киеве. Там она, инвалид по зрению, работала на заводе «Металлохозизделия» и организовала для инвалидов вечер в Доме культуры.

– Мы пригласили много народу, – рассказывает Людмила. – Все сидели за столиками. Одному не хватило места – это как раз был Геннадий. Сами инвалиды не хотели, чтобы он подсаживался к ним – из-за нарушений двигательного аппарата он не мог аккуратно есть пирожные, его надо было кому-то кормить. И вот я вижу – он потерянно ходит между рядами в бесплодных поисках. Я предложила: садись рядом. Мне тогда было 18, ему 25. Оказалось, судьба.

Родители Людмилы были против ее романа – сажали ее под замок, она убегала из дома, пыталась отравиться. В итоге все-таки смогла настоять на своем. Людмила и Геннадий поженились. Вот уже более 25 лет они неразлучны.

– В чем секрет нашего счастья? В терпении, – рассуждает Геннадий Иванович. – Я говорю: «Сегодня ты промолчи, а завтра – моя очередь».

«ЗА СПЕКТАКЛЬ ТЕРЯЮ 3 КИЛОГРАММА»

В конце 90-х годов супруги с Украины переехали в Петербург. Геннадий Бондаренко мечтал воплотить мечту всей своей жизни – создать театр, где бы инвалиды выступали на сцене вместе с профессиональными актерами. Впервые эту идею заронила в его душу Екатерина Васильевна Орлова – учительница истории в евпаторийском санатории. Она открыла и много лет вела первую в СССР театральную студию для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата. За 35 лет работы в санатории поставила с детьми и сотрудниками 80 спектаклей!

– Я хотел продолжить дело Екатерины Васильевны Орловой, – объясняет Геннадий Иванович. – Иногда люди удивляются: а зачем инвалидам лезть на сцену? Чтобы зрители мучились, выслушивая их косноязычные реплики? Сначала я и сам так думал, меня преследовали комплексы – ну как я, с моими дефектами речи и движения, могу иметь наглость выйти на публику? Но потом я понял: именно на сцене инвалид забывает о своих «ограниченных» возможностях! Я впоследствии не раз в этом убеждался, когда вел занятия с аутистами, с детьми с психическими и нервными заболеваниями.

Театр «Антреприза имени Екатерины Орловой» возник буквально «на пустом месте». Репетировали в собственной квартире. Первым спектаклем стала пьеса «Девушка и кентавр», написанная петербургским драматургом Игорем Шприцем. Он подарил ее Геннадию на день рождения.

– Я исполняю роль инвалида, который предлагает балерине обмен. Он уступает ей свое место в очереди на чудодейственную операцию, после которой она снова сможет ходить. А за это она дарит ему ночь любви, – рассказывает Геннадий Волноходец. – Этот спектакль мне дается очень нелегко – приходится полтора часа и танцевать, и ползать, и догонять... Я терял за вечер до 3 килограммов веса! «Девушка и

БОРИС СОРОКИН

Геннадий Иванович и его бывшая ученица Карина. У Карины аутизм, но сейчас она продолжает дело своего учителя и ведет в реабилитационном центре драмкружок

кентавр» стал визитной карточкой нашего театра. Этот трогательный спектакль мы играли на самых разных площадках более пятидесяти раз. Всегда с аншлагами. Многие подходили потом и говорили, что спектакль изменил их мировоззрение, многие плакали...

В 2007 году «Девушку и кентавра» хотели даже номинировать на национальную театральную премию «Золотая маска», но в последний момент спектакль из списка номинантов убрали. От знакомых супруги Бондаренко потом узнали, что «в этом году спектаклей малой формы и так слишком много».

Театр «Антреприза имени Екатерины Орловой» существовал до 2011 года. Не имея постоянного финансирования, выживая от одного гранта до другого, постоянно стучась во все двери и добиваясь приема у чиновников, Геннадий и Людмила совершили то, что не под силу и двум здоровым людям, – они выпустили семь новых спектаклей, каждый из которых становился культурным событием. Иногда, если выделенных денег не хватало, сами вкладывали свои небольшие средства в покупку декораций, платили небольшие гонорары актерам.

– Театр – это не прогулка с девушкой по набережной, – говорит Геннадий Волноходец. – Это каторжный труд, требующий ежедневной отдачи. На протяжении нескольких лет власти города обещали нам выделить постоянное помещение для репетиций и хранения декораций, которые все это время лежали в нашей с Людмилой квартире. Я писал письма – в различные партии, президенту, губернатору.

«С АУТИСТАМИ ПРОЩЕ, ЧЕМ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ АКТЕРАМИ»

В итоге театр «прикрепили» к профессионально-реабилитационному центру инвалидов, выделили помещение и несколько преподавательских ставок. Так Геннадий Иванович стал вести театральную студию «Школа радости». На занятия к Волноходцу приходили учащиеся с задержкой развития, с аутизмом, с проблемами опорно-двигательного аппарата.

– Я просто общался с ними как с нормальными людьми, – объясняет Геннадий Волноходец. – Ставил этюды, сценки, игры. Все то, что делают в театральных вузах. Когда мы поставили первый спектакль, социальные педагоги подходили ко мне в

БОРИС СОРОКИН

Отрывки из книг
Геннадия
Волноходца
на презентации
в Доме писателя
читают
профессиональ-
ные артисты

шоке: «Что вы сделали с детьми?» А я объяснял, что эти «дети» слушают и слышат. С ними гораздо легче работать, чем с профессиональными актерами. Никакие дефекты и сложности не адекватны актерским амбициям. Дети мне доверяли, даже если я крикну на них. Я говорил: я кричу не на вас, ребята, а на ваши ошибки и недостатки в работе, чтобы их прогнать!

Хотя, конечно, сложностей было много. Скованные и стеснительные актеры до самой премьеры отказывались поворачиваться лицом к залу, помощнику режиссера приходилось выбегать и разворачивать их.

– Были очень зажатые ребята, – вспоминает Геннадий Волноходец. – Одна девочка не могла читать вслух. Другой парень, Игорь, – самый сложный аутист, вся группа будила его эмоциональность, ребята его даже щекотали, чтобы изжить в нем стиль «робота». Во время спектакля кто-то из педагогов громко удивился: «Коллеги, Игорь у нас, оказывается, говорить умеет!»

Даже сейчас, спустя пять лет, Геннадий Иванович с удовольствием вспоминает всех своих учеников и перечисляет их успехи.

– Один из студийцев с тяжелой формой ДЦП – никто даже не мог толком понять, что он говорит, – теперь работает организатором на теннисном корте, – перечисляет преподаватель. – Двое из моих подопечных стали встречать-

ся, поженились, у них родилась дочь Виктория. Девочка с аутизмом вышла замуж и тоже родила дочку. Игорь поступил в вуз.

К сожалению, работу студии и театра в 2011 году пришлось прервать – в какой-то момент городские власти посчитали «нецелесообразным» использование бюджетных средств. Геннадия Бондаренко вызвал директор профессионально-реабилитационного центра, объявил, что репетиционной точки у театра больше нет, попросил в срочном порядке вывезти декорации и написать заявление по собственному желанию. Геннадий Волноходец – борец по натуре, но тут у него опустились руки. К тому же здоровье жены (ведь Людмила – тоже инвалид) пошатнулось, все силы надо было бросить на ее лечение... С помощью друзей Волноходец вывез декорации, и они с Людмилой уехали в Крым – поправлять здоровье.

«СКУЧАЮ ПО ТЕАТРУ КАК ПО РЕБЕНКУ»

В Евпатории, в городе своего детства, Геннадий Бондаренко тоже стучал во все двери, предлагая руководству города свой уникальный театр с готовыми спектаклями – бери да ставь. Десятки писем в различные инстанции, на которые приходили отписки от чиновников, которые, всячески одобряя саму идею «театра с неограниченными возможностями», признавались, что возможности их

бюджета сильно ограничены, а помочь они могут только информационно. Почти пять лет он надеялся, что его театр будет возрожден в Крыму, но честно признается, что сил бороться уже не осталось. На вопрос, скучает ли он по сцене, Геннадий Волноходец грустно усмехается: – Если бы у вас отняли ребенка, скучали бы вы по нему? Театр – мое выстрадавшее дитя. Я смиряюсь, пришлось уговорить себя, что буду заниматься литературой и наукой, я написал диссертацию на тему «Я-концепция человека с инвалидностью», опубликовал том своих стихов «Зодчий любви». Свой опыт театральной и педагогической деятельности Геннадий Иванович обобщил в двух книгах, которые издал на собственные средства. В апреле этого года презентация обеих книг состоялась в Петербурге – городе, где еще не забыли постановки «Антрепризы имени Екатерины Орловой». На встречу пришли актеры, писатели и бывшие студийцы – те самые «дети», которым Геннадий Волноходец помог приобщиться к миру театра.

– Здравствуйте, Геннадий Иванович! – радостно говорит девушка в очках. И буквально утопает в его объятиях. Это Карина Розова, одна из бывших учениц «Школы радости». У Карины – аутизм, любое прикосновение, даже материнское, вызывало у нее отторжение. Сейчас 26-летняя девушка вышла замуж и сама стала матерью. Карина признается, что все студийцы до сих пор скучают по театру.

– Я теперь сама веду драмкружок для детей-инвалидов, – гордо рассказывает Карина своему учителю. – Правда, «детям» от 20 до 40 лет... Они у меня и стихи читают, а на Новый год мы поставили с ними «Золушку». Я сама играла принца.

– Как здорово, Карина! Вот и появился у меня последователь, значит, я могу спокойно «уходить на пенсию!» – радуется Геннадий Волноходец. – Все-таки трудно без конца бороться с ветряными мельницами...

В ПОИСКАХ ИОАННА РУССКОГО

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

МАЛЕНЬКИЙ ТУРЕЦКИЙ ГОРОДОК УРГЮП УЮТНО РАСПОЛОЖИЛСЯ МЕЖ ГОРАМИ В САМОМ ЦЕНТРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА КАППАДОКИЯ. ЛЕТОМ ОН ПОЛОН ТУРИСТОВ, А СЕЙЧАС – ТИХ И НЕСПЕШЕН. ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ НА УРГЮП СО СКЛОНА ЛЮБОЙ ИЗ ОКРУЖАЮЩИХ ЕГО СКАЛ, СТАНЕТ ПОНЯТНО: ГОРОД ЖИВЕТ В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ. ПРОШЛОЕ – ЭТО СКЛОНЫ ГОР, УСЕЯННЫЕ ПУСТЫМИ ГЛАЗНИЦАМИ ПЕЩЕР. НАСТОЯЩЕЕ – ЧЕРЕПИЧНЫЕ КРЫШИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОВ. НО НАС ИНТЕРЕСУЮТ СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДИВШИЕ ЗДЕСЬ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД, КОГДА В УРГЮПЕ ОБИТАЛ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НАЗЫВАЛИ СВЯТЫМ ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ. ЕГО ПОЧИТАЛИ И ХРИСТИАНЕ, И МУСУЛЬМАНЕ. А ВОТ В РОССИИ СВЯТОЙ ИОАНН РУССКИЙ МАЛОИЗВЕСТЕН ДАЖЕ СРЕДИ ВОЦЕРКОВЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ...

О Б ИОАННЕ РУССКОМ известно не так уж много. Родился около 1690 года где-то на землях войска Запорожского, попал в плен к туркам во время Прутского похода Петра I, был продан в рабство, попал

в Ургюп – на родину своего хозяина. Правда, тогда город еще назывался греческим именем – Прокопион... Крестьяне здесь, как и сотни лет назад, по-прежнему живут в пещерных домах, которыми усеяны склоны гор. Таких вот

работяг я и встретил в маленьком переулке Ургюпа. Они усердно тащили большую тачку, полную тыкв, которые здесь, так же как у нас на юге, называют «кабак». Сочные кабаки с хрустом раскалывались пополам от умелого удара о камень. Две старушки в платках и шароварах вычищали семена в тазы и складывали ярко-оранжевые осколки кучами. Единственный современный атрибут этого занятия – латексные перчатки, защищающие руки от едкого тыквенного сока... Конечно, в пещерах еще живут и туристы – много старых домов перестроено под отели со всеми удобствами. Я оказался в такой гостинице единственным постояльцем. «Не сезон», – объяснил пожилой и важный менеджер. Я стал рассказывать ему историю Иоанна Русского, ожидая, что он направит меня по местам, где жил и прославился святой. Но менеджер убеждал меня, что я перепутал города, что он четверть века работает в туристическом бизнесе Ургюпа и ни о чем подобном не слыхивал. Он даже стал звонить своим сослуживцам, которые подтвердили, что здесь никакого святого Иоанна не было... И куда

Фасады древних пещерных домов и новые отели на склонах перемешаны воедино

МАМДУК «КРАСИВЫЕ ГЛАЗА»

Название «Ургюп» в переводе с тюркского означает «шляпа-крепость». Имеются в виду шляпообразные скалы-останцы, довольно часто попадающиеся в Каппадокии. Однако в самом Ургюпе таких сейчас нет. Зато на центральной площади возвышается часовая башня, имитирующая подобную скалу...

Искать следы Иоанна Русского в горах, среди пещерных домов, оказалось намного интереснее. Узкие мощеные улочки вьются по склону меж заборов и стен. Освежают это каменное царство лишь зеленые пятна виноградных лоз. То и дело попадаются старинные деревянные двери – потрескавшиеся, с выслугой лет. А на них – такие же заслуженные дверные молотки. На некоторых дверях их даже по две штуки: один стучит звонко, другой – глухо. Это своего рода «звонки» для мужчин и женщин: в зависимости от того, какой стук в дверь раздавался, с той половины дома и выходили открывать дверь – либо с мужской, либо с женской.

Большая часть местных греков жила в долине – по крайней мере, на рубеже XIX–XX веков. Там же стоит и старая школа, о которой упоминал менеджер в гостинице.

Видимо, по упомянутой им же причине – «не сезон» – люди на улице попадались редко. Мне встретились только два прогульщика – наверное, двоечники, которые не понимали даже простых фраз на английском. Более образованные горожане расходились в показаниях о местонахождении греческой церкви: одни утверждали, что она действительно стояла возле школы; другие говорили, что церковь находится в другой стороне города и давно перестроена в муниципалитет. Наверное, в Ургюпе была не одна церковь, ведь в начале XX века здесь жили тысячи православных греков.

В городском парке напротив муниципалитета среди лавочек и каких-то непонятных могиль-

только меня не отправляли: к церквям Музея под открытым небом Гёреме, в пещерный город Зельве... И даже уверяли, что полсотни километров до церкви Святого Иоанна в Гюлшехир – это совсем не крюк, тем более что завтра туда отправляется экскурсия...

Тогда я вспомнил, что в русской церкви в Стамбуле мне дали телефон прихожанки Натальи, которая ездила в Ургюп к местам подвига святого. Позвонил. Трубку поднял мужчина. На ломаном русском он сообщил, что Наталья уехала, и требовал объяснений относительно цели звонка его супруге. Я все подробно рассказал. Но «Отелло» стоял на своем: «При чем тут Ургюп? Я вас спрашиваю, зачем вы моей жене звоните?!»

Я вышел на улицу. В соседнем дворе старик со старухой разводили огонь под огромным чаном с помидорами. «Может, они что-то знают?» – спросил я у менеджера, который наблюдал за мной с интересом. Но он махнул рукой: мол, что с них взять? Да и момент был явно неудачным: костер никак не разгорался, старики злились, из-за забора валил дым, слышалась ругань.

Я попробовал показать менеджеру статью из англоязычной «Википедии» о St. John the Russian, в которой говорилось об Ургюпе. Ничего путного не придумав, менеджер предложил поискать следы святого в районе старой греческой школы, где когда-то жила христианская община и стояла церковь...

Тыкву в чистом виде здесь не употребляют, все эти куски пойдут на переработку

ных плит я неожиданно увидел указатель «Краеведческий музей». Вход в него был свободный. Музей по турецким меркам захолустный: маленький, витрины пыльные, экспонаты валяются на полу. Правда, подписи к ним – на английском. Стал читать и поразился: к примеру, стеклянные сосуды времен Римской империи! Когда я добрел до непонятно как затеавшегося в экспозицию огромного бивня мамонта, ко мне подошел смотритель. Об Иоанне Русском он тоже не слышал и признался, что «не специалист». «Должен же быть в музее хоть один краевед?» – возмутился я. «Один был, но ушел работать в Гёреме», – ответил смотритель. Телефон краеведа найти не удалось, но смотритель уверенно назвал его имя – Мамдук Гёзельгёз, а также его новое место работы – музей «Темная церковь». Фамилия, конечно, трогательная: «Гёзельгёз» означает «красивые глаза». Я понадеялся, что краеведом его называют не за красивые глаза, и поехал в Гёреме – всего 10 километров от Ургюпе. На подъезде к Гёреме становится понятно, почему этот городок – самое популярное тури-

Мощный серпантин на пути в Гёреме

стическое место в Каппадокии. Причудливых скал с остатками древних пещерных поселений здесь больше, чем в Ургюпе. Больше всего здесь высоких конусовидных скал. Кому-то они напоминают столбы, а по мне – так просто вылитые сахарные головы, стройные ряды которых еще сто лет назад красовались на российских базарах. Даже в «не сезон» Гёреме наполнен туристами. Но они не смогли подсказать мне, где находится Темная церковь. Помогли мне найти пещерный храм турки, не связанные с туризмом и не знающие английского. Они

искренне хотели выручить, звонили друзьям, расспрашивали, а один даже подвез меня на своем грузовичке.

Темная церковь оказалась частью Музея под открытым небом. Толпы посетителей осаждали вход в музей, выстраивались в очереди, чтобы попасть в пещерные церкви, поднимались на скалы организованными группами. Сотрудники музея по моей просьбе вызвали Мамдука по телефону. Пожилой краевед с умными усталыми глазами рассказал все, что он знает об Иоанне Русском. Как выяснилось, святого называют здесь «Азиз Йоханнес».

Редчайшее для Каппадокии изображение Архангела Михаила, который попирает богача и держит в руке его душу

КАМЕННОЕ ЛОЖЕ

«Скала с дверями» – так можно перевести турецкое название «Кайякапы». Она действительно испещрена дырами пещерных жилищ – оконными и дверными проемами. На самой вершине уже открыт первоклассный отель. Руководители проекта взялись спасти от разрушения церковь и дом Иоанна Русского, оборудовать музей и надеются на паломников в качестве постояльцев. Странные надежды. Какой паломник может выложить 250–800 евро за ночь в этом отеле?

Смуглое обветренное лицо Хюсю Суджу и крепкое рукопожатие говорили о том, что работа у него не легче, чем у его исторических предков. Он показал церковь и дом Иоанна, дал распоряжение охранникам пропустить меня и уехал по делам.

В одиночестве и полной тишине я вошел в полумрак дома Аги – так звали (возможно, это был воинский чин) турка, купившего на невольничьем рынке попавшего в плен Ивана. Почти все покои хозяев дома – это руины, а вот место, где жил и трудился Иоанн, – в удивительной сохранности. Это своего рода полуподвальный этаж, используемый в хозяйственных нуждах, с пещерной конюшней и хлевом. Сразу вспоминаешь Житие святого. И представляешь картины из далекого прошлого так, будто это происходит у тебя на глазах. Вот лошадей заводят по длинному наклонному пандусу, а козы и овцы пробираются через узкий извилистый туннель. В конюшню, где провел последние тридцать лет жизни Иоанн, реставраторы уже провели освещение. Большие ниши вдоль стен – явно ясли для лошадей. Иоанн насыпал в них зерно и накладывал сено. За петли, выточенные в мягком туфе, привязывал животных. Кое-где видны следы более позднего времени – вбитые в камень железные кольца для привязи. «Приютившись в углу конюшни, Иоанн простирал свое усталое тело и отдыхал», – говорится в Житии

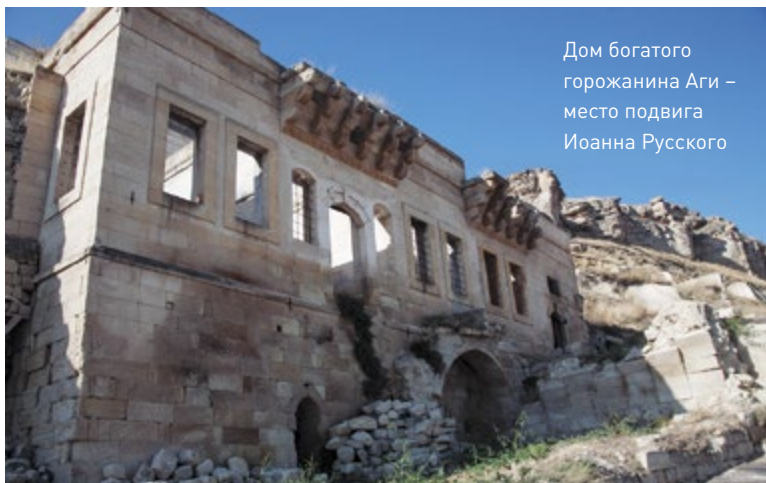
Сохранились дом, в котором служил Иоанн, будучи рабом, и пещерная церковь, где лежали его мощи. Все это находится в историческом районе Кайякапы – на горе, возвышающейся посреди Ургюпа. В пещерах Кайякапы около 3 тысяч лет жили люди, и только в начале 1980-х годов мэрия объявила их аварийными, и всех жителей выселили. С тех пор Кайякапы обезлюдела и продолжала разрушаться. Лет пятнадцать назад одна крупная компания взялась превратить гору в туристический комплекс – с сохранением, как значится в проекте, исторического и культурного наследия местности. Одна гостиница уже работает, а вся остальная территория по-прежнему закрыта для посещения. Мамдук дал мне телефон одного из управляющих проекта – Хюсю Суджу. Советовал смело обращаться к нему с просьбой показать церковь и дом святого. А чего мне робеть? Небось этот управляющий не султанских кровей: «Суджу» на турецком означает «водовоз». О жизни святого Иоанна Мамдук знает только, что он был привезенным из России рабом. Над ним издевались, пока он не сотворил чудо с тарелкой плова.

Хозяин Иоанна совершал хадж в Мекку, когда в его доме жена приготовила аппетитный плов. Иоанн попросил тарелку плова, обещая передать ее господину. Над ним посмеялись, но плов дали. Когда хозяин вернулся домой, то рассказал, как в Мекке ему чудесным образом явилась тарелка, полная горячего плова, и показал то медное блюдо. Жена признала в нем свою тарелку и поняла, что Иоанн сотворил обещанное чудо. Рассказав это, Мамдук просил его больше не задерживать. Встреча со мной пришлась не к стати: в тот день сотрудникам музея перечисляли зарплату. Он вскочил на мопед и погнал вниз по серпантину, чтобы успеть в банк до закрытия.

Старые дома Кайякапы, которые скоро превратятся в гостиничный комплекс

Верблюжьи врата каравансарая, ставшие центральным входом на ресепшен в отеле Кайякапы

Дом богатого
горожанина Аги –
место подвига
Иоанна Русского

святого. Ложе Иоанна действительно находится в самом дальнем углу пещеры. С одного его края выделяется небольшая ступень, служившая, очевидно, подушкой. Весь каменный одр уставлен иконами, свечами и лампадами, принесенными паломниками. Стоит здесь и музейная информационная картинка с неканоническим изображением бородатого Иоанна, прильнувшего к голове коня, и краткой справкой на турецком, русском, французском, испанском и китайском языках. Рядом лежит акафист святому на румынском языке...

ДА ОСТАЛСЯ ЛИ КТО-НИБУДЬ НА РУСИ?

В начале XVIII века Османская империя была наполнена русскими рабами. В основной массе это были не военнопленные, как Иоанн. Крымское ханство в течение столетий непрерывно устраивало набеги на русские земли с главной целью – добыть рабов. Работоторговля являлась одной из основных статей дохода крымского хана. По оценкам ученых, на крымских рынках было продано более 3 миллионов рабов. Крымский хан поставлял огромные массы рабов на невольничьи рынки Константинополя. Посещавшие Турцию путешественники XVII–XVIII веков поражались числу русских по всей империи. Известный славянский просветитель Юрий Крижанич пишет, что «на всех военных турецких

галерах не видать было почти никаких других гребцов, кроме русских». Сами невольники тоже пребывали в недоумении: «Да уж остались ли на Руси еще какие-нибудь люди?» – вопрошали поработанные у вновь прибывших земляков.

В первую очередь русских принуждали принять ислам. Святой Иоанн показал пример героической стойкости. Никакие издевательства и побои не могли сломить исповедника. «Я хотя и пленен тобой, – отвечал Иоанн своему хозяину, – но Небесному Царю истинного служения и правой веры родителей моих никогда не отрекусь!» Прославлен святой был именно в лике праведного исповедника. Хотя в России о его подвиге долгое время не было известно – только в 1962 году святой Иоанн Русский был включен в календарь Русской православной церкви. Глубокая вера и трудолюбие Иоанна постепенно снискали уважение хозяина дома, и русского пленника оставили в покое. Он жил на конюш-

По этому
туннелю
Иоанн заводил
в пещеру коз
и овец

Ясли, ставшие
ложем Иоанна, –
знак единения
святого с ново-
рожденным
Христом

не. Молился Иоанн в крохотной нише – в противоположном от ложа углу. Я едва смог протиснуться туда. Стоять там можно только на коленях. Никаких книг, конечно, у пленника не было. Иоанн знал наизусть многие молитвы и псалмы, молился и за своих обидчиков...

Дела у хозяина дома пошли как нельзя лучше, и он вскоре стал одним из самых состоятельных жителей города. Ага рассказывал соседям, что причина его успеха – русский праведник. Самому Иоанну хозяин предложил оставить работу и жить как свободному в отдельном домике. Святой отказался. К тому же времени относится история о чудесном перенесении тарелки плова для Аги из Ургюпа в Мекку. Этот случай, ставший общеизвестным, сделал Иоанна почитаемым. К нему приходили попросить совета в трудную минуту, просили молить святого о здравии и благополучии. Встречался святой с посетителями в небольшой темной комнате по соседству с конюшней.

В доме Аги пока никаких предметов быта того времени нет. Устроителям музея стоит обратить внимание на коллекцию Краеведческого музея. Там хоть и нет краеведов, но экспозиция инте-

Пещерная церковь, где молился русский святой

Акафист святому на румынском языке

реснейшая, и в основном того времени – прямо-таки переносит в обстановку жизни святого Иоанна. Масляный светильник у русского пленника, конечно же, был крохотный, глиняный, стоял над его ложем в небольших углублениях, хранящих вековую копоть. На подобном музейном экспонате даже христианские символы видны. Хозяин дома пользовался светильниками обстоятельными, с большим запасом масла, расписанными и украшенными камнями. Жена Аги, наверное, щеголяла в туфлях, подобных тем, что хранятся в музее за стеклом, – с невероятно высокой платформой, способной удивить и современных модниц. Иоанн ел из простой глиняной тарелочки, которых также немало в экспозиции. Хозяин пользовался чеканной медной посудой – в музее выставлено как раз блюдо, подобное тому, что Ага мог привезти из Мекки. В коллекции есть дверные ручки-стулочки, сабли, ножи, деревянные и каменные печати, монеты султана Ахмеда III 1703–1730 годов. Выбитая на камне греческая икона хоть и более позднего времени, но тоже в тему – на ней Архангел Михаил попирает ногами богатого старика и замахивается на него мечом.

СВЯТЫЕ НЕ ГОРЯТ

Рядом с домом Аги, в другой скале, располагалась церковь. Здесь Иоанн ночами совершал всенощное бдение и причащался. Здесь же святой был погребен после своей кончины 27 мая 1730 года. Ага распорядился похоронить праведника по пра-

Здесь в нише слева хранились мощи праведного Иоанна

вославному чину и накрыл его тело драгоценным ковром. Вскоре началось почитание Иоанна как святого. К его гробу приходили не только православные греки, но и армяне, цыгане, турки. Автор Жития утверждает, что Прокопион сделался местом паломничества всей Каппадокии. И многие получали помощь от святого. В 1733 году были обретыны нетленные мощи Иоанна Русского и помещены в раку в той же церкви. Целый год понадобился реставраторам, чтобы восстановить стены пещерного храма. По словам Хюсю, он святился сквозными дырами как решето. Зато внутри сохранился полукруглый алтарь и вырезанные в камне цветочные орнаменты. Сохранилась даже ниша, в которой лежали мощи Иоанна. Правда, в церкви очень темно – если не открыть одно-единственное окно в алтаре, то не видно ни зги. Вдоль стен стоит несколько икон и все тот же потрепанный акафист на румынском языке – не потому ли тех самых цыган Каппадокии чтят память святого? Акустика в церкви – завораживающая. Звуки церковных песнопений звучат здесь с чарующей силой – даже в исполнении такого дилетанта, как я...

В 1832 году с мощами Иоанна Русского произошла потрясающая история. Янычары Прокопиона восстали против султана Махмуда II. Армия султана подавила мятеж и разграбила город. Воины вскрыли и гробницу святого Иоанна. Не найдя в ней ничего ценного, решили посмеяться над христианами: выкинули мощи во двор и пошли за дровами, чтобы сжечь останки. Вернувшись, увидели, что мощи опять оказались в церкви. Не придав этому значения, разожгли костер и бросили тело святого в огонь. Вдруг Иоанн восстал из огня живым, с грозным видом обличая разбойников. Воины в страхе разбежались, побросав награбленное. На следующий день христиане вытащили тело Иоанна из пепелища. Оно осталось таким же нетленным и благоуханным, только почернело от копоти.

«СПРОСИ У ВАРФОЛОМЕЯ»

После поражения греков в войне с турками в 1919–1922 годах все греческое население должно было покинуть Малую Азию в обмен на турецкое население Греции. Греки Прокопиона взяли раку с мощами Иоанна Русского и отправились на остров Эвбею. Там в величественном соборе города Нео-Прокопион мощи святого хранятся по сей день. Лежит тело под стеклом, в золотой маске, действительно нетленное и почерневшее от копоти.

Но почитатели Иоанна Русского не забывают и места подвига святого. С середины XX века греки-паломники регулярно навещаются в Ургюп. В доме Аги хоть и жили люди вплоть до 1982 года, но конюшня, где служил Иоанн, больше не использовалась в хозяйственных целях – культовым местом она стала уже давно.

Азиза Йоханнеса в Ургюпе действительно знают многие. В том числе и ветеран турбизнеса из моей гостиницы. Я еще оказался и виноват, что задурил ему голову своим St. John the Russian. Вот вам и отражение в созна-

«Лес»
останцовых скал
за окраиной
Ургюпа

нии одного и того же имени на разных языках: «Азиз» на турецком означает просто «святой». Однако знания о святом в Ургюпе весьма ограничены. Жители помнят только то, что Иоанн был раб (здесь чаще говорят «слуга»), и пересказывают историю о чудесном перенесении тарелки с пловом в Мекку. Ничего

более не знает и Хюсню. Когда я ему надоел со своими расспросами, он закончил разговор так: «Ты же в Стамбуле будешь? Так и спроси у Варфоломея – он все о Йоханнесе знает». В смысле у Вселенского патриарха Варфоломея. Подумалось, что Хюсню надо мной измывается. Однако старые русские эмигранты в Стамбуле действительно утверждали, что Вселенский патриарх – человек общительный и доступный прихожанам. «Заходим, – говорят, – мы как-то во двор Патриаршего собора. Смотрим: Варфоломей идет. Владыка с нами поздоровался, благословил, поинтересовался, откуда мы, как поживаем... Так душевно побеседовали». Мне же встретить патриарха во дворе собора не довелось, а в его резиденции сообщили, что договорившись о встрече нужно заранее. Жаль, очень бы хотелось поговорить с патриархом о святом Иоанне Русском. Ведь это один из самых почитаемых греками святых. В день его памяти, 27 мая, Нео-Прокопион наполняют тысячи паломников, не только православных и не только греков: цыгане, этнические албанцы, переселенцы со всей Европы. И ничего странного: ведь в Греции Иоанна называют «святым, объединяющим народы». ■

Окно в алтаре
пещерной
церкви Иоанна
Русского

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.aks.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.aks.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru